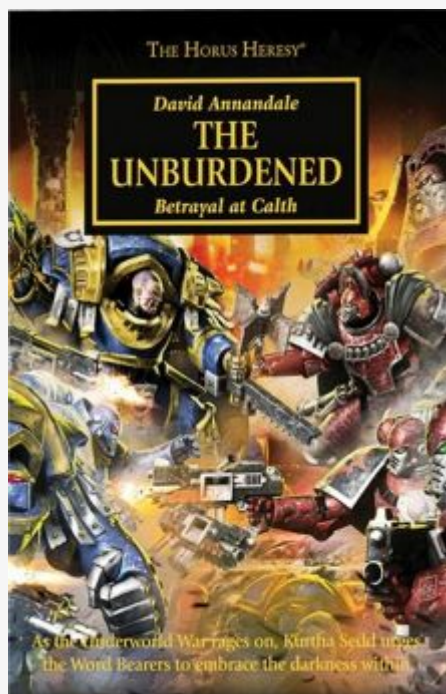

Освободившиеся / The Unburdened (новелла)

Освободившиеся / The Unburdened (новелла)

Автор	<u>Дэвид Аннандейл / David Annandale</u>
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Входит в сборник	<u>Предательство на Калте / Betrayal at Calth</u>
Предыдущая книга	<u>Славные / The Honoured</u>
Год издания	2015
Экспортировать	PDF, EPUB

Это легендарная эпоха. Галактика объята пламенем. Великий замысел Императора относительно человечества разрушен. Его любимый сын Гор отвернулся от света отца и принял Хаос. Его армии, могучие и грозные космические десантники, втянуты в жестокую гражданскую войну. Некогда эти совершенные воители сражались плечом к плечу как братья, защищая галактику и возвращая человечество к свету Императора. Теперь же они разделились. Некоторые из них хранят верность Императору, другие же примкнули к Магистру Войны. Среди них возвышаются командиры многотысячных Легионов – примархи. Величественные сверхчеловеческие существа, они – венец творения генетической науки Императора. Победа какой-либо из вступивших в битву друг с другом сторон не очевидна.

Планеты пылают. На Истване V Гор нанес жестокий удар, и три лояльных Легиона оказались

практически уничтожены. Началась война: противоборство, огонь которого охватит все человечество. На место чести и благородства пришли предательство и измена. В тени крадутся убийцы. Собираются армии. Каждый должен выбрать одну из сторон или же умереть.

Гор готовит свою армаду. Целью его гнева является сама Терра. Восседая на Золотом Троне, Император ожидает возвращения сбившегося с пути сына. Однако его подлинный враг - Хаос, изначальная сила, которая желает подчинить человечество своим непредсказуемым прихотям. Жестокому смеху Темных Богов отзываются вопли невинных и мольбы праведных. Если Император потерпит неудачу и война будет проиграна, всех ждет страдание и проклятие.

Эра знания и просвещения окончена. Наступила Эпоха Тьмы.

□

Содержание

Действующие лица

Часть 1. Бремя прошлого

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

Часть 2. Бремя верности

- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11

Часть 3. Бремя плоти

- 12
- 13
- 14
- 15

Действующие лица

Ложный Империиум:

Император Человечества, Бог Поневоле и недостойный Повелитель Человечества

Малкадор Сигиллит, Первый Лорд Терры, жеманный лакей Трона

XIII Легион, «Ульградесант»

Робавт Жиллиман, примарх, трижды проклятый Владыка Ультрамара

Стелок Эфон, капитан, «Славная» 19-я рота

Дардан

Энвиксус

Тибор

XVII Легион, «Несущие Слово»

Лоргар Аврелиан, примарх, Уризен, Носитель Слова

Кор Фаэрон, Первый капитан, Черный Кардинал, архитектор гибели Калта

Эреб, Темный Апостол, Первый капеллан

Курта Седд, капеллан-апостол, орден Третьей Руки

Терготар, капитан, Пятая штурмовая рота

Сор Гаракс, «Бык», дредноут «Контемптор»

Гулун Ваад, сержант, отделение Улугар

Ток Деренот

Каэлок

Хужун

Рефаз Кванн

Вор Реннаг, сержант, отделение Гурфуз

Аратракс

Варнак Гат

Квартон, сержант-ветеран, отделение Раалана

Герак Хакс, отделение Хурундата, Седьмая рота

Верситис, Десятая рота

Руат Дур, Десятая рота

Культисты Хаоса:

Хротис

И Эфон падает.

Смотри на этот полет, на этот последний полет. Смотри, как тьма из бездны поднимается, чтобы забрать его тело. Принять его как жертву. Поглотить его.

Ты знаешь, что сделал?

Да.

Ты понимаешь, что сделал?

Да.

Ты чувствуешь, что сделал? Чувствуешь, что делаешь?

Да. Вес падающего тела. Вес деяния. Брошен во тьму, отдан истине. Настолько оторван от всего, падает, исчезает. Столько личности и души сожжено и отделено.

Так много убеждений, уз, привязанностей. Так много преступлений и предательств.

Бремя. Оно тяжело, как валуны, как горные цепи. Оно загоняет в шаблон, ограничивает и давит, но избавление от него — все равно что ампутация. Увечье.

Бремя падает вместе с Эфоном во тьму.

Во тьму, что поднимается.

Часть 1. Бремя прошлого

1

Вкус праха

Слепота

Вера и слабость

- Мы получим ответы, которые ищем, до конца дня.

Курта Седд, капеллан Пятой штурмовой роты ордена Третьей Руки, стоял на разоренной равнине, трупы и могиле Монархии. Он повторил слова про себя. Никто не услышал. На нем не было шлема, и скорбный ветер унес фразу прочь. Он повторил их вновь, в печальном ритме зауспокойного колокола. Он был не единственным из братьев, чей дух привязала к себе эта фраза. Он слышал, что ее произносят и остальные: как поблизости, так и в воксе. Однако услышанные им повторения были по меньшей мере настолько же озлобленными и решительными, сколь и озадаченными.

Был ли он единственным, кто воспринимал обещанные ответы с болезненным ужасом?

Слова принадлежали Лоргару, это была последняя законченная фраза, с которой он обратился к своим сыновьям перед тем, как вокс-передача флоту была прервана, и Жиллиман приказал XVII Легиону

прибыть на планету.

Жиллиман приказал. И мы подчинились.

Он заставил себя отогнать эту мысль — и сопровождавший ее вопрос «почему?». Были и другие вопросы, куда важнее. Куда хуже. А ответы, был он уверен, окажутся еще хуже.

Мы получим ответы, которые ищем, до конца дня.

Слова примарха воплощали собой реальность. Не то чтобы Лоргар своей речью придавал реальности форму. Он был сыном бога, а не самим богом. Однако в словах Лоргара, как написанных, так и произнесенных, Курта Седд увидел полное осознание правды. Такова была глубина понимания, которой обладал Лоргар. Он предсказал приход Императора на Колхиду, и тот явился, как будто ответив на зов сына и потребность мира. Лоргар привел XVII Легион к знанию о благе Императора. Слова Лоргара, истина, реальность: между этими понятиями не оставалось пробелов. На уверенности в этом зиждилась вера Курты Седда.

Если Лоргар сказал, что ответы появятся, значит они появятся.

Курта Седд не желал их появления. Он был не в силах представить такого ответа, который бы не поражал с силой циклонной торпеды.

Он сделал глубокий вдох. Без фильтров шлема истертанный воздух Монархии раздирал гортань и легкие. Рот заполнился привкусом предательства. Это был прах, пепел и остаточный жар после уничтожения. Нейроглоттис разложил запах на составляющие, сообщая, что сгорело. Камень и металл, дерево и ткань. И да — человеческая плоть. По другую сторону того, что раньше было внешними стенами совершенного города, находились миллионы изгнанных жителей. Люди бродили, рыдали и рвали на себе волосы. Они оплакивали свои дома, они плакали от непонимания, а еще они оплакивали своих любимых. Здесь была бойня. Люди сопротивлялись. Люди предпочли не убегать. Они погибли за свою верность Императору.

Курта Седд ощущал вкус их мученичества. Он чувствовал тошноту. *Кровь взывает к крови.* Это тоже сказал Лоргар, когда перед ним предстали разрушения на Хуре, свидетельства преступления Ультрадесанта. *Кровь взывает к крови.* Возможно. Но это была реакция, а не ответ.

И реакции не последовало. Произошедшее с Монархией не поддавалось никакому пониманию, однако вместо того, чтобы атаковать, Несущие Слово подчинились Ультрадесантникам и спустились к развалинам.

Курта Седд медленно повернулся, моргая, чтобы смахнуть осевшую на ресницах пыль. Со всех сторон было одно и то же: почерневшая земля, полное отсутствие некогда стоявшего здесь совершенства и собравшиеся братья. Приземляющиеся «Громовые ястребы» взметали своими двигателями клубы пыли. Несущие Слово бродили по спекшимся, оплавленному и перемолотым останкам Монархии, и с их доспехов срывались вихри пепла. Серые крупы летели от серых громад, как будто распадалась сама броня.

Мы выветриваемся, — подумал Курта Седд. Сквозь Легион дул смертоносный ветер. Уже было скверно. Каково же будет, когда появятся ответы?

— Капеллан?

Он моргнул. Перед ним стоял Ток Деренот.

- В чем дело, брат? - спросил он у легионера.

- Мы собираемся, - тот указал влево от Курты Седда.

- Да, - капеллан не стал туда смотреть. Его захватило видение, вызванное близкой картиной кружащегося пепла и силовой брони Ток Деренота. Да, это было выветривание, но особого рода. На правом наплечнике Несущего Слово все так же сохраняли свою яркость и четкость солнечный узор и змеящаяся руна Третьей Руки. Свитки с посвящениями Императору серели на воздухе, темнели от грязи и становились нечитаемыми. Казалось, что надписи на доспехе, непреходящие истины Империи, осыпаются хлопьями на ветру.

Что же я вижу? - задался вопросом Курта Седд.

В промежутке между ударами его сердец пришел ответ: рушится истина. Истина, что была вечной, светом для всей Галактики. Разрушается, изъеденная ветром, скрытая пылью и улетающая прочь вместе с пеплом.

Инстинкт приказывал Курте Седду отвернуться от видения. Ему надлежало закрыть глаза, столкнувшись с подобным богохульством. Однако его удерживали дисциплина и долг капеллана. Его долг состоял в том, чтобы заглянуть вглубь. Его дисциплина давала способы достичь понимания.

Имперская Истина исчезает. Третья Рука остается.

Сердцевина освобождена от искажающего ее налета.

Он зарычал. Мысль уязвила его в самое сердце, словно гладий, глубоко погружившийся между ребер. Он отбросил ее, однако рана осталась. Он уже чувствовал, как она гноится, словно его поразило нечто, обладающее силой подлинного прозрения.

Силой истины.

Еще один глубокий вдох. Еще раз наполнить легкие смертью.

- Да, - повторил он затем. Кивнул Ток Дереноту. Посмотрел на движущийся поток Легиона, который строился и направлялся к более не существующему центру. Он зашагал. Пятая штурмовая рота вокруг него восстановила строй и снова получила цель.

Слева приблизился легионер Каэлок. Курта Седд часто говорил с ним и Ток Деренотом за прошедшие годы. Оба воина отличались сильной, похвальной жадностью понимания, а также даром толкования. Но Ток Деренот, изучая Слово и Истину, двигался от одного вопроса к другому, Каэлок же искал ответов. Он был приверженцем иерархии духовного лидерства, спускающейся от Императора к примарху, а от примарха к капелланам.

- Мы в состоянии войны, капеллан? - спросил Каэлок.

- А как ты думаешь, брат? - Курта Седд завел правило перенаправлять вопросы Каэлока обратно к нему же. Легко полученному ответу, пусть даже верному, будет недоставать надлежащей силы откровения. Однако на сей раз в его реакции не было ничего риторического или же наставительного. Вопрос был искренним.

- Это нападение, но оно лишено всякого тактического смысла, - произнес Каэлок. Как и все они, он боролся с необъяснимым. - И по нам не стреляли, когда мы прибыли.

- Да и с чего нам воевать с братским Легионом? - сказал Ток Деренот.

Капеллан не ответил. Молчащий вокс издавал потрескивание. Хотя Ток Деренот и построил свой вопрос как отрицание, отвергая идею, которой он придавал форму, но и просто произнести эти слова означало озвучить нечто чудовищное.

Легион против Легиона. Подобное немислимое братоубийство раскололо бы материальный мир надвое. Реальность не смогла бы отреагировать на это невероятное событие иным способом.

И все-таки Монархия превратилась в пепел.

А воздух был наполнен привкусом правды, которую невозможно произнести.

- Да, откровенье ждет нас впереди, - пробормотал Курта Седд.

- Что вы имеете в виду, капеллан? - спросил Ток Деренот.

Курта Седд покачал головой.

- Ничего. Что-то. Не знаю, брат. Я цитировал древнего терранского летописца, Йейца. Дошедшие до нас фрагменты его труда были истолкованы как предсказание о явлении Императора.

Да, откровенье ждет нас впереди.

Мы получим ответы, которых ищем.

Его жизнь в роли капеллана была посвящена Истине, ее выявлению, ее восхвалению и ее распространению. Теперь же он страшился ее прихода. Он бы не допустил ее, если бы смог. Но все-таки не надевал шлем. Отказывался фильтровать мертвый воздух Монархии. С каждым вдохом он принимал истину внутрь себя, и с каждым вдохом что-то надламывалось еще немного: нечто важнее самой жизни, нечто такое, что никогда не должно было сломаться.

Он шел по золе. Шаги выбивали небольшие облачка пыли. На плечи давил груз, который становился все тяжелее по мере приближения времени для ответов.

Несущие Слово собирались, чтобы получить ответы. Один ряд воинов в сером за другим. Ток Деренот и Каэлок отстали, вернувшись к своему отделению, а Курта Седд двинулся дальше вместе с прочими капелланами и капитанами. Он открыл вокс-канал связи со всей ротой.

- Слово есть наше бремя, - произнес он. - Ничто не превзойдет его священной тяжести. Что бы ни принес этот день, братья по Семнадцатому Легиону, знайте, что мы выдержим это.

Ответом стали щелчки и согласное бормотание. После этого он разорвал связь. Он не верил, что сможет говорить так, чтобы сомнение не пробралось в голос.

Он не доверял даже звуку собственного дыхания.

Когда нанесенные в тот день раны зарубцевались в достаточной мере, чтобы о них вообще стало возможно говорить, Курта Седд обнаружил, что, как и подозревал, был одним из первых, кто ощутил еще

более великие предательства. До Отповеди, до того, как примарх предстал перед своим отцом, даже до появления Жиллимана с Сигиллитом, Курту Седда потряс вид знамен Ультрадесанта. Сотня воинов в синем спускалась по аппаратам своих «Громовых ястребов», и в дымке горделиво блистал белый конь на лазурном поле.

19-я рота.

Эфон, – подумал Курта Седд. Он сумел устоять на ногах.

Он осознал, что до этого момента неосознанно лелеял надежду: что Эфон не знал о преступлении, совершенном на Хуре, или хотя бы не одобрял его. Идея о том, что Ультрадесант обратился против другого Легиона, была безумна, но безумие не носило облик друга. Ему требовалось за что-то уцепиться. Где-то должна оставаться стабильность. Вся вселенная не могла впасть в безумие. Но Эфон был во главе своей роты. Он не просто знал, он принимал участие в разрушении.

Земля под ногами Курты Седда стала тонкой, как лед, и податливой, как песок.

Почему? Курте Седду хотелось протянуть руки через пространство между Несущими Слово и Ультрадесантниками, через пустоту, где когда-то был сектор Инага, и встряхнуть воина, бок о бок с которым сражался в столь многих кампаниях. *Почему?* – хотел он закричать своему другу. Легионеру, чью жизнь он спас на Мелиор-Терции, брату, вместе с которым праздновал победы и обсуждал наиболее непростые моменты Имперской Истины.

Его доверие к Эфону было нерушимо. Каждая совместная кампания Несущих Слово и Ультрадесанта укрепляла узы, выкованные в ходе истребления орков.

Доверие. Верность. Братство. Вера в эти понятия и потребность в их реальности были цепями, так туго обвившимися вокруг груди и горла, что он не мог дышать. Они держали его. Давили на душу, круша ее, а не освобождая.

Эфон был здесь. Эфон знал. Таков был первый ответ. Если первый настолько ужасен, насколько же хуже окажутся остальные?

Он попытался приготовиться.

Старание оказалось тщетным. Посыпались удары молота.

Насколько хуже?

Их бы хватило, чтоб повергнуть его на колени.

Ответы появлялись, один за другим. Эффект от них складывался воедино. У Курты Седда зудели кончики пальцев. Одновременное ощущение онемения и боли расплзалось по конечностям по мере того, как все реальное рушилось, а невозможное восставало. Его картина мира была уничтожена зрелищем того, как все известное ему перемалывается в пепел Монархии.

Он видел, как пререкаются Лоргар и Жиллиман, братья-полубоги. Видел, как Лоргар ударил Малкадора Сигиллита, и, хотя смертный рухнул, словно вязанка хрупких веток, это Лоргар выглядел бессильным, а насилие казалось бесполезной выходкой побежденного. Невозможно, разумеется.

А затем худшее из всего. Курта Седд узрел божественное. Узрел Бога-Императора. Ему обожгло глаза. Он думал, что ослепнет, однако точно так же не мог отвести взгляд, как и вдохнуть воздуха. Он был

вынужден наблюдать, пусть даже сознание раскалывалось на части.

Он видел, как его примарх молил великого Отца.

Видел, как бог отверг поклонение и в гневе обратился против самых праведных из своих детей.

И, хуже всего, он слышал, как Император говорит с ним. С каждым Несущим Слово. Слов было много, но первые стали самыми важными. Самыми судьбоносными. Тем, что обрушило на плечи Курты Седда весь вес бытия и разрушило фундамент его силы.

Так много в одной-единственной фразе.

+На колени.+

В последующие дни Курта Седд сознавал все события Отповеди с безупречной ясностью. Он знал каждую подробность унижения и каждый произнесенный слог. Но знал он их так, словно ему о них рассказали. Связь между ними была где-то далеко. Сам же он воспринимал их как саднящую, обжигающую, ранящую и кровоточащую круговерть обиды и ужасных воспоминаний. В его собственном живом опыте, в нутре, в ревушей душе не было никакой связи.

Ее и не должно было быть. Император заставил Несущих Слово опуститься на колени. Какая логика могла существовать после такого?

Следующие за Отповедью часы исчезли для него. Они существовали фрагментами. Образами упорядоченного движения — его боевые братья вновь маршировали, и в их поступи читались унижение и утрата цели. Порывами дул ветер от двигателей «Громовых ястребов», которые взлетали один за другим. Не было ни единого завершенного воспоминания. Все размазывалось в серое пятно. Броня, пепел, прах и вера — все вместе исчезало. Оставался лишь один яркий фрагмент. Сор Гаракс.

Курта Седд слышал, как беснуется дредноут «Контемптор». Это было не внове. После погребения в боевой оболочке Сор Гаракс погружался во все более мрачные приступы злости и ожесточения. Раны, которые он получил в ходе кампании по приведению к Согласию Семнадцать — Семнадцать, были не только телесными. Однако теперь он вещал еще более озлобленно, чем обычно. Его речь была практически бессвязна. Курта Седд разобрал всего несколько фраз. Циклом раньше он бы счел услышанное кощунством. Это было повторение слов самого Императора, однако в их эхе содержалась чудовищная ненависть. Несущие Слово, находившиеся возле Сор Гаракса, отворачивались от него, словно желая отвергнуть раскатистые завывания почтенного воина.

Ну разумеется, Сор Гаракс выл. Содеянное Императором должно было бы разрушить все бытие. Однако этого не случилось. Когда Курта Седд снова начал осознавать окружающую обстановку, под его сапогами все еще была земля.

Стояла ночь. Он уже не был на могиле Монархии. Ноздри до сих пор заполнял смрад гибели, а воздух был серым от пепла, но он ступал не по шлаку со стеклом. В отдалении слева слышался лягз и плач, доносившийся из одного из громадных лагерей беженцев, которые раскинулись за бывшей чертой города. Миллионы и миллионы граждан подверглись выселению. Людям было некуда идти. Монархии и еще пятнадцати великих городов больше не существовало. Ни один из оставшихся центров Хура не имел возможности принять пополнение, многократно превышавшее их нынешнее население. К тому же ближайший сколько-либо крупный город располагался в сотнях километрах от Монархии.

- Это — здравый смысл? - прохрипел Курта Седд и впервые в своей жизни усомнился в Императоре. - Это — истина? Это — правосудие? Мы привели этот народ к Согласию для тебя. Мы научили их поклоняться тебе. На них не было ни какой вины, кроме абсолютной верности твоему имени. И потому их нужно покарать, чтобы показать пример нам. Стало быть, их жизни неважны? Постигшая их катастрофа имеет значение лишь как средство достичь цели? Тебе нужно было, чтобы Легион преклонил колени среди праха, но сперва тебе потребовался прах.

- *Капеллан Курта Седд, с кем вы говорите?* - голос в воксе доносился с огромного расстояния. Слишком далеко, чтобы иметь хоть какое-то значение. Однако тот продолжал окликать его по имени, словно назойливое насекомое. - *Капеллан, ответьте.*

Голос принадлежал Терготару, капитану Пятой штурмовой роты.

Курта Седд не сознавал, что оставил вокс открытым. Его слова были переданы всей роте.

Хорошо. Эта мысль удивила его самого.

Он ответил Терготару щелчком, но ничего не сказал.

- *Брат-капеллан, мы покидаем Хур. Отдан приказ о немедленной погрузке. Мы должны...*

Курта Седд разорвал связь и заглушил вокс. Он оглянулся в направлении Монархии. В дыму, оставляя за собой огненные следы, поднимались «Громовые ястребы». Они пробирались к облакам. Несущие Слово покидали сцену своего унижения.

Он не мог этого сделать. Еще нет. Рана была слишком глубока и свежа.

Он зашагал вперед. Казалось, будто его шатает, однако при каждом шаге сапоги врезались в землю так, словно крушили само скальное основание. Поднялся ветер. О броню зашуршала пыль. Она жалила плоть. Коркой забивала ноздри, притупляя обоняние. Его, словно кокон, окружали крики Хура. Он отступал вглубь собственной боли. В визге ветра звучала утрата смысла. Он побежал. Он не знал, удаляется ли от погребального костра веры, или же стремится навстречу пустоте надежды.

В правой руке было что-то тяжелое. Оно оттягивало ее. Он поднял предмет, держа тот перед собой на бегу. Это был его крозиус арканум. Оружие являлось его церемониальным жезлом. Символом его предназначения. Но его бог объявил его предназначение ложью. Он держал символ, не связанный ни с чем. Оккулоб усиливал слабый свет луны Хура, которая сияла сквозь покров облаков, и казалось, что украшения на металле перед глазами извиваются. Они искали новый порядок, новую цель.

Он бежал. Сквозь пыль и ночь, сквозь ничто и в ничто, держа металлический могучий предмет — оружие, которое было таким же мертвым и голодным, таким же ищущим и истерзанным, как и он сам. Он не видел ничего, кроме крозиуса. Он отключился от мира. Ветер и пыль были создаваемыми реальностью помехами, идиотским ощущением и шумом, симптомами вселенской болезни.

В пустоте, сквозь которую он двигался, не существовало времени. Он завис в ранащем душу чистилище. Он бы предпочел бежать в ночи, однако сознания достиг какой-то шум, вернувший его обратно в мир. Ощерившись, он развернулся в направлении, откуда тот исходил, и застыл, поняв, что это такое: голоса, возносящие молитву.

Он стоял возле пересечения восьми шоссе. По рокриту змеилась пыль. Дороги сходились в кольцо, окружающее низкое гранитное возвышение. Восемь лестниц поднимались к молевому дому, который,

казалось, вырос из самой скалы. Курта Седд неотрывно глядел на часовню, поначалу будучи не в силах уразуметь, откуда та взялась. Это был не собор, однако строение имело достаточно большой размер, а группа шпилей и окаймленных золотом сводчатых дверей впечатляла своей обособленностью. Поблизости не было никаких других зданий. В радиусе нескольких километров от его местоположения не существовало ни одного поселения. А затем он вспомнил, что в этом-то и суть: он смотрел на часовню для путников. Хур был испещрен такими, они раскинулись вдаль от основных центров, однако находились на ключевых маршрутах между ними. Здесь люди могли прервать свое путешествие, отдохнуть, помедитировать и выразить свою любовь к Богу-Императору. К богу, который отверг их любовь.

Курта Седд двинулся к часовне. По краям дорог стояло много машин. Большинство направлялись из Монархии. Очередные беженцы, спасающиеся от террора Ультрадесанта. Они не слышали сегодняшних новостей. Они все еще жили в Галактике, где поклонение Императору было самой естественной и насущной вещью из всех.

Он надел шлем. Взглянул на мир глазами охотника. В конце концов, именно таковым он и являлся.

Ведите войну, ради которой были сотворены. Слова Императора. Приказ Императора. Не поклоняться. Расширять одни лишь завоевания.

Курта Седд распахнул двери. Ему открылась картина не потревоженной веры. Скамьи были заполнены. Там находилось более тысячи людей. Они были грязны после путешествия. Нефы ломались от тюков с наспех собранными пожитками. Многие из верующих плакали, однако их голоса, молящие о помощи и славящие бога, сохраняли силу. Их дома разрушили, но у них была надежда. Их вера. Она была тверда. Она поддержит их.

Двери с глухим лязгом захлопнулись за спиной Курты Седда. Он стоял посреди часовни: единственное существо, которому отказали в помощи. Он был капелланом бога-отступника.

Люди обернулись к нему. Общий радостный вздох взлетел к сводам часовни. Раздалось бормотание, из которого на разный лад доносились одни и те же слова: *ангел... истинный ангел... серый ангел...*

Ближайшие из молящихся, так и не поднимаясь с колен, потянули руки к его плащу. Они издавали благодарственные вопли. «Спасены», – снова и снова повторяли они.

Курта Седд медленно повел головой из стороны в сторону, впитывая каждую деталь сцены, каждого из присутствующих. Он слышал радость в голосах, видел веру в глазах. Слышал ложь. Видел ложь.

Раны, нанесенные Отповедью, становились все глубже и глубже. Во Вселенной не было ничего, кроме горя, ярости и предательства. Он посвятил свою жизнь истине, и вот теперь источник истины отрекся от самого себя. В этот миг, когда ему сильнее, чем когда-либо, требовалось ощутить мощь истины, он не знал, существует ли вообще хоть какая-то истина по другую сторону бессмыслицы.

Ярость внутри костей. Ненависть внутри конечностей. Кулак крепче сжался на рукояти крозиуса. Символа, ищущего смысл. Оружия, ищущего крови.

– Вы верите, что Император услышал ваши молитвы, – произнес он. Динамики шлема усилили голос. Рык отразился от стен. Его боль, воплощенная в железе, заполнила собой пространство. – Вы правы. Он услышал их. *И явился во гневе. Не будет никаких молитв. Подчинитесь ему и отвернитесь от него!*

Последовало растерянное молчание. Он видел, как по толпе волнами расходится недоумение. А затем

тишина сменилась криками. Несмотря на замешательство, в них звучало неприятие. Оно рождалось из рева вопросов и воплей — отчетливое, мощное и фанатичное. Сказанное им было неправдой. Сказанное им был нелепицей. Сказанное им было неприемлемо.

Люди были правы. Однако Император говорил иное. И стало быть, правильное являлось неправильным.

Горе, предательство и ярость. Они разрастались и растревались с каждым ударом его сердец, сливаясь в единый порыв, который нельзя было назвать и выразить иначе как насилием. Зрение заволкло пеленой. Он видел черное и красное, правду и ложь, и между ними не было разницы.

- *Вы не будете поклоняться!* - взревел он.

Таково повеление нашего бога, - подумал он.

Но люди кричали все громче и громче, взывая к Императору и его ангелам. Их восхваления становились все отчаяннее. Охваченные порывом панической преданности, те несколько прихожан, что держались за его плащ, теперь стискивали его так, словно удерживали в этом мире. Их отчаяние пересилило благоговение, которое бы не позволило им осмелиться прикоснуться к нему.

- Молчать! - закричал он, и ему было так больно, что часовне следовало бы развалиться на части. Почему сам воздух не кровоточил? Почему звезды не лили кровь?

И тишина не наступила. Лишь все усиливающаяся какофония молитв, просьб и песнопений.

И пелена. Все темнее. Все глубже. В ней, словно новая звезда, вспыхнуло отчаяние.

Курта Седд запрокинул голову.

- Такова твоя воля! - произнес он, противясь и покаясь богу, что повернулся к нему спиной.

- Таково твое повеление! - произнес он с ненавистью и любовью, с верой и неверием.

Он поднял крозиус.

- Отпусти меня! - произнес он, однако хотя взор его и был обращен вниз, но говорил он не с собравшимися у его ног людьми. И времени подчиниться он им тоже не дал. Он взмахнул крозиусом. Одним движением руки он расколол четыре головы, превратив их в брызги крови и разлетающиеся кости. Тела отлетели прочь. Руки выпустили его плащ. Они тянули слабо, однако, сокрушив обременявших его смертных, он испытал чудовищное облегчение.

Он вновь взмахнул крозиусом. На шлем брызнула кровь. Сквозь красное он видел все в красном цвете. Треск костей и звук рвущихся мышц означал разрушение оков. Крики перешли в вопли. Недостаточно громко. Он едва слышал их за ревом собственного голоса, за ревом в голове, за ревом Вселенной. И потому бил снова и снова, все быстрее, шагая по нефам. Когда толпа хлынула к выходам, он вытащил плазменный пистолет, вызывая все больше страха, все больше смерти, все больше воплей, но крики так и оставались недостаточно громкими. Правой рукой он крушил верующих в бесформенное месиво.левой посылал в каждую дверь пламя из сердца солнца.

При каждом ударе, при каждом нажатии на спуск что-то ломалось внутри. Какая-то его часть стенала от ужаса, но он топил ее в крови. Каждая смерть значила очередное падение в бездну, и этот спуск придавал ему жизни. Между ненавистью к себе и свободой не существовало различия. Он уничтожал все, чем прежде являлся, но его уже лишили всего, что он отстаивал.

Падение ускорялось. Он убивал все быстрее и быстрее, издавая бессловесный рев, крича ни о чем в ничто, опустошая свою душу. Огнем и железом он преображал мир вокруг себя в отражение собственной убитой веры. Он уничтожал порядок. Уничтожал смысл. Уничтожал истину.

Красная кровь. Красное пламя. Крики в красном.

Красный цвет конца.

Он шагал среди тел. Мертвецов было так много, что он карабкался по горам, которые породила учиненная им резня. Ему нужно было больше криков. Ему нужно было больше крови, он исполнял приказ Императора до последнего отвратительного предела. Он не мог убивать с достаточной быстротой. Он безостановочно стрелял из плазменного пистолета, загоняя тот за критическую черту.

Оружие перегрелось. Работа охлаждающих каналов не поспевала за темпом стрельбы. Чтобы избежать повреждений, пистолет произвел аварийный сброс. Из ствола вырвалось облако перегретого газа. Оно окутало Курту Седда. Пронеслось по всей часовне, словно разрастающийся пузырь самого гнева. Показатели авточувств с воем вспыхнули красным и затерялись в багряном море бешенства. Наружные слои брони вскипели. Плоть паствы испарилась. Жар прошел сквозь доспех, через решетку дыхательного аппарата. Легкие вобрали в себя его ярость и пересохли. Он пошатнулся, уронив руки.

Жгучее газовое облако рассеивалось, оставляя за собой опаленные стены и влажные кости, скрючившиеся в миг мучительной смерти. Красная мгла угасала. Он почувствовал запах крови и сгоревших тел. Авточувства продолжали выдавать мерцающие предупреждения о повреждениях. Он моргнул, прогоняя их. Курта Седд стоял в центре часовни, в окружении дела рук своих, и вслушивался в звук собственного дыхания, в собственный пульс и в тошнотворную тишину.

Что ты наделал?

От сотен верующих остались груды почерневшего мяса и изломанные тела.

Что ты наделал?

Рассудок возвращался, и у него закружилась голова от раздвоения личности. Кто совершил это злодеяние? Должно быть, он наблюдал его издалека, но не мог быть в этом повинен. Отрицание рухнуло почти сразу же, как обрело форму. Следом явился ужас из глубин души.

Он знает, что ты сделал.

Было одно воспоминание, которое давало ему главный повод для гордости и подстегивало исполнять предназначение капеллана. Именно это воспоминание формировало его самого и его поступки. Воспоминание о словах, которые сказал ему Лоргар в самом начале его пути космического десантника: «Император наблюдает за тобой».

Император являлся богом, а потому эти слова были истиной в буквальном смысле. Под этим всеведущим взором он вел свой крестовый поход. Посвятил всю свою жизнь тому, чтобы доказать, что достоин милости.

Он знает, что ты сделал.

Император отрицал свою божественную природу, однако делал это с божественной силой. Он осудил Несущих Слово. Заставил их преклонить колени. Сотню тысяч. Одной-единственной мыслью.

Он знает, что ты сделал.

Кара несомненно придет.

Курта Седд стоял и ждал. Тишина становилась гнетущей. Она давила на него, словно он находился на дне океана. В глубине груди была болезненная пустота, заполненная круговертью пыли.

Миновал час, или целая эпоха. Он услышал, как за спиной открывается дверь. Он не стал оборачиваться. Он слышал, как по каменному полу шагают керамитовые сапоги. Они остановились сразу возле входа.

Кара пришла.

Но вместо этого раздался знакомый голос.

- Капеллан, что произошло?

Вот теперь он повернулся. Ток Деренот стоял так же неподвижно, как и он сам считанными мгновениями ранее. Позади легионера появился Каэлок, а затем капитан Терготар. Казалось, все они встали в землю, стоило им увидеть бойню.

Первым начал действовать Терготар.

- Ждите снаружи, - скомандовал он невидимым боевым братьям. Затем закрыл дверь. - Капеллан?

Курта Седд не ответил. *Где же кара?* - гадал он.

- Ты меня слышишь? - спросил Терготар.

Курта Седд слышал. Он снова включил вокс, но слушал великую тишину снаружи. Слушал пустоту, которой просто не могло быть.

- Выведите его наружу, - произнес капитан.

Ток Деренот и Каэлок двинулись к трансепту, где стоял Курта Седд. У них под ногами хрустели тела. Некоторые рассыпались в пыль. Двое Несущих Слово подошли и встали по бокам от него. Ток Деренот положил руку на правое плечо Курты Седда.

- Пойдем с нами, капеллан, - сказал он.

Курта Седд позволил увлечь себя вперед. Он начал шагать. Ноги пришли в движение. Стопы попирали пол часовни. Он видел, что делает, однако не чувствовал этого. Он пребывал в оцепенении. Ужас перед карой уступал место куда худшему ощущению от ее отсутствия.

- Где он? - прошептал Курта Седд.

- Кто? - спросил Каэлок.

- Именно, - из легких Курты Седда вырвался хриплый выдох. Это бы горький смех совершенного отчаяния. - Вот именно. Кто он?

Бог ли он? Где его кара? Прав ли он, что отрицает свою божественность? Лоргар ошибается? Лоргар лгал?

Лимбо бесчувствия манило к себе. Погрузись он туда, вопросы перестали бы его преследовать. Уже

произносить эти вопросы было мучительно и мерзко. Ответы на них могли оказаться только еще хуже. Противоречия было не разрешить. Истина, какую бы форму она ни приняла, была невыносима.

Он не поддался. Вопросы были слишком важны, а он не был трусом. Он всегда сражался за правду, или хотя бы за то, что ею считал. И когда она, наконец, явила себя, он не отвернется. Однако пока что существовали лишь вопросы, непонимание, ужас, да еще кровь на его руках.

Так много крови. Жизненная влага сгорела вместе со слоями доспеха, но ему казалось, будто он до сих пор ее видит. Вместо серого он был багряным. Слово, деяние, кровь и бытие отныне стали единым целом.

Он вышел из часовни. Ток Деренот и Каэлок сошли вместе с ним по ступеням к дорогам, по которым раздувало пыль. Братья из Пятой ждали за дверями, выстроились по бокам лестницы и собрались на рокрите. На дорогах стояли четыре «Громовых ястреба». Чтобы отыскать его, Терготар привлек большие силы. Курта Седд задался вопросом, почему. Едва ли капитан мог решить, что его захватили в плен. В конце концов, они были не на войне. Унижение свершилось, и Ультрадесантники отбыли. Они были всего лишь вестниками, слепо исполняющими приказы, и их работа была выполнена.

Возможно, Терготар ожидал каких-то крайностей со стороны Курты Седда. Тот заработал себе репутацию неудержимостью на поле боя. Он шел на безумный риск, опираясь на убежденность собственной веры.

А теперь? – подумалось ему. Что ты наделал теперь?

У него не было ответа. Не было слов. Не было Слова. Его разрушил Император.

В ухе раздался скрежещущий звук. Он пробивался через лимбо, раздражая и привлекая к себе внимание. Голос Терготара в воксе.

- Сжечь все, – произнес Терготар. – Разрушить часовню. Не оставлять следов.

Ток Деренот и Каэлок повели Курту Седда к «Громовому ястребу». Перед самой аппарелью он остановился. Капеллан обернулся посмотреть, как выполняются распоряжения Терготара. Несущие Слово вошли в часовню. Через несколько мгновений из дверей и разбитых окон вырвалось пламя. Легионеры вышли наружу, и три оставшихся десантно-штурмовых корабля поднялись над землей. Построившись кольцом, они полетели над часовней. Пушки хлестнули по зданию ливнем снарядов. Фундаменты взорвались. Стены обрушились внутрь, завалившись друг на друга. Фрагменты шпилья, кувыркаясь, взметнулись к небу словно в последнем молитвенном жесте, а затем упали в творящееся избиение. Огонь, дым и пыль поднимались все выше и распространялись вширь. Они пожирали. Они скрывали.

Они стирали.

Курта Седд видел, как уничтожают все следы совершенного им преступления. Обстрел из пушек продолжался, разнося в порошок даже скальное возвышение. Скоро останется только воронка. Произошедшее будет похоронено глубоко внутри Легиона.

Курта Седд не сомневался, что резню скроют. От этого знания его переполняло сокрушительное горе. Император не наблюдал за ним. Лоргар солгал. Во Вселенной не существовало ничего, кроме предательства. Там не было места вере.

Однако вина, труп веры, не собиралась лежать спокойно. Она билась туда-сюда у него в груди.

Где кара? – навязчиво вопрошала она снова и снова, будучи не в силах принять в качестве ответа «нигде».

Где кара? Где кара?

Он согрешил. Он должен ответить. Он не мог сбросить бремя этой истины.

Где кара?

Она придет.

Когда?

Когда?

Когда?

2

Ланшир

Помехи

Убежище

Он так и не перестал ждать кары. Даже когда верность превратилась в еще более сильную ненависть. Даже когда он стал следовать новым учениям Лоргара и, в конце концов, обратился к старым богам Колхиды. Он обрел новую истину и нашел божеств, достойных поклонения. Однако эта вера так и не оставила его, она скрывалась на задворках разума и глодала душу, пока он шагал по новым океанам крови невинных. Она тяготила его. Миновали десятки лет.

Спустя сорок четыре года после Отповеди невероятная вспышка заставила его подумать, что кара пришла.

Пятая штурмовая рота направлялась на помощь к группировке Хол Велофа в Ланшире. Несущие Слово Терготара вошли в город на юге. Они продвигались по Оси Наконы, подгоняя «Громовые ястребы» и «Носороги», чтобы вгрызться во фланг подкрепления Ультрадесанта, которые, как сообщалось, пробились с востока. Другие силы XVII Легиона сходились с остальных сторон. Хол Велоф смыкал вокруг Ультрадесантников громадный кулак. Прорыв лишь продлевал их агонию. Они продержат позицию у здания гильдии на несколько минут дольше, и это будет стоить им еще более крупного поражения.

А потом небо взорвалось. Пламя свет был слишком внезапным и сильным, и заслонки, которые опускались поверх глазных линз Курты Седда, не успевали уберечь его от ослепления. Столпы огня ударили по позициям Несущих Слово с безупречной точностью божественного приговора. Вокс-передачи превратились в бурю помех и отчаянных, резко затихающих воплей. Меткость попаданий потрясала. Это было деяние всеведущего разума, который видел все и бил, куда хотел. Между первыми ударами, которые вывели из строя основное скопление сил Хол Велофа, и разрушившим позицию Пятой

мезонным лучом прошло несколько секунд. Этих секунд Курте Седду хватило, чтобы ощутить благоговение и мистический ужас. Длань тянулась через десятилетия, дабы воздать ему возмездие.

Затем на связь по воксу вышел Терготар.

- *Они восстановили контроль над защитной сетью! Отход...*

Луч заставил его умолкнуть. Сверкающая смерть уничтожила улицу. Атаку возглавляли десантные корабли и танки. Они испарились. За секунду сгнули сотни легионеров. Заряд обрушил фасады по обеим сторонам бульвара. Тонны рокрита и плексигласа повалились в воронку и за ее пределы, давя еще больше наступающих.

Терготар ехал в переднем «Лендрейдере». Его больше не было. Последние слова капитана избавили Курту Седда от иллюзии. Он отдал первый приказ, последовавший за лучом.

- *Рассыпаться!* - закричал он.

Он рванулся вправо и побежал к ближайшему неповрежденному входу.

- *Разойтись шире,* - сказал он. - *Не скапливаться в одном месте. Не давать врагу целей.*

Он проломил железные двери. Загрохотал по мраморному вестибюлю роскошного дома. Через несколько мгновений мезонный луч ударил вновь. К этому моменту он успел углубиться внутрь на дюжину метров, двигаясь настолько близко к спринтерскому темпу, насколько это было возможно в силовой броне. Стен здания как раз хватило, чтобы укрыться. Они рушились у него за спиной. Ветер и жар толкали его вперед. Он едва не упал. Обвал здания ускорялся, этажи складывались. Вестибюль сплющивало. Воздух заполняла пыль. Грохот падающего мрамора, рокрита и железа был материален, его физическая мощь сотрясала трескающийся пол под ногами. Он находился прямо перед лавиной. Жилой блок тянулся на полкилометра. Он добрался до противоположного конца как раз к тому моменту, как башня накренилась в направлении разрушенного фасада, отделяясь от фундамента. Она рухнула, и теперь он двигался сквозь шквал грома и пыли.

Он зигзагами перемещался по улице. Она была уже, чем Ось Наконь, однако достаточно широкой. Пока он находился на открытом месте, все небо представляло собой одно колоссальное орудие. Кара могла пронзить облака в любой миг. Зарывчав, он прогнал эту мысль. Кары здесь не было, лишь разворот хода войны, которого не могли потерпеть истинные боги.

Через квартал направо, с другой стороны дороги располагалась большая арка входа на станцию магнитоплана. Закругленная каменная мозаика изображала Жиллимана - с протянутой рукой, указующего путь вперед, поощряющего перевозки и промышленность. Курта Седд предпочел станцию укрытию, находившемуся ближе. Символизм был важен и для братьев, и для врагов. Это место сослужит службу.

В вокс-переговорах творился хаос из неотвеченных вызовов и сообщений о массовых потерях. Большая часть исходила от других рот, которые находились где-то в Ланшире и тоже попали под небесный огонь. Когда Курта Седд добрался до станции, он услышал голос Каэлока:

- *Капеллан,* - начал было тот, - *каковы...*

- *Сохранять вокс-молчание,* - распорядился Курта Седд. - *Найти укрытие и оставаться там. Мы должны лишить врага целей. Пусть их внимание перемещается дальше. Пусть поверят, что дело сделано.*

Очень близко к тому, – подумалось ему. Он сомневался, что у Пятой осталась хоть какая-то техника, и не представлял, каким образом многие из братьев пережили бомбардировку.

Вестибюль станции магнитоплана был темным и пустым. Ветку, тянущуюся на север в район здания гильдии, перерезали в ходе боев. Не было видно гражданских-беженцев, что поразило Курту Седда. На станции царил тишина. Затишье было абсолютным. В осветительных сферах отсутствовало питание, с нижних уровней не доносилось гула деятельности. Если местные жители и побежали в убежище, то куда-то в другое место. Он отложил эту мысль на секунду. Ее можно было развить.

Он стоял во мраке вестибюля и ждал. Мимо входа неслись колышущиеся облака пыли. Их начинало прибивать дождем. Визг жгучих пучковых зарядов и ударов лэнсов продолжался, но в отдалении. В непосредственной близости попаданий больше не было. Курта Седд выждал минуту, а затем вызвал Пятую роту.

– Ко мне, братья, – произнес он. – Станция магнитоплана Саво.

Он вызвал тактический экран авточувств, указав свое точное местонахождение в Ланшире. Он искал возможности и вдохновение, но пока не мог принять решения. Вариантов было слишком много. Ему хотелось верить, что ситуация не столь плоха, как казалось. Он верил, что все еще хуже.

Он оказался прав. Через три минуты после ударов с орбиты по городу взвыли сирены. Из вокс-динамиков на крышах и стенах разнесся голос Рема Вентана. Капитан Ультрадесанта обращался к жителям планеты.

– *Поверхность Калта более не безопасна*, – предупреждал он. – *Локальная звезда повреждена вспышками и вскоре облучит Калт до смертельного для человека уровня*. Бегите в аркологии, – торопил он горожан. – *Во имя Имперума, поспешите*.

Наше великое творение идет убить нас, – подумал Курта Седд.

К назначенной им точке сбора добралось меньше половины роты. И к тому моменту среди братьев уже поползли слухи. Он слышал сообщения, которые проскакивали в фрагментах вокс-переговоров других разбитых подразделений в Ланшире. Отсутствовала связь со флотом на орбите. Следовательно, «Инфидус Император» покинул систему. Или боевую баржу уничтожили. Или же сгорел весь флот.

Братья окружили его, ожидая приказов. Капитан погиб, и командование перешло к нему. В этой кампании духовное и тактическое являлись единым целым. Кор Фаэрон с Эребом подавали пример, и Курта Седд обладал практически таким же контролем над действиями Пятой на войне, как и Терготар. Теперь он стал единственным лидером.

– Капеллан, что случилось с флотом? – спросил Ток Деренот.

– Он умолк, – сказал Курта Седд. – И я не стану рассуждать о стратегии.

Но он стал. Тишина не вызывала у него доверия. Впрочем, у него ничего не вызывало доверия.

Он поглядел на серый день по ту сторону входа на станцию. Тот был безобидным, будничным. Ничто не предвещало грядущего.

– Но что правда, – продолжил он, – так это что мы должны исходить из того, что какое-то время эвакуации не будет.

Рота зашевелилась. Каждый из присутствующих боевых братьев знал, что это значило.

- А Веридия... - начал Ток Деренот, озвучивая мучивший всех вопрос.

- Предупреждение Ультрадесанта верно. Работа завершена. Приближается шторм.

- Нас бросили?

«Бросили» не было тем словом, которое Курта Седд старался не допускать в свой разум. Тем словом было «предали».

- Нет, - произнес он, обращаясь и к себе самому, и к Ток Дереноту. - Пока что мы сражаемся сами. Вот и все. Ультрадесантники лишатся вновь полученного преимущества через считанные минуты. Братья вернутся за нами.

- И куда мы пробиваемся? - поинтересовался Каэлок.

- Вниз. В аркологии. Мы найдем укрытие от солнечного шторма, а еще врагов, которых посраим. В глубинах тьма, а во тьме - истина. Мы сражаемся с силой Слова, братья. Мы не падем.

- Где ближайший вход? - спросил сержант Вор Реннаг. Он тоже повернул голову к свету дня, словно ожидал явления огня.

Курта Седд еще раз сверился с тактическим экраном, взвешивая возможности. А затем пустота станции дошла до него и навела на мысль. Ближайший располагался к северу, ближе к эпицентру уже завершившейся битвы. Там же будет опорная точка. Есть Ультрадесантники еще не там, то скоро окажутся. Несущим Слово придется прорываться внутрь с боем. Курта Седд потешил себя замыслом одержать пиррову победу, разрушив убежище, но затем отказался от этого. Его война еще далеко не закончилась. Сорок четыре года назад он утратил цель. За прошедшее с тех пор время он пришел к новой вере. Однако до сих пор искал свою роль, свой смысл существования. С момента высадки на Калт он ощущал на границе своей души некую тягу. На этой планете что-то было, нечто важное для него. Он не знал, что ищет. Инстинкт был слишком слаб. Однако он был реален и настойчив. Он не усиливался в день кампании, но теперь мысль о спуске под поверхность планеты наполнила капеллана нетерпением.

Существовал еще один вход на западе. Немного дальше. Вспышка приближалась, и у роты оставались на дорогу считанные минуты. Получится впритык. Направься Несущие Слово к северной точке входа, у них осталось бы чуть больше времени в запасе и, возможно, у них нашлись бы силы, чтобы подавить защитников.

Но альтернатива манила иным.

- Вот наш лучший вариант, - произнес он, моргнув в направлении западного входа в аркологии на дисплее и передав его остальной роте. Он не дал прямого ответа на вопрос Вор Реннага, а сделанный им выбор подвергал многих из братьев риску. Неважно. У него были заботы поважнее, и он возглавит атаку. Он доберется до входа. Он спустится вниз.

Несущие Слово покинули станцию и направились на запад. Маршрут снова вел по местам, опустошенным мезонными лучами. Они шли вперед по воронкам, пробивая себе путь сквозь выжженные камни. Продвигались по мертвому ландшафту, словно на побитом метеорами планетоиде. Шел дождь, со всех сторон все еще высились здания. Ланшир упорно сохранял свой облик, как будто город щелочью выжег врагов, и впереди его еще ждало будущее. *Пользуйся своим будущим в полной мере*, - подумал

Курта Седд. *Оно измеряется минутами.*

Они прошли две трети пути до места назначения. День так и не предвещал грядущего возмущения. Не зная точно, когда Веридия дошла до критической отметки, не было возможности сказать, сколько есть времени. Курта Седд решил верить, что времени достаточно. Существовал путь, которому он должен был следовать, и он его отыщет.

На границе полосы разрушений, проделанной лучами защитной сети, наружу тянулся гребень щебня. Стены разнесло снарядами. Казалось, здесь случилась схватка, однако в этой зоне не было Ультрадесантников. Миновав последнюю грудку, Курта Седд увидел, что стало причиной повреждений. Там упал Сор Гаракс. Должно быть, дредноута сбило взрывом, и он смог доковылять дотуда. Он рычал со злобой сотни раненых хищников. Завывания складывались в слоги, однако это были не слова. Его пожирала бешеная, хаотичная ярость. Верхние конечности сохраняли ограниченную подвижность. Ноги не шевелились. Древний воин-жрец пал до состояния беспомощной и безумной машины.

Курта Седд прервал бег. Он устался на Сор Гаракса, тратя драгоценную секунду. Затем еще одну. На третьей секунде он вспомнил гнев Быка на Монархии, и слова, которые тогда казались кощунственными, теперь представились пророческими.

Бык имел большое значение.

- Берите его, - скомандовал Курта Седд.

Братья повиновались. По отделению легионеров подошло с обоих боков дредноута и поволокло его вперед. Сор Гаракс зарычал на них. Правая рука открыла огонь в небо, но он уже не мог повернуть оружие. Братья могли держаться в стороне от траектории снарядов. Через несколько метров он перестал палить. Бессвязные проклятия продолжались, однако электронный скрежет голоса ослабел. Внутри опаленной оболочки оставалось немногим больше, чем лишь искра жизни.

Курта Седд вновь пошел впереди, вернувшись на улицу, бульвар Гадеса. Спустя полминуты в поле зрения с южной стороны возникла цель: огромное хранилище Архивов Гадеса. Там содержалась скорее бюрократическая, а не культурная история Ланшира и окрестных областей Калта. Это было монументальное сооружение, которое казалось приземистым, хотя и возвышалось на сотню метров, и располагалось посреди отдельной площади. Поверхность мраморных стен, гладкость которой не нарушали окна, была настолько отполирована, что сверкала даже в сером свете последнего дня города. Сдвоенный вход на северном фасаде окружали четыре колонны размером с ноги титанов. Обе двери были открыты, а громадные противозрывные заслонки над ними - подняты.

До сих пор Несущие Слово не наткнулись на гражданских - тех, кому не повезло остаться вблизи от их первоначального наступления, уничтожили лучи. Теперь же Курта Седд увидел множество людей, стремящихся внутрь с востока по бульвару Гадеса. Тысячи внявших словам Вентана, а также восклицаниям и завываниям тревожных сигналов. Бегущих от своего же солнца. Толпа сбивалась в левый дверной проем. Правый, который выходил на ведущую наверх лестницу, оставался без внимания.

Беженцев сопровождали имперские войска. Курта Седд заметил одиночное отделение Ультрадесантников, которое, вероятно, отбилось от основных сил во время сражения. Зафиксированное присутствие врагов было несущественным, а количество гражданских оказалось именно таким, какое он рассчитывал найти.

- Носители Слова, - воззвал он, вытаскивая плазменный пистолет и высоко воздевая крозиус, -

благословите этих крыс истиной.

В тот же миг имперцы заметили Пятую роту и открыли огонь. Им мешало обилие беженцев. Пытались ли они избежать убийства своих, или нет – гражданские все равно оказались на линии. Они приняли на себя часть зарядов, предназначенных Несущим Слово.

Даже имея лишь половину сил, штурмовая рота Курты Седда имела подавляющее превосходство над всем, что могли собрать имперцы. Шквал ее болтерных зарядов и плазмы косил и гражданских, и защитников. Несущие Слово размолотили горстку Ультрадесантников. Навыки и доспехи тех мало что значили. Их побеждала грубая физика попадания сотен массореактивных снарядов. Но даже несмотря на это, они пытались превозмочь невозможное. Прежде чем атака добралась до них, они уложили троих Несущих Слово. Курта Седд проломился сквозь гражданских, круша тела своей инерцией и массой, и оказался рядом с сержантом Ультрадесанта.

Лоялист направил на Курту Седда свой болтер. Два заряда врезались в нагрудник капеллана. Керамит треснул. Удары были как сильны, так и оскорбительны. Он взмахнул крозиусом, сбил ствол болтера вниз, и столкнулся с Ультрадесантником. Толчок отбросил воина назад, на мгновение лишив равновесия. Этого хватило, чтобы Курта Седд снова ударил крозиусом. После Монархии символ его должности обрел новое значение. Гравировка содержала в себе смысл. Раньше ей не хватало лишь истинной формы. Аквила извращала линии, делая их ложью. Теперь же наверху представляло собой восьмиконечную звезду, и оно обрушилось на шлем Ультрадесантника с силой правды. Энергетическое поле нарушило связи внутри материала брони. Шлем раскололся. Черные острия звезды погрузились в череп лоялиста. Махнув рукой в обратную сторону, Курта Седд выдернул крозиус. Веером разлетелись осколки кости и мозговая ткань. Ультрадесантник завалился вперед.

Легионеры-лоялисты погибли. Несущие Слово прорубались через сопротивление смертных, не замедляя хода. Курта Седд бежал сквозь тела, которые перед его яростью были не материальнее призраков. Они ломались и истекали кровью под сапогами. Капеллан прошел через левую дверь в огромный вестибюль. Посередине в аркологию архива спускалась мраморная лестница шириной в тридцать метров. Тут были еще тысячи жителей, плотно сгрудившихся на лестнице и на полу по направлению к ней. Несущие Слово прокладывали себе дорогу огнем и выстрелами, расчищая место убийствами и страхом. Вестибюль заполнился воплями. Эхо уносилось к украшенному фризом потолку. Правители Калта, изображенные в героических пропорциях, с невозмутимой и спокойной гордостью взирали вниз, пока мстительные гиганты в багряном расправлялись с жителями Ланшира.

Сопровождающие Сора Гаракса протащили его в дверной проем. Рык дредноута, усиленный мраморными стенами, перекрывал крики. Толпа снаружи впала в панику. Она разрывалась между необходимостью спастись от грядущего преображения солнца и ужасом перед Несущими Слово, и ее передвижения стали сбивчивыми. Когда оставшаяся часть роты зашла в вестибюль, Курта Седд вышел в дверной проем понаблюдать. Он видел, как население отбросило надежду и превратилось в коллективное воплощение хаоса.

А затем, практически одновременно, раздался сдвоенный рокот механизмов. Над головой медленно начали опускаться противовзрывные двери. А с близлежащей дороги, оставаясь скрытым, но приближаясь, донесся звук мощных двигателей.

Транспортеры. Возможно, танки. Настоящая сила Ультрадесанта, направляющаяся к этому убежищу.

3

Вестибюль

Культурное наследие

Помазанники

- Не стрелять, - передал Курта Седд своей роте по воксу. Он направил группу втащить тела Ультрадесантников в архив и приказал пока что пощадить гражданских. Он вел рискованную игру против тикающих секунд. Потенциал и риски позиции Несущих Слово были видны ему со безупречной ясностью откровения. Двери опускались постепенно и величественно, словно ледник. На закрытие им понадобится еще по меньшей мере минута. Именно столько времени оставалось, чтобы действовать, и того меньше - чтобы подготовить западню.

Тела лежали в нескольких метрах от проема. Чтобы убрать их с глаз долой ушли считанные секунды. Убийства прекратились, и этих же секунд хватило, чтобы беженцы вновь принялись рваться внутрь. Скрежещущий спуск дверей пересилил их страх перед Несущими Слово. Уменьшение размеров входа означало конец света. Его они боялись сильнее всего. Это подстегивало народ.

Люди лились рекой. Их количество скрывало следы битвы снаружи. Внутри архива они обтекали неподвижные глыбы Несущих Слово. Рота выстроилась по обе стороны от входа, в нескольких метрах от двери, оставаясь невидимой снаружи. Курта Седд стоял справа, на дальнем краю засады. С этого места ему было видно, как прибыли Ультрадесантники.

На площади Архивов Гадеса выехали три «Носорога» и «Лендрейдер». Их сопровождало еще два отделения пехоты.

- Их больше, и они лучше вооружены, - произнес в воксе Ток Деренот. Он стоял в строю напротив Курты Седда.

- Эту технику они с собой не возьмут, - отозвался Каэлок.

- И у них нет времени, - улыбнулся Курта Седд.

Двери отделяло от пола меньше пяти метров.

Грузовые аппараты транспортеров откинулись. Ультрадесантники устремились ко входу. Они держали оружие наготове перед грудью, стволами вверх. Они подгоняли граждан, однако следили, чтобы не затоптать тех. Это обходилось им в драгоценные секунды.

Четыре метра. Дневной свет отсекало от Архивов Гадеса, и тени в вестибюле сгущались.

Первые Ультрадесантники пересекли порог. Они входили по двое, плечом к плечу. По обе стороны от их фаланги толпились сотни гражданских. Беженцы вели себя словно животные, мычащие в паническом ужасе. Они были идеальным прикрытием.

Еще две секунды. Три метра. Курта Седд мысленно продекламировал имена Старых Богов. А затем произнес: «Сейчас».

В вестибюле находилась дюжина Ультрадесантников. Они возвышались над жителями и представляли

собой хорошо различимую легкую мишень. Продольный обстрел Несущих Слово пришелся по ним на уровне шеи. Возможности ответить у них не было. Огневой мешок засады превратился в вихрь снарядов и пламени. В настолько тесном бою взрывы от попадания болтерных зарядов были настолько мощными, что гражданские массово гибли, даже просто оказываясь рядом. У Ультрадесантников не было шансов. И все же они сопротивлялись. Их ответный залп стал яростным выплеском отчаянной злости. У них было слишком много целей и слишком мало времени.

Поступок врагов доставил Курте Седду удовольствие. Это было сильно и тщетно, а тщетно расходуемая сила приносила еще больше удовлетворения от их унижения. *Вы смотрели, как мы стоим на коленях, -* подумал он. *Мы позаботимся, чтобы вы оказались еще ниже. Мы уже вас хороним.*

Ультрадесантники по ту сторону двери открыли огонь. Шквал выстрелов осветил внутреннее пространство, но тела гражданских и сраженных боевых братьев перед ними лишали их открытого сектора обстрела. До закрытия дверей оставалось уже два метра. У лоялистов были считанные секунды, чтобы сражаться или же поспешить в укрытие. Они попытались сделать и то, и другое.

Несущие Слово перевели огонь на вход. Ультрадесантникам приходилось пригибаться, чтобы попасть внутрь. Они загоняли себя в бутылочное горлышко. Теперь их численность ничего не значила. Они были всего лишь топливом. Жертвой. Помимо тактических, у Курты Седда были и другие причины находиться в этом месте, и кровь XIII Легиона служила подношением в начале следующего этапа его пути.

Упали двое Несущих Слово, находившихся ближе всего ко входу. *Пусть кровь их станет еще одним даром, -* подумал Курта Седд.

Снаружи некоторые из Ультрадесантников вернулись к своим транспортерам. Начали раскручиваться тяжелые орудия. Снаряды ударили по противозрывным дверям, и Курта Седд рассмеялся. Отчаяние врага было восхитительным. Они пытались разрушить свою же собственную защиту. Где они найдут убежище, если преуспеют? И могли ли вообще сыны Жиллимана, неизменно предпочитавшие не думать, а повиноваться, просчитывать дальше настоящего момента?

Оставался метр. Двери держались против «Носорогов» и «Лендрейдера». Ультрадесантники подныривали под двери, паля из болтеров. Они входили быстро, откатываясь вбок, чтобы дать место братьям. Их выстрелы проредили ближние края колонн Несущих Слово. Порядки Курты Седда отступили назад. Они продолжали вести равномерный и непрерывный обстрел. Врагу было негде укрыться. Ультрадесантников могла защитить лишь скорость и все уменьшающаяся возможность зайти внутрь быстрее, чем Несущие Слово успеют их убить.

Двери опускались, и вестибюль погружался в серые сумерки. Осветительные сферы по его краям больше светили на потолочный фриз, чем на пол внизу. Но начинался второй день. Курта Седд вздрогнул, когда исходящий снаружи свет стал ослепительным. Температура внутри Архивов Гадеса стремительно начала подниматься.

Агония Веридии достигла Калта.

Свет делался все ярче, и авточувства Курты Седда пытались его компенсировать. Он видел лишь силуэты врагов. Движения Ультрадесантников по ту сторону двери стали еще более быстрыми и приобрели дерганость. Пушки перестали молотить в дверь. Одна из машин взорвалась. Взрыв с силой бури погнал воздух в вестибюль. Пламя лизнуло кромки дверей. Жар великого пожара Веридии потянулся внутрь. Воздух, фильтруемый респираторной решеткой Курты Седда, стал дыханием из самого сердца топки. Он иссушал. Он лишал сил. Горожане, которые еще оставались на наземном

уровне архивов, начали падать. Плоть задымилась.

Вместе с жаром явился и еще более смертоносный убийца. Курта Седд моргнул, прогоняя предупреждения о радиации. Он слились в резкий визг и красную пульсацию, хотя противозрывные двери почти закрылись. Силовая броня не могла обеспечить продолжительной защиты от натиска звезды Калта. Несущим Слово требовалось попасть глубже под землю, где их бы отделили от преисподней многие тонны почвенного горизонта.

Ультрадесантники отчаянно бросились в исчезающий просвет. Еще несколько проскочили внутрь. После этого их битва продлилась еще несколько секунд. Они кричали от ненависти и упорства, и их было непросто свалить. Но все же они пали. Пятая рота обладала нерушимой дисциплиной. Братья Курты Седда переводили град снарядов с одной цели на другую, круша броню на куски сотнями болтерных зарядов. Целеустремленность Ультрадесантников не имела значения. Их воля ничего не стоила против массореактивной ярости, вбивавшей их в дверь.

А потом противозрывные заслонки захлопнулись, прогремев, словно громадный колокол, возвещающий о конце. Жгучий свет нового дня Калта исчез. Но его жар остался. Равно как и угроза.

- Нужно спускаться, братья, - произнес Курта Седд. Ему все еще были слышны звуки борьбы из-за дверей, из пылающей смерти в Ланшире. Он представил себе ситуацию, в которой оказались Ультрадесантники. У тех не было ни каких-либо вариантов, ни времени, ни надежды. Они могли лишь умереть, сиюсь добиться невозможного. Курта Седд улыбнулся, позволив себе роскошь несколько секунд посмаковать мысль об отчаянии врага.

Теперь-то вы видите? - задался он вопросом. Видите тщетность? Видите обман? Или вы до конца цепляетесь за свои иллюзии? Они придают вам спокойствия, пока вы горите? Не думаю. Вы глупцы, однако не пребываете в неведении. Ваш мир гибнет вместе с вами. Вы это видите. Вы это чувствуете. Истина сжигает плоть на ваших костях.

Он уже собирался первым направиться к лестнице, когда увидел Каэлока, склонившегося над одним из Ультрадесантников.

- Что ты делаешь? - спросил он.

Каэлок дернул рукой. По полу растеклась кровавая лужа.

- Заставляю их умолкнуть, - произнес он.

Заинтересовавшись увиденным, Курта Седд подошел ближе. Каэлок вырывал мертвым языки. Легионер подобрал голову, оторванную огнем болтера. Он отшвырнул шлем в сторону, просунул пальцы между челюстей и дернул. Язык он бросил в растущую грудку у своих ног.

- Хватит с меня их лжи, - сказал Каэлок.

Курта Седд рассмеялся. Действия Каэлока были восхитительны в своем варварстве. Они добавляли к унижению увечье, и именно таких крайностей заслуживал XIII Легион.

- И кто же увидит эту кару? Нам нужно уходить отсюда.

- Я буду знать. Унесу это с собой. Боги будут знать.

Курта Седд хлопнул Каэлока по наплечнику.

- Хорошо сказано, брат.

Он оглянулся на остальную роту, пребывавшую в ожидании.

- Возьмите несколько тел с собой, - распорядился он. - Возможно, мы еще найдем им более наглядное применение. Но сперва заберите их запасы.

Он так и не получал никаких передач от сил Легиона за пределами планеты. Ему не было известно, сколько им предстоит сражаться под землей. Лучше начинать мыслить как падальщик уже сейчас.

Рота забрала у Ультрадесантников боеприпасы и гранаты. Волоча с собой несколько трупов, и оставаясь обремененными Сор Гараксом, который бессильно выл внутри своей гигантской гробницы, Несущие Слово двинулись к лестнице. Ступени уходили вниз на сотни метров, меняя направление после каждой площадки. Все гражданские, кого теперь видел Курта Седд, были мертвы. Краткое прикосновение солнечной бури одолело тех, кто последними начал долгий спуск.

Спустя час, на протяжении которого уровень радиации и жар спадали, лестница кончилась длинным сводчатым коридором. Осветительные сферы подсвечивали очередные картины, прославляющие достоинства и героические свершения администраторов Калта. Коридор тянулся еще на сотню метров, а затем привел к запертым железным дверям. Курта Седд вышиб их одним ударом обоих кулаков. Они с лязгом распахнулись.

По другую сторону проема располагалось главное подземное хранилище Архивов Гадеса. Зал был огромен, вдвое больше вестибюля. Он был ступенчатым, ярусы образовывали концентрические кольца, расходившиеся вверх от двух входов на уровне пола. Второй выход находился ровно напротив Курты Седда. Двери были открыты, и за ними ветвились тоннели.

Террасы были забиты беженцами. В зале собрались десятки тысяч смертных. Похоже, они шли под землей до этого места, которое должно было быть знакомо хотя бы некоторым из них, а затем остановились. Они ждали указаний. Масштабы постигшего Калт катаклизма не поддавались их пониманию. Нельзя было рассчитывать, что они сами найдут спасение. Они сгрудились вокруг громадных хранилищ документов. Каждое было размером с «Носорог» и представляло собой монументальный железный блок. Каждый их бок покрывали ряды ящиков, а сами хранилища были расположены по два, словно плиты. На каждой паре стояло по колоссальной статуе Жиллимана. Его изображение повторялось десятки раз. Жиллиман, скрестивший руки и вззирающий на свое царство с бесстрастным удовлетворением. Жиллиман, указующий путь вперед. Жиллиман в боевой стойке. Типовые позы так мало различались, что когда Курта Седд обвел пространство глазами, у него возникла иллюзия движения. На расписном куполе опять же был изображен Жиллиман, озаренный шаром Веридии.

Присев у основания хранилищ или держась за каменные сапоги Жиллимана, люди глядели на Несущих Слово с испуганным любопытством. Они так далеко забрались в поисках безопасности, и теперь цеплялись за веру, будто худшее позади.

- Чтоб никто не ушел, - скомандовал Курта Седд.

Вор Реннаг зашагал ко второму выходу. Чтобы перекрыть путь безоружным смертным, было достаточно одного-единственного легионера.

Несущие Слово встали по периметру пола огромного зала. Гражданские глядели на них сверху с тупой встревоженностью. Их неподвижность вызвала у Курты Седда презрение. И злость. Да, им было никак не

спасти себя, но они даже не пытались. Они стояли и сидели, тряслись и ждали. Они были напуганы, однако ему показалось, что в их беспомощной пассивности просматривается надежда. На Калте не поклонялись Императору. Но с тем же успехом могли бы. Эти люди надеялись на спасение, которого не могло произойти, ибо такова была их вера в Жиллимана и его отца. Курта Седд увидел в них ту же слабость, что впервые сподвигла его устроить бойню на Хуре. Это была вера, как ее ни назови. В Галактике существовало место вере, но не такой. Курта Седд не собирался преподавать этим крысам истину. Однако он продемонстрирует им последствия совершенной ошибки.

Кроме того, тут находились хранилища. Архивы Гадеса представляли собой совершенно иное учреждение, нежели Голофузикон. В них не содержалось произведений искусства. Не были они и одной из великих библиотек Калта. И все же они являлись существенной частью его культурного наследия. Облик планеты и ее населения определялся процессами и решениями, которые записывались здесь. Вот почему он принял решение направиться к Архивам. Он предположил, что Пятая рота обнаружит большое количество незащитных жителей. Почти столь же важна была память, которую он собирался уничтожить. Он планировал стереть долю индивидуальности Калта.

- Сжечь все, - произнес он. - Чтоб ничего не уцелело. Заполните этот зал кровью и пеплом. И отметьте его. Сделайте нашим.

Он выстрелил из своего плазменного пистолета в правую ногу ближайшего изваяния. Заряд расплавил верхушку хранилища, воспламенив содержимое. Несколько беженцев погибло, а обожженные выжившие, оказавшиеся на краю зоны поражения, завывали. Их вопли распространялись по залу, словно чума. Фигура Жиллимана завалилась набок, врезалась в другую статую, опрокинув и ее, а затем рухнула и раздавила своей каменной громадой множество смертных. Остальные Несущие Слово последовали его примеру, и каждый сделал по выстрелу. Залпа хватило, чтобы прикончить больше сотни из ближайших гражданских. Началась паника. Люди ломились по террасам зала, давя друг друга и торопясь к выходу, которого не было. Несущие Слово продолжили клинками и керамитовыми кулаками.

Никто не спешил. Не было нужды тратить ставшие драгоценными боеприпасы. Граждане Ланшира не могли ни защититься, ни позвать на помощь, ни надеяться на что-либо. Тщетно спасаясь бегством, они убивали многих себе подобных. Курта Седд руководил избиением, оставаясь абсолютно безмолвным. У жертв не было права на истину, которую они бы не приняли. Возможно, они это чувствовали, когда крики о помощи оставались без ответа, кровь текла по террасам, в воздух заполняли горящие фрагменты свитков. Для Курты Седда это было не важно. Важно было, что он умирали. Они представляли собой сжигаемое подношение. Уничтожение хранилищ являлось ударом по Ультрадесанту. Убийство же людей - даром богам Хаоса. Проявлением благодарности и молитвой о наставлении.

Курта Седд поднимался наверх, нанося крозиусом удары налево и направо. Его рука двигалась с твердой размеренностью метронома. Он шел медленно, круша сапогами конечности и головы. Каждое его движение было актом насилия. Он убивал со всем вниманием, какого требовал ритуал. Описываемая крозиусом дуга олицетворяла собой благословление. Так было бы сорок четыре года назад. Теперь же вместо того, чтобы благословлять последователей Бога-Императора, это же самое движение уничтожало бездумных служителей ложного идола. Доспех был покрыт жизненной влагой. На его поверхность налипли кусочки плоти и кости. Курта Седд был помазан убийством, равно как и его братья.

Бойня заняла менее десяти минут. К концу этого срока никто из смертных уже не дышал. По всей длине каждой их террас горел огонь. Хранилища выпотрошили. Архив превратился в огромный костер. Черный дым поднимался к куполу, заслоняя роспись. Веридия и примарх исчезли. Курта Седд оценил символизм. А на стенах были и другие символы: нанесенные кровью руны богов Хаоса. Люди умерли за

ложь, и в смерти были обращены в слова истины.

Он стоял на самой верхней террасе, озирая панораму резни, когда к нему подошел Вор Реннаг.

- Капеллан, - произнес сержант. - Мне удалось установить контакт с «Инфидус Император».

- И?

- Связь была очень краткой. Превращение солнца практически полностью вывело из строя вокс-сообщение. Но я услышал достаточно. Флот понес тяжкие потери. Все уцелевшие корабли покидают систему.

- Ясно.

Лицо Вор Реннага, лоскутное одеяло в боевых и рунических шрамах, оставалось бесстрастным. Впрочем, его молчание было выразительно.

- Говори свободно, брат-сержант, - велел ему Курта Седд.

- Капеллан, в какой мы ситуации?

- Она не изменилась, - солгал он. Перспектива эвакуации из неопределенной перешла в лучшем случае в отдаленную. Курта Седд проглотил собственное замешательство, не допустив его в глаза и голос. На поверхность разума вновь пузырем выскочило слово «*предали*». И все же он знал, что, спускаясь под землю, следует предначертанным ему путем. Существовала причина, по которой он находился здесь.

Слишком многое было неизвестно. Слишком много истин оставались скрыты от его взгляда. Хорошо же. Он будет бороться за откровение.

- Никаких изменений? - спросил Вор Реннаг. - Брат-капеллан, при всем уважении, мы застряли на вражеской планете.

- Как и враг, - отозвался Курта Седд. - Идем со мной.

Он спускался по террасам. Ноздри заполнял плотный смрад крови и сгоревшей плоти. Это был приятный запах. Аромат разрушения, унижения врага. На плечи доспеха падал пепел, который лип к жизненной влаге и обращал багрянец в черное. Но не в серое. Он больше никогда не облачится в серое.

Рота собралась в центре зала. Курта Седд остановился на первой террасе. Братья подняли на него глаза. Они смотрели на него. Он видел, в чем они нуждаются. С гибелью Терготара командование перешло к нему, однако это не отменяло его роли капеллана. Теперь он являлся как тактическим, так и духовным лидером. На плечи легло бремя командования. Оно не было для него нежеланным. Не было и достаточным. Тяжесть казалась неустойчивой, как будто его роль еще не до конца определилась.

Он заговорил:

- Мы получили новости от флота. Он покидает систему Веридии.

- А мы? - спросил Каэлок.

- Мы не получали новых приказов. Стало быть, наша задача та же, изменились только средства ее осуществления. Мы продолжаем сражаться. Здесь. Под землей. Калт принадлежал Ультрадесантникам, но теперь мы сделали его их врагом. И здесь мы их похороним.

Послышалось согласное ворчание. Некоторые легионеры неуверенно молчали, в их числе был и Ток Деренот. В том, как тот наклонил голову, Курта Седд разглядел вопросы.

- Говори, брат, - сказал он.

- Мы потеряли большую часть наших сил. Мы не знаем, сколько наших товарищей могло выжить, где они могут быть, и как нам их отыскать. И мы очень мало знаем об устройстве аркологий. Это все еще вотчина Тринадцатого Легиона.

- Так и есть, - согласился Курта Седд. - И мы отберем ее у них, как отобрали поверхность.

Он развел руки, обводя ими разрушенный зал.

- Это сооружение принадлежит Ультрадесантникам. Его устройство было посвящено прославлению Жиллимана. Принадлежит ли этот зал им теперь?

- *Нет!* - раздалось в ответ из всех глоток.

Руины. Дым. Догорающее пламя. Поваленные статуи. И триумфальные слова на стенах. Их истинность была очевидна по их силе. Курта Седд внимательно изучал древнее наречие с самого обращения. И даже сейчас эти руны - фигуры, которые он самолично изображал множество раз - извивались на краю зрения. На пределе восприятия человеческих чувств зал корчился. Ему уже никогда не принадлежать Жиллиману. Несущие Слово отдали его высшим силам. Пришла новая, шепчущая власть. Архив был плацдармом Хаоса. Он причинит вред всякому смертному, кто вновь ступит сюда.

- Нет, - повторил Курта Седд. Он опустил руки. Оглядел братьев. Задался вопросом, сколько еще им рассказать. Он верил в то, о чем только что говорил, однако это была лишь часть правды. Если флот не вернется, значит Пятую роту и впрямь бросили. Если им не суждено уйти, то как может их война быть чем-либо иным, нежели затягиванием времени?

Он отказывался рассматривать такую возможность. Его судьба не могла закончиться подобным тупиком. В его присутствии здесь был смысл. Была необходимость. И все же ему не хотелось делиться этим знанием. Оно было слишком неопределенным. Он еще не нашел направления, в котором следует двигаться. А еще ему хотелось прижать свою тайну покрепче, сберечь ее для себя одного и не разбавлять дар богов, раскрывая его менее достойным ушам.

Как следует взвесив откровение, он принял решение и заговорил снова:

- Материя подземного мира принадлежит врагу. Если туннели, в которых мы должны сражаться, это вены, то ими владеет противник. Однако текущая по ним кровь - наша.

Он указал на дверь, ведущую вглубь сети. Та была слабо освещена, и дым погружал туннель в ночь.

- Тьма наша, - произнес Курта Седд. - Она повсюду, и именно этому всегда противились Ультрадесантники. Они - создания света, а свет покинул их. Он сжигает их мир. Они пришли во тьму. Мы научим их ее бояться.

Он сделал паузу и понизил голос.

- Есть и кое-что еще. Мы живы, и мы здесь не просто так. Во тьме внизу истина, братья. Мы встретим ее. Мы используем ее.

Несущие Слово повернулись все как один. Зев дверного проема ждал.

- Следуйте за мной братья, - сказал Курта Седд. - Следуйте за мной навстречу истине, тьме и уничтожению Ультрадесанта.

Он сошел с террасы и направился к двери. Братья двинулись за ним, распевая молитвы. В их голосах слышалась сила.

В их голосах слышался голод.

4

Стратегия

Узел

Потоп

Несущие Слово быстро углублялись в сеть туннелей. Сперва они перемещались случайным образом, увеличивая расстояние и количество развилок между собой и входом в аркологию. Однако постоянно продвигались вглубь. В этом не было случайности. По крайней мере, в этом аспекте Курта Седд ясно понимал свою цель. Глубины звали. Он ответит.

Бойня в архиве была роскошью и риском. Курта Седд знал об этом. Он не ожидал, что окажется единственным, кто знает. Его не удивило, что именно Ток Деренот усомнился в принятом решении. Они шагали по длинному коридору, соединявшему крупные области системы, когда легионер прошел в авангард фаланги, чтобы поговорить. Ток Деренот был верующим воином. Его преданность истине была неоспорима. А еще он был прагматиком.

Осветительные сферы в проходе излучали слабый янтарный свет и мерцали. На этой глубине аркологии получили существенные повреждения от сильных ударов на поверхности. Роте уже несколько раз приходилось менять направление из-за обвалов в туннеле.

Ток Деренот открыл персональный вокс-канал.

- Брат-капеллан, - произнес он, - в архиве мы несколько минут оставались на одном месте.

- Оставались.

- Разумно ли это было? Если бы Ультрадесантники прибыли большими силами, они поймали бы нас в ловушку.

- Они не прибыли.

- Да, но...

- Ты сомневаешься в моем решении, брат? Или считаешь ненужным посвящение зала?

- Ни то, ни другое.

- Хорошо. Тогда позволь мне ободрить тебя. Я знал о рисках. Я тщательно взвесил свое решение.

Ток Деренот кивнул.

- Капеллан, я верю в вас и в то, что вы делаете.

- Рад слышать. Но думаю, ты не об этом хотел поговорить.

- Нет. Я размышлял о нашей тактической позиции.

Если бы она у нас еще была, - подумал Курта Седд. Несмотря на сказанное им в зале архива, он не питал иллюзий относительно ситуации, в которой они находились. Поднятые Ток Деренотом вопросы были актуальны. Несущие Слово владели инициативой с момента входа в аркологию, поскольку он осознанно избегал опорных пунктов Ультрадесанта.

- Продолжай, - произнес он.

Ток Деренот указал на трубопроводы, тянувшиеся вверху стены по правую руку.

- Я наблюдал за ними. Количество варьируется в каждом конкретном проходе. Мы проходили ответвления, где их было больше, но там присутствовал общий рост.

- И каков твой вывод?

- В аркологиях есть нервные центры. Должна быть возможность ими управлять. Жиллиман молится на порядок и регламентацию. Он бы никогда не допустил беспорядочной организации под землей.

- Ты полагаешь, что мы рядом с подобным командным узлом?

- Думаю, что знаю, как его найти.

- И? Брат, мы здесь не для того, чтобы управлять.

- Нет, но враг - для того.

- Ты хочешь уничтожить узел.

- Хочу, - ответил Ток Деренот.

Такая потеря сильно ударит по Ультрадесантникам. Они точно будут стремиться установить контроль над подземными зонами.

А еще они будут яростно драться, чтобы сохранить эти центры. В таком бою Несущие Слово могли бы оказаться разгромлены во имя незначительной цели. Курте Седду требовалось следовать на зов глубин. Иных приоритетов не существовало. Иное не рассматривалось. Ради этого была приемлема любая жертва.

Если план Ток Деренота удастся, то может выиграть ценное время. Даже если он провалится, это свяжет Ультрадесант.

- Ты убедил меня, брат. Но мы не можем бросить на это дело все наши силы.

- Три отделения, - сказал Ток Деренот. - Сержант-ветеран Кварфон согласен с моими расчетами. Если вы отпустите нас, он станет во главе.

- Почему три отделения?

- Компромисс между скоростью, скрытностью и силой.

- Тогда ступай, брат, - произнес Курта Седд. - Принеси им смуту. Принеси истину.

- Он легко согласился, - заметил Кварфон.

Три отделения разошлись с остатком Пятой роты на стыке нескольких коридоров. Один проход, с кабелями и трубами по обеим стенам, вел направо. Другой круто уходил вниз лестничным пролетом.

- Когда закончите, направляйтесь вниз, - велел Курта Седд. - Постоянно вниз.

Ток Деренот входил в тактическое отделение Улугар, возглавляемое сержантом Гулун Ваадам, которое двигалось рядом с ветеранами из тактического отделения Раалан Кварфона. Коридор миновал порог и стал заметно шире. Все так же не было видно ни гражданских, ни Ультрадесантников, однако теперь от стен исходило гудение. Они направлялись к источнику энергии.

- Капеллан счел операцию полезной, - ответил Кварфону Ток Деренот. - Почему это тебя удивляет?

- Потому что... - Кварфон задумался, словно подбирал верные слова. - Потому что он в первую очередь заинтересован в духовном, а не в стратегическом.

Ток Деренот издал ворчание. Это обстоятельство ему не нравилось озвучивать даже самому себе. Однако менее реальным оно от этого не становилось. Он доверял религиозным наставлениям Курты Седда. И не то чтобы сомневался в его военном лидерстве. Но он поймал себя на том, что оценивает выбранную капелланом стратегию, опасаясь возможной ошибки. Тревогу укрепляла бойня на Хуре. Поступки Курты Седда предвосхитили истину, которую, в конечном итоге, открыл для себя весь Легион, однако тогда тот не размышлял, не руководствовался здравым смыслом, не задумывался о последствиях.

В гудении появились перебои. Впереди стучало тяжелое трескучее стаккато. Несущие Слово приближались к зоне боевых действий. Отделения построились более плотно.

Коридор пересек порог и вывел в большое помещение, в центре которого располагалось высокое цилиндрическое сооружение. Оно было сильно повреждено. Потолок прогнулся внутрь в нескольких местах, а кое-где совсем обвалился. Там искрились и испускали пар разрушенные трубопроводы. По расколотому камню стекала вода. Еще множество кабелей и труб оставались целыми и сходились на другом конце пещеры.

Облаченные в рясы изваяния рухнули с пьедесталов. Казалось, что разбитые тела, прежде простиравшие руки в знак победы или благословения, теперь тянут их с мольбой. Раньше это место было грандиозным. Теперь же свет и величие оказались повергнуты.

На дальнем краю зала несколько рамп уходило в большой дверной проем. С обеих сторон его окружали сводчатые витражные окна. Они светились. Внутренняя подсветка пульсировала в такт повышениям и спадам питания.

Здесь находился командный узел. И бой за контроль над ним уже начался. Небольшие группы Ультрадесантников и Несущих Слово перестреливались через пещеру. Ток Деренот увидел, что обе стороны слабо организованы. У него сложилось впечатление, что в зале сошлись несколько перестрелок

на ходу. В простой борьбе за выживание теперь появилась цель.

Горстка Ультрадесантников занимала возвышение на rampах, но их прижимал к земле огонь Несущих Слово. Другие сыны Жиллимана продвигались вперед, чтобы усилить их позицию и дать им возможность выбраться и добраться до двери узла. На большем удалении от ramp воины обоих Легионов бились по двое или трое, и схватка утрачивала контуры. Пещеру озаряли дульные вспышки. От взрывов снарядов и гранат рушились все новые куски потолка.

В беспорядочной сумятице схватки три отделения Пятой роты представляли собой мощную сплоченную силу.

Кварфон возглавил атаку, двигаясь к командному узлу настолько напрямую, насколько это позволяли груды щебня. Отделения построились клином и вошли в пещеру, нарушив баланс сил в битве. Они не искали укрытий. Они использовали свою скорость, численность и неуправляемую инерцию. Ультрадесантники, которые перевели огонь на клин, попали под возобновившуюся атаку остальных Несущих Слово.

Натиск было не остановить.

Из озаряемого вспышками мрака слева от Ток Деренота вырвались болтерные заряды. Один врезался ему в бок. Остальные разнесли камень в пыль. Он выстрелил в ответ, увидев силуэты, пригнувшиеся позади куч щебня. Сложно было сказать, сколько там находилось братьев и врагов. Не разглядеть было даже всего объема пещеры. Продвигаясь вперед, он чувствовал, как течения боя сходятся вокруг Пятой роты. Отделения оказались в самом центре.

Движение на краю обзора. Тень, которую увеличивало в размерах оружие.

- Ракета! - предостерег Ток Деренот, и в тот же миг произошел пуск.

Слишком поздно.

Пламя с визгом перечеркнуло пещеру. За ревом полета раздался рев попадания. Ракета ударила рядом с передним краем наступления Несущих Слово. Закованные в броню силуэты разлетелись на куски в огненном шаре. Прогнувшийся потолок нависал низко. Замкнутое пространство придало взрыву еще больше силы. Каменные плиты падали вниз, заваливая пламя и давя легионеров.

Ток Деренот закричал и открыл огонь. Он выпустил шквал зарядов в шлем Ультрадесантника. Голова тени взорвалась. Тело рухнуло. Впереди уцелел Кварфон. Тот свернул вправо, обводя фалангу вокруг новообразованного завала. Однако инерция иссякала. Подавляющий огонь Ультрадесанта усиливался. Они шли на жертвы ради того, чтобы остановить Пятую роту и дать братьям возможность занять командный узел.

С обеих сторон появлялись вражеские легионеры. Некоторых убивали. Остальные концентрировались на ослабленном острейшей атаки, атакуя уменьшившиеся силы Кварфона огнестрельным оружием и цепными клинками. Два других отделения вступили в бой. Справа Век Торраг и Нефен Суул опустошали в атакующих свои огнеметы. Ток Деренот пробивался вперед, ища крови. Ультрадесантник замахнулся цепным мечом на Гулун Ваада, боровшегося с другим. Клинок вгрызся в ногу сержанта сквозь броню. Ток Деренот выстрелил в первого из напавших на Гулун Ваада, запустил собственный цепной меч и опустил его на руки второму. На какое-то мгновение Ультрадесантник и сержант застыли без движения, сцепившись в мясорубке. А затем меч Ток Деренота отсек Ультрадесантнику руки. Лоялист пошатнулся и сделал шаг вперед. Культы шевелились, как будто он намеревался нанести ими удар. Его тело

заблокировало выстрелы Ток Деренота. Те пробили доспех и шею. Пока воин падал, Гулун Ваад и второй Ультрадесантник изрешетили шлемы друг друга одновременными очередями массореактивных снарядов. Оба воина погибли, и заряды пошли мимо цели.

Ток Деренот перешагнул через тело мертвого сержанта. Он высоко поднял цепной меч и веером открыл огонь из болтера влево.

- Вперед! - заорал он. В приказе как таковом не было нужды. Значение имел его голос. Он являлся старшим из боевых братьев отделения. Цепь командования сохранилась.

Отделения приближались к рампам. Наверху продолжали сражаться лишь двое Ультрадесантников. Их прикрывал скальный завал в двух третях пути вверх по центральному проходу. Пока что защищал их, но его было недостаточно. Один из воинов открыл огонь на прикрытие, поливая Несущих Слово. Второй выскочил и побежал вверх, к каменной платформе, которая тянулась вдоль внешнего фасада командного узла. Преследующие его болтерные заряды застрочили по камню, оставляя воронки. Витражи взрывались. Оставшиеся лоялисты всеми силами пытались подавить атакующих.

Чем ближе Пятая рота подходила к рампам, тем упорнее становилась схватка.

Ток Деренот отключился от всего, кроме задачи свалить бегущего Ультрадесантника. Но в него попали снаряды, которые нарушили целостность доспеха, а один угодил в руку, сбив прицел. И все же он увидел, что некоторые из его выстрелов достигли цели. Ультрадесантник зашатался. Полученных попаданий хватило бы, чтобы уложить воина, однако его поддерживало отчаяние. Каким-то образом оставаясь на ногах, он добрался до входа в узел.

Неважно, - подумал Ток Деренот. Успех лоялиста будет скоротечен и лишен смысла. Ультрадесант не удержит центр одним легионером.

Вперед. Клин отделений уменьшился, но вернул себе силу. До рамп оставалось всего несколько метров. Огонь Ультрадесантников ослабевал. Вскоре пещера будет принадлежать Несущим Слово. Уцелевшие боевые братья из других рот уже продвигались, чтобы объединиться с формацией.

Отсюда Ток Деренот видел, что рампы пересекали глубокий разлом. По обе стороны от каждого подъема была тьма долгого падения.

По левому боку расходилась острая боль. Тело изо всех сил старалось остановить кровотечение. Нога волочилась. Мышцы были разорваны, кости - сломаны. Он шагал, пересиливая свои раны, дыхание перешло в рычание. Он отказывался дарить врагу победу и направлял боль в мысли о снарядах, вылетающих из болтера. Они были его злобой. Он увидел, как упал еще один из врагов. А затем огонь Ультрадесанта разом прекратился.

Перемещения противника стали иными. Их слаженность приобрела другой характер. Ультрадесантники отходили назад.

- Они отступают, - сообщил Кварфон.

- Почему? - спросил Ток Деренот. Что бы он ни думал о лоялистах, те не были слабы и не были трусами. Они бились до конца.

Раздался гул. Он становился все громче, перекрывая гудение командного узла.

Отделение Раалан рванулось вверх по рампам. Улугар следовали сразу за ними. Ток Деренот поставил

ногу на скат, и в тот же миг из ряда окон грянул огонь болтеров.

Еще один отряд Ультрадесанта вошел в командный узел с другой стороны. Ток Деренот ощутил волну столь сильного разочарования, что у него едва не закружилась голова. Теперь он понял, в какой войне участвует вместе с братьями. Сплетение пещер было не только слишком большим, чтобы его контролировать, но и слишком сложным, чтобы его выучить. Коммуникации были слишком разобщены. Возможно, у Ультрадесантников дела шли лучше, но на данном этапе не было возможности узнать, сколько Несущих Слово добралось до аркологий, и где они находятся. Ток Дереноту представились происходящие в сети отдельные стычки, где победы и поражения важны лишь для непосредственных участников, а объединяться удастся лишь случайно.

Вот только Ультрадесантники знали эту местность. Они смогут связаться. Скоординироваться. Они уже это сделали.

Уничтожение командного узла стало более насущной задачей, чем когда-либо прежде.

Обстрел застиг Несущих Слово на открытом пространстве. Прежде чем они смогли открыть ответный огонь, он уже отбросил их на шаг назад. Теперь у Ультрадесантников было преимущество высоты, а в зале отсутствовали хорошие позиции. Единственной защитой являлось слаженное наступление: бросок к окнам.

Снаряды и пламя во все стороны на рампах. Осколочные гранаты рвались посреди отделения и внутри узла. Воздух заполнили каменные осколки. Прямо перед Ток Деренотом Дар Хатууна подняло взрывом в воздух и сбросило с рампы. Рыча от ненависти, Несущий Слово исчез в темной бездне внизу. Его проклятие становилось все тише по мере падения, однако Ток Деренот так и не услышал, чтобы он ударился о дно.

Стену центра сотрясли ответные взрывы. Свет внутри замигал, а затем пришел в норму. В одном из окон огонь Ультрадесантников прервался. Пауза была короткой.

Гул стал оглушительным. Гром заполнил собой скалы пещеры. На дальнем правом краю зала располагался клапан трехметрового диаметра. Он с грохотом вылетел. Из зева, а также из дюжины других труб по периметру зала, рванулась серебристая жидкость. Но гул все нарастал, словно в пещеру вот-вот должен был обрушиться колоссальный водопад.

Вокруг серебристой пены воздух смерзлся в кристаллы. *Гиперохладитель*, - понял Ток Деренот. Внезапно возникшая река устремилась вокруг платформы и вниз по рампам. Она уже была глубиной в метр. Волна врезалась в авангард наступления Несущих Слово. Кварфон остановился. Он дернулся, застряв на месте. Взревел от боли. Попытался сделать шаг, и его ноги разлетелись. Он рухнул в поток. Остальную часть отделения Раалан тоже смыло, одолев их в одно мгновение.

Оставшиеся Несущие Слово отступали. Гиперохладитель был не тем врагом, с которым можно сражаться. Они карабкались по щебню, чтобы оказаться на возвышении. Гиперохладитель полился через края рамп в бездну и растекся по основному полу. Ток Деренот успел лишь забраться на плиту высотой по пояс, прежде чем мимо него понеслось смертоносное серебро. Он увидел, что поток из клапана слабеет, и начал высматривать маршрут обратно к командному узлу.

Но гром продолжал бушевать. Все громче и громче, заполняя пещеру давящим шумом. И вот тут начался потоп. Гиперохладитель с ревом хлынул в пещеру изо всех входов. Река была лишь прелюдией. Теперь явилось море. Волны доставали до потолка. В одно мгновение воздух внутри зала обратился в

ломкий лед. Все побелело. Дыхательный аппарат Ток Деренота силился втянуть внутрь кислород. В легкие вонзился острый холод пустоты.

Волны неслись к центру помещения. Выхода не было, и уже через считанные секунды пещера стала бы новым резервуаром с гиперохладителем. Ток Деренот спрыгнул с плиты и побежал обратно к рампам. Он шлепал по лужам гиперохладителя. Керамит на сапогах трескался. Он сделал три шага вверх, и из основного клапана опять хлынула жидкость. Он оказался в ловушке. Он остановился. Стена заполняющего зал гиперохладителя толкала перед собой воздух, и со всех сторон на него обрушивался ледяной ураган. Вокс заполняли звуки конца братьев. Агония тех была краткой и ужасной. Они замерзали и разбивались, тонули и крошились. Навеки исчезали в волнах.

Некого просить о помощи. Никаких вариантов. И все же он боролся. Ток Деренот побежал навстречу гиперохладителю, стекавшему по рампе. Прямо перед тем, как тот добрался до него, он прыгнул в сторону. Кромки каменного моста были неровными. Он вбил кулак в скалу и повис над бездной. Серебро перелилось через край и дождем хлынуло на него. Сервомоторы доспеха дали сбой. Координация нарушалась. Правая рука дернулась и попыталась отпустить рампу. Холод резал его, словно коса. Чувства отключались, пытаясь защитить сознание. Но коса все равно врезалась глубоко. Поток не накрыл его полностью, однако в мире остались только боль и серебро.

Вокс молчал. Братья были мертвы.

Рука соскальзывала. Ток Деренот посмотрел вниз. Тьма была не просто избавлением от серебра. Там ждал радушный прием. Дом. Гиперохладитель был оружием Ультрадесантников, и серебро означало ложный свет неистинной веры и слепого повиновения. Тьма тянулась к нему. Она ощущалась столь же реальной, как гиперохладитель. Сознание держалось на последних нитях, и казалось, будто мрак поднимается навстречу. Разъяренный падением серебра, он распускал свои щупальца. Теперь Ток Деренот понимал, насколько был прав Курта Седд, что повел Пятую роту вниз, навстречу тьме. Их оружие находилось там.

Поток гиперохладителя продолжал реветь. С края пола между рампами полился еще более крупный водопад. Падающий на Ток Деренота дождь ослаб, течение из клапана прерывалось. Впрочем, оно сделало свое дело. Он соскальзывал в кому, вызываемую анабиозной мембраной. Если дождь начнется вновь, то убьет его.

Он не собирался дарить Ультрадесанникам такой победы. Он рискнет упасть во тьму. Если погибнет, то окажется в объятиях истины. Он прошептал молитву богам и расслабился.

Мощная хватка стиснула его запястья, не давая упасть. Он поднял взгляд, щурясь от злости и боли. Его держала фигура в синей броне. По бокам от нее стояли другие фигуры. Ультрадесантник потащил его прочь от тьмы, навстречу свету и позору плена.

5

Приемлемые потери

Эфон

Унижение

До Курты Седда доходили отголоски битвы за командный узел. Чем глубже он уводил оставшуюся часть Пятой роты, тем более сбивчивы становились вокс-передачи. Он слышал достаточно, чтобы догадываться, как все идет. Приглушенный расстоянием шум взрывов следовал за Несущими Слово по шахтам и туннелям.

А затем раздалось эхо, которое не стихало. Оно становилось все громче и громче. Преследовало. Менее чем через минуту после его начала все вокс-сообщения от отделений Раалан, Улугар и Тулаин прекратились. Последние услышанные им голоса уже не могли произнести ни одного связного слова.

Курта Седд оглянулся наверх. Рота находилась в очередной входной шахте, соединявшей крупные уровни аркологической сети. Она представляла собой тускло освещенный цилиндр, который уходил вверх больше чем на сотню метров, и по крайней мере столько же оставалось до дна. Железная лестница, спиралью опоясывавшая шахту, вибрировала от приближающегося грохота. Со стен сыпалась пыль.

Курта Седд проклял возможную задержку. Он изучил шахту. Несколькими метрами ниже решетка закрывала вход в вентиляционную сеть. Тот был достаточно широк, чтобы в него прошел легионер, и едва-едва позволял втащить внутрь Сор Гаракса. Он сбежал по ступеням и вырвал решетку. Команд не потребовалось. Каждый из присутствующих воинов знал, что катастрофа дышит в затылок. Он стоял в стороне, пока братья силились занести в проход изувеченный дредноут. Курта Седд направился в укрытие последним. Он смотрел вверх, бросая вызов судьбе. Найдет ли кара его сейчас, в столь бессмысленный момент? Не найдет. Не может.

Когда последние из Несущих Слово заходили в проход, из верхнего входа в шахту ударил гиперохладитель. Пространство заполнилось ледяным серебром. Оно падало вниз с ревом и шипением. Курта Седд яростно посмотрел на него, а затем последовал за братьями в укрытие. Он остался настолько близко к проему, насколько только мог. Гиперохладитель с грохотом пронесся мимо, и холод ощущался, словно сплошная стена. Он пробивался через изоляцию доспеха. Плоть испытывала такую боль, какой не ведала уже десятки лет.

- Братья, - крикнул Курта Седд, перекрывая рев, - этот холод есть прикосновение мертвой веры. Лоялисты тянутся к нам, но мы ускользаем из их хватки. Они бьют и промахиваются. Мы же ударим и убьем.

Гиперохладитель лился еще несколько минут. Он сделал железо лестницы хрупким и с раскатистым треском унес все ступени. Наконец, водопад успокоился. Курта Седд вышел на край прохода и глянул вниз. Он смотрел на последние струи смертоносного серебра. Осветительные сферы внутри шахты были уничтожены, и теперь свет сочился лишь из тех проходов, которые избежали затопления.

- Смотрите, - велел Курта Седд. - Тьма сильнее. Вот чего добился враг. Он отдает нам все больше и больше своего мира.

Казалось, будто тьма поглотила серебро. Удар прошел мимо и канул в пустоту.

Каэлок пригнулся рядом и посмотрел, куда указал капеллан. Рядом пролетали кристаллы, которые кружились и слабо мерцали, а затем исчезали в поднимающемся мраке.

- Нам здесь не спуститься, - произнес Каэлок.

Он был прав. Лестницы больше не было, и поверхность шахты стала гладкой. Курта Седд издал ворчание.

- Это все, что выиграл Ультрадесант, - сказал он. - Отсрочка.

- При всем уважении, капеллан, все ли это? - помедлив, спросил Каэлок.

Курта Седд обернулся, преградив выход в шахту и вынудив Каэлока сделать шаг назад. Остальные легионеры наблюдали за ними.

- Объяснись, - произнес он, положив руку на рукоять крозиуса. Он предостерегал Каэлока. Лежащий перед ними путь был ясен. Усомниться в нем означало усомниться в судьбе, предначертанной самими богами. После поражения на поверхности Калта ему открылась дорога вперед. Было важно, чтобы братья понимали, что его слова надлежит принимать как абсолютную истину. Они должны были получить ответы на свои сомнения, когда он говорил с ними в руинах архива.

Каэлок присел чуть ниже и развел руками. Он не бросал капеллану вызов. Но все же задал свой вопрос:

- Мы потеряли контакт с братьями. Трудно не предположить худшего.

- Они потерпели неудачу, - ответил Курта Седд. - Это очевидно. И за неудачу они заплатили. Их утрата - не наше поражение.

- Разве Ультрадесантники теперь не контролируют командный узел? - спросил Вор Реннаг.

Курта Седд пожал плечами.

- Возможно. В долгосрочной перспективе им от него никакой пользы. Они его заняли и что сделали дальше? Затопили свои хранилища гиперохладителем. Ущерб не ограничивается нашими братьями и лестницей. Чтобы достать нас, они разрушают собственную территорию. И кроме того, мы выиграли время. Спустились ниже. Они стоят на месте. А мы продвигаемся.

- Вы знали, что наши отделения идут навстречу гибели? - в голосе Каэлока слышалось больше благоговения, чем обвинения.

- Не знал. Это было вполне вероятно. Стали бы Ультрадесантники нас искать или нет, но они оказались связаны этим боем. Вот что важно: отыскать то, что ждет нас и только нас в глубинах. Во имя этой цели ни одна жертва не может быть чрезмерной. Ничто не лишнее. Чего бы от нас не просили, это просто необходимо.

Курта Седд снова отвернулся. Он сказал свое, и рота должна была подчиниться. Он посмотрел вниз. Притяжение тьмы было сильно и становилось все сильнее. Суть цели все так же оставалась скрыта, однако его уверенность в том, что он идет начертанным богами путем, была нерушима. Провал манил к себе. Было бы так легко сделать шаг вперед и полететь навстречу своей участи. Он почти мог поверить, что переживет падение, поддерживаемый неотвратимостью судьбы.

Он пересилил желание. Его долг состоял в том, чтобы отыскать путь, а самоубийственный прыжок этим путем не являлся. Предстоящий обход вызывал у него негодование. Роте придется искать новый маршрут вниз. Да будет так. Он сделает, что должно.

Он на какое-то мгновение сосредоточился на уверенности в цели и плане действий, сдерживая прочие сомнения. Боги говорили с ним напрямую, а он верил богам. Сомнения у него вызывали посредники. Лоргар сказал, что Император наблюдает за ним. Это было ложью. Кор Фаэрон и Эреб ничего не сказали об этом пути. Когда представится возможность, он проведет ритуал и поговорит с вышестоящими. Каэлок обратился к нему в поисках ответов, и он предоставил их. Он, в свою очередь, тоже хотел

получить ответы.

Ему хотелось отбросить мысли о том, что его бросили. Предали. Но после первого и величайшего предательства в Монархии не осталось ничего невозможного.

Лишь тьма была честна. Он глядел в нее, сожалея, что не может полететь навстречу, и казалось, что она поднимается к нему. Он нахмурился. Мрак внизу становился плотнее. Ближе к нему духовно и пространственно. Это было обещание, реальность и поощрение. Тьма поглотила серебро, забрав свет.

- Ультрадесантники считают, будто утопили нас, - произнес он. Он размышлял вслух, однако вдохновение было столь сильно, что он делился им с ротой. - Думаю, они попытаются добиться преимущества. Думаю, мы должны их встретить. Думаю, наша тьма должна поглотить их свет.

Наполненный энергией, он зашагал обратно к братьям. Им все еще необходимо идти вниз, но если боги велют сделать паузу, то он сделает паузу, и Пятая штурмовая рота будет ждать прихода любого врага, раскрыв челюсти. Он не станет выжидать долго. Ровно столько, чтобы сильно укусить и пустить XIII Легиону еще немного крови.

Он был уверен, что тени перетекали, что тьма струилась наверх в ответ на падение холодного серебра.

Пленители забрали у него оружие, сковали ему руки и подвесили к потолку пещеры. Еще они намотали цепи ему на ноги, спутав их и придав ему дополнительную массу. Он ослабел от ран. Ток Деренот не мог ничего сделать. Единственная его победа состояла в том, что он оставался в сознании.

Они отвели его в командный узел. В пещере не было никакого оборудования за исключением нескольких стальных канистр и сундука со строительным и ремонтным снаряжением, откуда Ультрадесантники и взяли цепи. Разлив гиперохладителя пережили еще трое Несущих Слово, которых сковали так же, как и Ток Деренота. Двое принадлежали к отделению Улугар: Хужун и Рефаз Кванн. Отметки на броне третьего выдавали в нем брата из отделения Хурундат Седьмой штурмовой роты, также входившей в орден Третьей Руки. Его звали Герак Хакс. Все были сильно изранены. Доспехи получили тяжелые повреждения, кое-где полностью разрушившись. Хужун лишился шлема. Они были в сознании. Головы поворачивались, следуя за перемещениями тех, кто взял их в плен.

Ультрадесантники ничего не говорили. Когда они закончили связывать пленников, двое из них отступили назад на несколько шагов. Они окружили пленных и наставили на них болтеры. Остальные встали возле входа у дальней стены. Там они ждали.

Спустя несколько минут в пещеру вошел капитан Ультрадесанта. Его остриженный череп покрывали шрамы. Свиристый взгляд был пронзителен, словно у самой смерти. Он посмотрел на пленников, а затем, лишь немного умерив свою ярость, развернулся к своим людям.

- Что, по-твоему, ты делаешь? - требовательно спросил он.

- Беру пленных, - ответил один. - Кроме этих никто не выжил.

- Берешь пленных для чего? Что ты намерен делать? Спрашивать у них, почему они предали нас и Империум? Заставлять молить о прощении?

Ответа не последовало.

Капитан подошел к узникам. Он поднял болт-пистолет, приставив его к голове Ток Деренота.

- Что мы от них узнаем? Ничего. Заговорят ли они? Разумеется, нет, - он фыркнул. - И это если допустить, что они что-то знают. Я удивлюсь, если им вообще известно местонахождение собственных подразделений.

Он повернулся к Ток Дереноту.

- Я прав, предатель?

Ток Деренот пожалел, что с него не сняли шлем. Тогда он доставил бы себе удовольствие плюнуть Ультрадесантнику в лицо. Он удовлетворился тем, что принес обет. Мысленно он обратился к богам с молитвой, предлагая им последний акт верности. Он подумал о ждущей тьме и о том, как та пришла в движение в глубинах разлома между рамп. Он вознес благодарность замыслу своего капеллана, который вел Пятую роту навстречу судьбе, непостижимой для этих жалких рабов Императора, и заговорил:

- То, что мне известно, за пределами вашего понимания. То, что сдлает с вами Курта Седд, окажется за пределами вашего разумения.

Капитан Ультрадесанта стоял неподвижно. Когда Ток Деренот назвал имя капеллана, его глаза расширились. Шли секунды. Ожидаемой Ток Деренотом казни не происходило. Наконец, капитан произнес:

- Курта Седд. Ты из той же роты, что и Курта Седд?

- Из той же.

Капитан шепотом выругался. Он опустил пистолет, хотя и не стал крепить оружие к магнитному фиксатору. Отвернулся от Ток Деренота и зашагал туда-сюда по залу. Его легионеры зашевелились, явно озадаченные. Капитан несколько раз пересек пещеру и остановился возле правой стены. Помедлил, а затем впечатал кулак в перчатке в камень, пробив небольшую воронку.

- Снять их, - сказал он.

- Брат-капитан? - переспросил один из стражей.

- Я сказал, снять их. Расковать.

Он снова подошел к Ток Дереноту.

- Когда-то я был в огромном долгу перед Куртой Седдом. Случившееся на Калте за последние дни отменило его. Однако... - он скривился. - Однако я верю в честь, пусть даже Семнадцатый Легион отринул все представления о ней. Вы вернетесь к Курте Седду. Скажите ему, что у вас сообщение от Стелока Эфона. Скажите, что у него есть выбор. Скажите, что если он и подчиняющиеся ему люди сдадутся, то получат быструю и почетную казнь. Это гораздо больше, чем кто-либо из вас заслуживает, но я поступлю так в память о братских узах, некогда бывших между нами.

- Капитан... - начал было сержант в терминаторской броне.

Эфон отошел от пленников. Охранники неуверенно двинулись вперед.

- Что? - бросил Эфон.

- Вы серьезно?

- Серьезно. - Он бросил взгляд на охрану. - Делайте, как я сказал.

- Честь не требует от вас так поступать, - настаивал сержант.

- Быть может и нет. Но решение принимаю я.

- Это решение затрагивает всех нас.

- И что же будет, если послать этих четверых подлецов обратно к Курте Седду? - требовательно спросил Эфон. - Какая жизненно-важная информация про нас у них есть? Как они изменят баланс сил? Чем навредят нашей позиции?

- Это четыре воина, с которыми нам придется снова сражаться.

Эфон отмахнулся от возражения.

- Это риск, на который мы можем пойти.

- Но зачем на него идти? - не выдержал еще один Ультрадесантник - Я не понимаю.

В выражении злости на лице Эфона промелькнула боль.

— Возможно, это больше, чем он бы предложил мне теперь, но я дам Курте Седду этот шанс. У нас в прошлом слишком много того, что я не могу игнорировать, Энвиксус. Если он выберет закончить войну таким образом, я позволю ему это. Надеюсь, так и будет.

— Вы же не можете верить, что он так поступит.

- Не знаю, - голос Эфона упал от усталости и отчаяния. Однако когда капитан заговорил вновь, к нему вернулись прежние решимость и гнев. - Какую бы участь он ни выбрал, я хочу, чтобы Курта Седд знал, что я здесь.

Он указал на Ток Деренота.

- Назови мое имя. Сделай это, даже если ты больше ничего сделаешь в своей жалкой жизни. Скажи ему, что я здесь. Скажи, что я ищу его.

Он обратился к Энвиксусу:

- Он не сможет игнорировать меня дольше, чем я в состоянии игнорировать его. Мы выманит его.

Энвиксус покачал головой.

- С точки зрения теории, это личные решения, а не тактические.

- С точки зрения практики, враг будет вынужден ответить. Инициатива у нас. А теперь отправьте их своей дорогой.

Прежде, чем Энвиксус успел заговорить снова, Эфон вышел из пещеры.

Сержант скривился, но кивнул страже.

Цепи упали.

Их вело вниз по туннелям отделение Ультрадесантников. Пятеро врагов, которых возглавлял исполняющий обязанности сержанта по имени Дардан. По мере спуска тьма становилась все плотнее. Ток Дереноту казалось, что у него под ногами собирается живая лужа.

Враги тоже это увидели.

- Что это за колдовство?, - требовательно спросил Дардан.

Ток Деренот вполуха слушал, как Ультрадесантники пытаются понять смысл нарастающего вала теней. Они силились рационализировать это и терпели неудачу. Хужун, который шел впереди под охраной легионера по имени Энвиксус, рассмеялся над ними. Дардан остановился. Он приблизился к Хужуну.

- Тебе есть, что сказать, колхидянин?

И Хужун сказал. Он называл Ультрадесантников перепуганными детьми. Похвалялся силой Слова. Но он не знал, что происходит. На самом деле. Никто из них не знал. Ток Деренот ощущал прикосновение священной тьмы, которая взглянула на него, когда он болтался над бездной. Что-то из двигавшегося внизу поднялось вверх. Оно ободряло Несущих Слово настолько же, насколько тревожило Ультрадесантников.

Чем глубже они уходили, тем гуще становилась темнота. Она не заполняла туннели, пока еще нет, однако Ток Деренот чувствовал, что грядет великая сила. Та, что откликнется на зов пророка.

Его вера в Курту Седда стремительно возрастала.

Колонна снова внезапно остановилась. Ультрадесантники были начеку. Они ожидали нападения. Должно быть, они заметили движение. Губы Ток Деренота растянулись в ухмылке. Братья были поблизости. Курта Седд их не бросил.

- Сюда, - лоялист Тибор втолкнул Герака Хакса в узкую пещеру. Остальное отделение последовало за ним. Ультрадесантники взяли вход на прицел. Легионер с тяжелым болтером встал позади.

- Я чую ваш страх... - пробормотал Хужун. Он успел прошептать еще несколько насмешек, прежде чем Дардан не ударил его рукоятью болт-пистолета, лишив сознания.

Ток Деренот едва это заметил. Его захватило еще более сильное осознание тьмы. Та заливала пещеру, словно стекалась сюда в первую очередь. Его броню покрыли тени темнее, чем отсутствие света. Они были сильны. В них скрывались нашептывания и смех пустоты.

По ту сторону входа в пещеру раздался звук марширующих сапог. Мимо шло множество братьев Ток Деренота. Он мог позвать их. Лоялисты убили бы его, но их бы уничтожили. Однако он не чувствовал, что необходимо принести себя в жертву. Не чувствовал бессилия, лишь предвкушение. Должно быть, другие пленники ощущали то же самое. Они вели себя слишком тихо.

Тьма заколыхалась, и то, что она скрывала, пришло в движение. Из глубины пещеры беззвучно выступили Несущие Слово. Ток Деренот видел их. Ультрадесантники - нет. Они окружили лоялистов. Ударили клинки. Ток Деренот затрясся в беззвучном экстатическом хохоте. Он созерцал искусство. Видел, как ножи скользят сквозь швы брони, словно керамит был не более материален, чем мираж. А поскольку искусство нуждается в зрителях, Дардан осознал, что происходит, ровно в тот миг, когда ему уже поздно было действовать.

Повсюду кровь, багрянец во мраке. Перерезанные глотки. Пробитые насквозь черепа. Несущие Слово

вырезали отделение за считанные секунды. Дардан открыл огонь, и Ток Деренот ощерился, увидев гибель двоих убийц. Он бросился вперед вместе с остальными, чтобы разорвать сержанта на куски.

Но затем темноту заполнил голос капеллана.

- Живым, - произнес он. - Последний нужен мне живым.

Тьма отступила. Она ответила на зов, однако Курта Седд не повелевал ею, по крайней мере - на осознанном уровне. Здесь крылись тайна и перспектива, за которыми надлежало следовать. Но сперва - пленник. Дардан, как он выяснил. Исполняющий обязанности сержанта. Курта Седд взглянул на него. Он продолжал вести себя дерзко, невзирая на трупы его отделения вокруг. Ну разумеется, он вел себя дерзко. Бесхитростная реакция, типичная для Легиона, который не способен думать самостоятельно.

Курта Седд был разочарован, что Ультрадесант отправил на бойню так мало своих воинов. Однако, возможно, это тоже была судьба. Боги делали отсрочку перед продолжением спуска краткой.

А если бы они пришли большими силами? - подумалось ему. Нужно продолжать двигаться. Мы должны ответить на зов глубин.

Ток Деренот продолжал говорить:

- Их возглавляет капитан. Он назвался Стелоком Эфоном

Эфон.

Полученный удар вызвал у Курты Седда рычание. Он заставил себя обратить звук в смешок.

- Ну конечно, Славные. Эфон, мой старый друг. - Он заставил свой голос звучать весело и нетерпеливо. - Это честь для меня. Честь потерять столь многих сородичей не из-за какого-то там воина Ультрамара, а из-за Стелока Эфона: благородного сына обреченного мира. Мира, который постиг столь позорный конец.

Он все говорил и говорил, торжествуя и поучая. Говорил для братьев и для того, чтобы привести Дардана в отчаяние. И для того, чтобы уйти от собственных мыслей.

Ток Деренот передал послание Эфона.

Послание, полное лицемерия и иллюзий о чести.

В глубинах с грохотом прошла дрожь. Смех богов над нелепостью требования Эфона.

- Слышишь, Ультрадесантник? - ощерился Курта Седд. - Это звук того, как вокруг вас рушится ваш мир, само ваше существование.

Но он ощутил и упадок. Он упреждал его бешенством, поддерживая себя яростными словами. Однако ему недолго бы еще удалось сдерживать свои раздумья.

А потом он всадил нож в живот Ультрадесантнику. Глубоко, до самого позвоночника, а затем свирепо рванул, выпуская внутренности.

- Приведи ко мне своего капитана, Дардан, - прошипел он. - Приведи ко мне Эфона из Славной Девятнадцатой.

Его душа разделилась – он и хотел того, что означали эти слова, и противился этому. Он скрыл двойственность от врага и от своих людей. Оставил Дардана на грани смерти и в гневе вышел из пещеры. Нужно было идти вглубь. Туда, где тьма придаст ему сил противостоять собственным мыслям. А также средств подготовиться ко встрече с призванным врагом.

Вниз. Они отыскиали новый маршрут. Тот представлял собой разлом, шедший сквозь пробку, которую образовала серия обвалившихся пещер. Спускаться было нелегко. Протаскивать вниз Сор Гаракса было мучительно трудно, но возможно. Уже эта возможность подтверждала верность пути. Выота провалов оставалась в тех пределах, с которыми могло справиться закованное в броню генетически усовершенствованное тело. Ровно в них. Это совершенство служило очередным знаком: оно ускоряло продвижение Несущих Слово навстречу истине, однако сохраняло им жизнь.

Так много знаков. Так много знамений. Эфон был одним из них. Когда Курта Седд вглядывался во тьму, пока рота прокладывала себе дорогу в расселине, перед ним предстали складывающиеся схемы. А еще его душа. Эфон. Подобных совпадений быть не могло. Уверенность и сомнение сошлись в равных силах. Судьба требовала, чтобы Эфон стал его противником.

Итак, прошлое все еще следовало за ним. Сколько бы он ни сокрушал весь тот обман, что искажал подлинный путь Несущих Слово, однако все еще не мог сбросить это бремя. Следовало радоваться, что Эфон здесь. После предательства Императора, после откровения, что обращенные к нему слова Лоргара были неправдой, глубже всего его поразила та роль, которую Эфон сыграл в Монархии. Эфон принял участие в наказании, не задавая вопросов. Отвернулся от товарищества, выкованного в пламени Великого крестового похода. Отвернулся от памяти о Мелиор-Терции.

Курта Седд помнил. Помнил ледяной мир, захваченный орками. Помнил, как Эфон, раненый и оглушенный чудовищным взрывом, барахтается во внезапно вскипающей воде. Как вожак зеленокожих, облаченный в настолько тяжелый доспех, что кажется ходячей горой металла и циркулярных пил, приближается к Эфону и заносит клинки для смертельного удара. И помнил, как бросился между зеленокожим и своим другом. Он не знал, есть ли рядом другие Ультрадесантники, которые могли бы прийти на помощь. Видел лишь, что брата повергли. Он отбил циркулярки в сторону своим крозиусом. А когда появился брат Эфона, легионер Уркус, и опрокинул зеленокожего наземь, Курта Седд убил того. Пока Уркус помогал Эфону, Курта Седд стоял над ними, бросая вызов надвигающимся рядам орков. В следующих воспоминаниях были борьба, огонь, насилие и кровь. И победа вопреки всему, которую сделала возможной общая воля товарищей. В конце, стоя среди бесчисленных тел орков и едва держась на ногах от ран, они с Эфоном смеялись вместе. В тот день они понесли потери, но он был хорош.

День, который приятно вспомнить.

А Эфон забыл. Оказалось, что он – орудие лжи. Добровольное? Бездумное? Пока что Курта Седд этого не знал. После Монархии он не говорил ни с одним из Ультрадесантников. Однако предложенные Эфоном условия говорили сами за себя. Эфон действовал добровольно и бездумно. Несомненно, он верил, что поступает с честью. Он был слеп и самодоволен в своей слепоте.

Итак, теперь, спустя сорок четыре года, для Курты Седда настало время отомстить за предательство, совершенное по отношению лично к нему, и в этом же состоял его долг перед Легионом. Здесь, в глубинах Калта, его звало великое откровение, и ему предписано было сокрушить врага, чье падение будет значить для него больше, чем для кого-либо из Несущих Слово. Симметрия была потрясающе безупречна. Открыв новую истину, он сотрет день наихудшего обмана.

Не могло быть доказательства лучше, что боги ведут его судьбу. И все же он не радовался. Не мог, ведь еще оставались сомнения. Лоргар говорил, что Император наблюдает за ним, а Император не наблюдал. Фальшь подгрызала корни веры. Он верил в богов Хаоса. Видел их деяния снова и снова. Но несмотря на все, что Курта Седд проповедовал своим боевым братьям, сам он не был уверен, что верит в собственную достоинность. Он не сомневался в богах. Он сомневался в себе.

Ему не хотелось убивать Эфона.

Время все сильнее тянуло к земле. Обволакивало свинцовым плащом и мешало дышать. Давило грузом миллионов тонн камня, отделявших его голову от поверхности, и сокрушало. Он думал, что отсек узлы старой дружбы, прежней жизни.

Он ошибался.

Он подумал: *«Я - мое прошлое. Я - форма, которую оно вылепило»*.

Признав это, оно понял, что должен сделать. И вознес тьме молитву. Молитву о силе сразиться с бременем.

Повернуться к тому, что ограничивает его, что приносит больше всего боли, и выжечь это.

За пределами досягаемости, в тенях, которым его воображение не могло придать форму, зародилась мечта. Мечта об огненном освобождении.

Часть 2. Бремя верности

6

Эрозия

Песнь

Возрождение

Они заметили отряд разведчиков прежде, чем те смогли отступить. Несущие Слово пустились в погоню.

- Заглушить их! - крикнул Курта Седд. Могло быть и так, что они уже подняли тревогу. Он надеялся, что вокс Ультрадесантников работает так же ненадежно, как и у Пятой роты.

Ультрадесантники отходили под прикрытием мощного огня. «Хороший знак», - подумалось Курте Седду. Им было важно выбраться и донести известия. Он дергался влево-вправо, делая себя сложной целью. По боковине шлема чиркнул снаряд. Столкновение сопровождалось оглушительным визгом. Капеллан ощерился и выстрелил в ответ.

Туннель круто повернул влево. Противники потеряли друг друга из вида.

- Прекратить огонь, - скомандовал Курта Седд. - Берегите боеприпасы.

Ультрадесантники продолжали стрелять. Теперь заряды их болтеров оставляли воронки на левой стене. Курта Седд замедлил шаг ровно настолько, чтобы вновь не угодить под обстрел. Он ждал, пока туннель снова не распрямится.

В конце изгиба оказалась огромная пещера. Это была столовая. Поперек нее тянулись ряды столов. Здесь могли кормиться тысячи смертных, однако помещением уже давно не пользовались. Колонны растрескались. Столы покрывала пыль, насыпавшаяся с расколотого потолка. Настолько углубившись в аркологии, Несущие Слово входили в зоны, где уже сотни лет, а то и больше практически ничего не происходило. Стены и края потолка были покрыты массивными кристаллическими образованиями, в которых отражался и преломлялся свет немногочисленных рабочих люминесцентных сфер, нашлемных прожекторов и дульных вспышек. Зал засверкал огнями войны.

Выход на дальнем конце завалило щебнем. Коридора дальше не существовало. Ультрадесантники были в ловушке. Используя колонны в качестве укрытия, они поливали вход огнем.

Курта Седд взревел и бросился напролом. Мощный удар попытался его остановить. Не удалось. Позади него в зал высыпали братья. В туннеле могли двигаться плечом к плечу лишь двое легионеров. Ультрадесантников было всего пятеро, но Несущие Слово не могли воспользоваться своим численным преимуществом. Теперь могли. Рота построилась смертоносной стеной шириной почти во все помещение.

Строй двинулся вперед. Цели были ясны. Заряды болтеров били в колонны. Ультрадесантники обозначили свои позиции, пока они были заперты в дверях. Теперь уже Несущие Слово точно знали, куда им стрелять, а перед врагами находилось слишком много целей.

Ультрадесантники использовали остававшиеся у них секунды, чтобы сконцентрировать удар на Курте Седде. Тот пропустил братьев вперед себя. Он уже довел атаку досюда. Накливав на себя гибель, он бы ничего не добился. У него были обязанности, выходявшие за пределы происходящего в зале.

Он шагнул за спину Вар Руфагу. В легионера ударили снаряды. Тот сделал еще четыре шага, все это время паля в ответ, а затем упал. Из пробитых в шлеме дыр размером с кулак брызнула кровь. В следующие несколько секунд за него уже отомстили. Колонна справа распалась на части, и десятки болтерных зарядов отыскивали находившегося за ней Ультрадесантника. Слева за еще одной из колонн приземлились две осколочных гранаты. Они вышибли сына Жиллимана из-за укрытия. Волоча одну ногу, воин нетвердо двинулся к следующей колонне, стреляя из болтера очередью по широкой дуге. Ему не дали пройти и нескольких метров, и он с грохотом рухнул, проломив один из столов.

Распевая восхваления тьме, Несущие Слово зашагали через зал. Ультрадесантники умерли, когда Пятая рота не дошла и до середины. Сами они потеряли троих.

Отголоски битвы стихли, однако шум выстрелов все еще слышался. Это были спорадические короткие очереди. Пока с трупов снимали припасы, Курта Седд в сопровождении Каэлока и Ток Деренота направился к заблокированному проему. Они с хрустом шли по россыпи кристаллических осколков. Помещение теперь освещали брызги света на неровных сколах. Ток Деренот все еще двигался с трудом, однако за последние дни его тело отчасти исцелилось. Чтобы искупить свою вину, он трудился даже сильнее обычного. Курта Седд не порицал его усердие. Готовность пожертвовать собой ради капеллана могла оказаться нужной.

Курта Седд ударил по щебню кулаком.

- Проведи нас сквозь это, - произнес он. Выстрелы доносились с той стороны.

Каэлок приготовил еще одну мину. Понадобился всего один заряд. Завал был небольшим. Курта Седд возглавил движение сквозь него. Туннель на той стороне был широким и резко уходил под откос вниз. Двадцатью метрами ниже еще одна группа Ультрадесантников устроила баррикаду из складских блоков. Их было трое. Они перестреливались с двумя Несущими Слово, которые находились ниже по склону, не имея прикрытия, и пытались штурмовать позицию на возвышении. На полу коридора лежали два тела в багряных доспехах.

Из пробитых контейнеров сыпались пайки. Позади Ультрадесантников съежились двадцать гражданских. Увидев легионеров Курты Седда, они завопили. Ультрадесантники крутанулись на месте, переводя огонь в обратную сторону. Несущие Слово врезались в них, словно таран. Курта Седд впечатал крозиус в висок одного из воинов и выстрелил воину в бок из своего плазменного пистолета, плавя броню, мышцы и кости. Это была не чистая смерть, а растянутая во времени. Именно то, чего ему и хотелось.

Ультрадесантник утратил контроль над правой стороной своего тела. Шипя от боли сквозь решетку шлема, он бросился на Курту Седда. Капеллан ударил крозиусом слева направо, вогнав оружие в обнаженную грудную клетку Ультрадесантника и раздавив сердца. Враг повалился ему под ноги. Кровь покрыла наверхние крозиуса и побежала по рукояти.

Одолев двух оставшихся Ультрадесантников, Несущие Слово расправились с гражданскими. Они наносили удары с садизмом, порожденным отчаянием. В воздухе висела злоба. Бойня практически не развеяла ее. Равно как и пополнение из двух новых легионеров.

Они были из Десятой роты Третьей Руки. Насколько им было известно, единственными, кто от нее остался. Их доспехи обильно покрывали рубцы. Когда они входили в аркологии, их было почти полное отделение, однако их число убывало в одной схватке за другой.

- Куда вы направлялись? - спросил их Курта Седд.

- Никуда, - ответил один из них, которого звали Верситис. - Мы бились с теми силами, с кем могли, и отступали от тех, с кем биться не могли. Наш маршрут определялся боями.

- Вы видели других братьев из нашего Легиона?

- Немного, - сказал Руат Дур. - Теперь они уже мертвы.

Его голос переполняло негодование. Он был без шлема, и на лице краснели блестящие сильные ожоги. Когда он посмотрел на Курту Седда, эта же возмущение оказалось и в его взгляде.

- Все рухнуло, - проговорил Верситис. Он казался скорее не разозленным, а изможденным. Не упорным, а утратившим надежду. - Остатки нас порознь бегут по лабиринту, а бьемся мы только за свою жизнь. - Он вздохнул. - Мы еще сражаемся, но война окончена.

- Осторожнее, брат, - предостерег Курта Седд.

- Где наша цель? - судя по голосу Верситиса, он хотел получить ответ, но не верил в это. - Может, мы и отбили у Тринадцатого Легиона поверхность, но нас вышибли под землю.

- Нам еще многое нужно сделать, - сказал Курта Седд. - Я намерен выполнить нашу задачу до возвращения флота.

Курта Седд рассчитывал, что Руат Дур спросит, что же это за задача, однако вместо этого тот произнес:

- Он не вернется.

- Легион сделал здесь все, что мог, - сказал Верситис. - Нет смысла возвращаться.

- Уж не за нами, - пробормотал Руат Дур.

- Неужто ты настолько маловерен? - спросил Курта Седд. - Есть причина, по которой мы здесь. И она будет великолепна.

- Что за причина, капеллан? - сказал Герак Хакс. Он стоял сразу справа от Курты Седда. - Вы обещали нам великое откровение, но когда? Где? Не было и следа.

Курта Седд задумался, не казнить ли Герака Хакса. Он решил этого не делать. Сейчас оказалась бы полезнее демонстрация терпения, а не поступок, который могли бы счесть озлобленной жестокостью. Герак Хакс был не единственным легионером, кто придерживался подобных взглядов. Рота Курты Седда утрачивала сплоченность. Спуск начинал напоминать бесцельный путь Верситиса и Руат Дура. Эфон искал их, и после захвата командного узла он получил как минимум подобие контроля над лежащими выше районами. Борьба превратилась в медленную смерть от истощения. Время от времени, как сейчас, Пятая рота обнаруживала других Несущих Слово, которые пополняли ее ряды. Однако потери она несла чаще. Если такое положение дел продолжится, то в конечном итоге от отряда Курты Седда ничего не останется.

Такой конец предвидел не он один. Нарастало недовольство. Курта Седд не собирался давать ему возможность привести к бунту. Однако всего несколько дней назад готовиться к такому исходу не пришлось бы.

- Нам будет дан знак, - сказал он Гераку Хаксу, повысив голос, чтобы услышала вся рота.

- Нам будет дан знак, - повторил он. - Пока что мы просто недостаточно глубоко.

Он посмотрел на груды разделанных останков смертных беженцев.

- Пока что мы сделали недостаточно.

Они продолжали двигаться вглубь. Все больше и больше пещер были необжитыми. Маршруты стал сложнее, а от некоторых спусков, которые выглядели прямыми, им приходилось отказываться из-за обременявшего их Сор Горакса. Дредноут вызывал все больше раздражения, но пока что никто еще не предложил бросить его.

Звук, искажаемый каменными изгибами, поначалу достиг ушей Курты Седда как свистящий шелест. Капеллан подумал, что, возможно, слышит подземный поток. Спустя несколько минут стали различимы созвучия.

Пение.

- Это и есть наш знак, брат-капеллан? - спросил Каэлок.

Нет, - едва не сказал Курта Седд. Он искал нечто, выходящее за пределы человеческого, а сейчас он слышал языки смертных. Однако переливы песни зывали к нему и придавали надежду.

Рота пошла по длинному туннелю, который петлял настолько извращенным образом, что казалось, будто

это какой-то ритуал. Мрак пронзали только нацеленные прожекторы. Затем появился свет. Он колебался и мерцал. Он словно плясал. Он словно шептал.

Пещера, где собрались культисты, была настолько низкой, что гребень на шлеме Курты Седда задевал потолок. Здесь находилось около сотни людей. Капеллан поразился, что их настолько много на такой глубине. Они стояли кругом. На них была драная одежда, смесь ряс и латаной кожанно-стальной брони. Многие были изранены, хотя часть свежих ран представляла собой руны, которые они сами вырезали у себя на лбу, щеках, руках и груди. В центре пола была нарисована кровью восьмиконечная звезда. На каждой из ее вершин стояли факелы из тряпья, намотанного на человеческие кости.

Вокруг краев звезды лежали разорванные тела гразданских. В воздухе висел смрад человеческого жира и разлитых жизненных жидкостей. Некоторые из тел выглядели так, словно их пожирала, а у многих культистов была кровь вокруг ртов. Распевая, они раскачивались, и казалось, будто слова так же качаются, переплетаясь и исчезая друг в друге. Из этого звука возникал невыразимый языком смысл, который затем сам создавал звук. Шум был гортанным, текучим, царапающим. Это была песнь разрушающейся Галактики, которая расходится в стороны, открывая истекающий слюной голод в сердце вселенной.

Когда Курта Седд вошел в зал, культисты перестали петь, однако песня смолкла лишь секундой позже. Люди обернулись к нему. Они все как один повалились на колени. Прижались лбами к полу. Завопили, исторгая какофонию благодарственных восхвалений. К Курте Седду подползла женщина, голова которой была настолько изрезана рунами, что кое-где проглядывали части черепа. Она протянула руку и прикоснулась к окровавленному наверху крозиуса.

- Господин капеллан, - проговорила она хриплым от пыли и грязи голосом. - Вы услышали нас. Вы пришли направить нас.

Удивление от встречи с паствой вновь навело Курту Седда на мысли о Хуре. Память о первой учиненной им резне, кара за которую еще не наступила, никогда не уходила вглубь его разума. Тогда он обнаружил поклонение в тот день, когда подобному должен был настать конец. Теперь же он обнаруживал его там, где его быть не могло. Когда культисты подняли головы, чтобы взглянуть на него, словно на божественного посланника, он ощутил спазм отвращения. Эти люди были отребьем. Их верность старым богам не имела ничего общего с приверженностью истине. Тут не было никакой философии, лишь слепое повиновение. Ходячее мясо. Не более того.

То, что они обратились к нему, вызывало отвращение и тревогу. Воля богов продолжала ускользать от него. Мрак и глубины влекли его все сильнее, однако цель оставалась неведомой, неуловимой, выводящей из равновесия. Кроме того, он не предпринял никаких конкретных шагов для убийства Эфона. Самому себе он говорил, что нужно сперва добраться до тайны во тьме, чтобы получить средства перехватить инициативу на верхних уровнях аркологий. Однако он сомневался в собственных мотивах и решениях.

Он отвергал поклонение культистов. Его посетил порожденный сомнениями и болью порыв перебить всех в помещении. Он устоял. Культисты были преданными, а их вера подлинной. Если им хочется руководства, он поведет их. Им найдется применение. Двигаясь перед Пятой ротой, они примут на себя вражеский огонь.

При этой мысли к его сердцу словно прикоснулся холодный палец. Не культисты ли тот секрет, в

поисках которого он пришел? Не они ли то оружие, которое он обратит против Эфона? Если так, в его жизни обретет мрачную симметрию.

Но нет, подумал он. Его судьбу не решит подобная горькая ирония. Он все еще ощущал сильную тягу. Секрет, дар находился еще глубже.

- Да, - сказал он женщине. - Да, - повторил он всем культистам. - Вы молились, и мы отозвались. Мы поведем вас в путь, указанный богами.

Сказанное им было правдой, но все равно казалось ложью. Он не был достоин. Его вера в богов не обладала достаточной крепостью. Оставалось слишком много мыслей, слишком много сдерживающих его обуз.

Впрочем, голос его звучал твердо. В нем была уверенность. И культисты возликовали.

Когда гам снова стих, на мгновение стал громче слышен бессвязный бред Сор Гаракса. Женщина посмотрела мимо Курты Седда на стоявшую позади него роту. Ее глаза расширились.

- С вами путешествует один из Аннунакэ.

Она использовала колхидское слово. *Судия Преисподней.*

Курта Седд кивнул.

- Это мы путешествуем с ним, - поправил он. - Он получил сильные повреждения.

- Мы можем вернуть его к жизни.

Курта Седд глянул на нее сверху вниз.

- Что ты сказала?

Женщину звали Хротис. Она и еще несколько культистов служили на борту «Инфидус Император» в ремонтных и обслуживающих бригадах. Все они обладали опытом работы с дредноутами «Контемптор». Она заверила Курту Седда, что их умения вновь вернут Сор Гараксу боеготовность.

- А оборудование? - спросил он.

- Оно у нас тоже есть.

Оказалось, что пещера, где Пятая рота обнаружила культистов, была одной из нескольких захваченных ими и расположенными по соседству друг с другом. Две из них входили в сеть аркологии и находились на такой глубине, что стали зонами постоянного проживания рабочих, в чьи обязанности входило обслуживание обычно пустого района созданных пещер. Обитатели практически не знали о войне на поверхности Калта, пока она сама не пришла к ним. Культисты вырезали их, а затем, дойдя до сюда, остановились.

- Должно быть, мы чувствовали, что вы идете, - сказала Хротис, ведя Несущих Слово по скользким от крови коридорам. Сферические лампы пульсировали, отбрасывая непостоянный тревожный свет на руны, нанесенные на стены жизненной влагой. - Мы ощутили, что должны задержаться здесь.

- Вы видели лоялистов?

- До нас доносился шум боя. Но мы никого не видели.

Хорошо. Довольно скоро Пятую роту могли снова отыскать поисковые группы Эфона, или же отдельный отряд Ультрадесанта, до сих пор бродящий по бесконечной паутине пещер. Однако времени могло хватить, чтобы вновь поставить Быка на ноги. При задействовании в бою Сор Гаракса для Курты Седда откроются новые возможности. Его первоначальный долг ничто бы не отменило, но у него оформлялась идея. Пока что она была слишком бесформенной, чтобы выразить ее словами, однако она должна была помочь ему с более мучительным делом.

Хротис привела их в пещеру, где культисты хранили свое оборудование. Похоже, здесь располагался склад, хотя с него и вынесли практически все припасы рабочих. Культистам удалось сохранить удивительно много инструментов, к тому же они забрали довольно существенное количество у местных обитателей.

- Мы можем запитаться от энергосети аркологии, - произнесла Хротис. - И у нас есть то, что требуется. Почтенный Сор Гаракс снова пойдет.

Она подняла на Курту Седда глаза, светящиеся целеустремленностью и фанатизмом.

- Как же великолепно чувствовать прикосновение богов столь непосредственно. Нас привели сюда, дабы дожидаться вас, и теперь наше предназначение очевидно.

- Несомненно.

Она вполне могла быть права. Но значение имело то, что она и ее товарищи послужат цели Курты Седда.

Несущие Слово образовали настолько близкое подобие защитного периметра, насколько это позволяла имеющаяся планировка. Они охраняли пещеру, где предстояла попытка воскрешения, перекрыв ведущие туда туннели. Обзор был плохим, но они бы услышали чье бы то ни было приближение.

Ритуал занял несколько часов. Культисты облепили дрендуот. Сор Гаракса поставили вертикально внутри склада, в центре еще одной звезды. На рисование символа пошли новые тела гражданских, но кроме того себя в жертву предложили и двое культистов. Пока их товарищи работали над поврежденной броней плазменными резаками и занимались пайкой разорванной проводки, из добровольцев выпускали кровь на руну звезды. В их криках звучали мука и экстаз. Они сознательно отдавали себя, веря, что их боль подпитает дух Быка и придаст ему сил вновь привести в движение громадное тело.

Курта Седд наблюдал за процессом от входа в зал. Единение религии и практики превратилось в неистовую пляску дергающихся теней и жгучего света. Вокруг Сор Гаракса собрались десятки культистов. Их шипящую песню было не отличить от шума инструментов. Курта Седд знал, что обряд избыточен. Молитва никак не влияла на сами физические повреждения, требовавшие ремонта. Однако его знания о механике бессмертия дрендуотов были ограничены. Эти же люди, обладавшие такими знаниями, придерживались и духовной составляющей до такой степени, что готовы были отдать свои жизни.

И разве не должен он сам быть вестником богов для Пятой роты? Зачем ему сомневаться в чудесах?

Работа над смутно различимой громадой Сор Гаракса стала более иступленной. Тени рабочих корчились и металась, словно черное пламя. Песнь набрала силу, заглушая крики умирающих

изувеченных жертв. Развешанные в пещере сферы светильников померкли, став сперва янтарными, а затем серыми. Ко тьме воззвали, и тьма ответила. Церемония оказывала на курту Седда гипнотизирующий эффект. Он усваивал урок. Учился. Надеялся.

Выстраивались ритмы. Культисты запели быстрее. Лампы вспыхнули ярче, но лишь для того, чтобы затем их поглотил мрак столь плотный, что у него были клыки. Пульсирующее шипение разошлось из пещеры, неся миру истину. На его фоне, минуя и перекрывая такт прокаженной песни, раздался голос Сор Гаракса. Ярость, боль и помешательство в нем не ослабли. Они обрели мощь стихии. Они могли менять реальность. Это был голос безумия войны.

Курта Седд ощутил, как внутри него шевельнулось благоговение. Его губы растянулись в подобии улыбки. Казалось, что на него дует психический ветер, который сокрушит скрепы духа, плоти и камня.

Дернувшись в последний раз, жертвы наконец умерли. Что-то блеснуло. Курта Седд не мог сказать, был ли это свет, или же нечто, всего лишь прикидывавшееся светом. Затем последовал рев Сор Гаракса. Это уже была не речь, лишь алхимический сплав всех его выстраданных мыслей и слов в единую абсолютную ярость.

Дредноут пришел в движение. Он сделал шаг вперед и раздавил ногой оператора резака, превратив тело мужчины в мешанину внутренностей. Левая рука качнулась, и полыхнула штурмовая пушка. Снаряды разметали культистов в дым, пробивая тела и чертя на дальней стене линию взрывов. Пальцы силового кулака Быка дернулись. Он протянул руку и схватил смертного, находившегося на его левом плече. Пальцы сжались, превратив голову культиста в кашу.

Дальше началось уже настоящее избиение. Беснующийся Сор Гаракс зашагал вперед, полный жаждой убийства. Культисты бежали к нему, окружали и танцевали, радуясь своей великолепной работе. Он рвал их на части, давил их и уничтожал без следа. Пещеру заполняли огонь и кровь. Тела разлетались на куски, просто изодранное сырое мясо. Умирая, культисты ликовали. Мимо Курты Седда в зал проталкивались все новые.

- Аннунакэ! - выкрикивали они, мчась навстречу смерти. - Аннунакэ!

Их восторг встречала ярость, и они умирали в экстазе от славного труда.

Курта Седд наблюдал, как Сор Гаракс качнулся в его направлении. Дредноут был гигантом, несущим мучительную гибель. Его ненависть горела столь ярко, что могла бы испепелить галактику. Он был неостановим, и в этих туннелях двигался с величием титана класса «Император». У Сор Гаракса не было никаких сомнений. Бык являл собой воплощенную убежденность, и его шествие в окружении пламени и крови наполняло Курту Седда торжеством.

Было и другое. Пока культисты пели, плясали и умирали, а Сор Гаракс уничтожал добровольных молящихся жертв, что-то копилось. Снова тьма, тьма материальная. Она сочилась с пола, призванная из глубин. Ее перемещения не зависели ни от каких движений ритуальной резни. Она была мускулистой, змееподобной, холодной. Отростки расходились по полу, словно она собиралась охватить всю пещеру. Двигаясь, она царапала воздух. Наземь падали сброшенные блестящие чешуйки, которые затем исчезали. Существование тьмы ранило реальность. Тьма завихрилась от сокрушительной поступи дредноута. И потянулась к капеллану.

Она обвилась вокруг его ног, ломаясь и перестраиваясь - непрочная, как туман, и целеустремленная, словно насекомые. Во тьме были какие-то существа - существа, которых он не мог увидеть, поскольку

пока они еще не обрели бытие. Но им этого хотелось. Они жаждали ощутить реальное и выпить его крови. Они зывали к Курте Седду:

Сделай нас настоящими! – вопили они.

Освободи нас.

Сбрось бремя.

Ритуал призвал тьму, и теперь тьма призывала Курту Седда. Она поднялась вверх, так что он должен спуститься вниз.

И теперь она сделала его своим господином.

Он видел тьму. Слышал тьму. Он поднял взгляд на приближающегося, залитого кровью чудовищного Сор Гаракса. Он глядел на величие, на обещанное откровение, и в этот миг, в миг, когда ему казалось, что он навеки погрузится в экзальтированный ужас, его сомнения пропали.

В груди разрасталось нечто с узловатыми жилами и ядовитыми когтями.

Это была надежда.

7

Ярость сдержана

Великое Нисхождение

Ярость на свободе

Пронзительная мука, застывшая навеки. Тело – пыточный мешок, недоразвитый орган, ранящий его сущность. Миг, когда на Семнадцать-Семнадцать взорвался титан, сохранился навсегда. Откровение, полученное при ожоге, каждую секунду переживается заново.

Он – Несущий Слово, и для боли должно существовать слово. На самом деле была одна лишь боль. Все остальное – заблуждение. Все остальное – ложь.

Сокрушить ложь.

Утопить миры, утопить звезды, утопить галактику в крови.

Отыскать слово. Привести все реальное к переживаемой им агонии.

Рев, вой, язык рвется на части в поисках слова.

Безуспешно. Бесформенные созвучия, бессмысленные слова, фразы, где есть лишь насилие.

Воплотить слово. Зачаровать его действием.

Стать убийством.

Внезапно вновь возвращается подлинное тело, гигантский военный облик. Снова двигаться. Снова убивать. Грохот пушки, взрывы гнева. Проповедь снарядами.

Тяжеловесный ритм, ритм его поступи. Каждый шаг ломает кости.

Заполнить воздух кровью. Заполнить пустоту кровью.

А затем голос, произносящий его имя:

- Сор Гаракс.

Зарычать в ответ на вмешательство, вскинуть вперед штурмовую пушку.

- Судия Преисподней, остановись и выслушай.

Впереди фигура: багряная, но это не плоть. Несущая слова истины зубчатой, извивающейся прописью Колхиды.

Он остановился. Тьма в воздухе, тьма - источник истины, закручивается вокруг брони говорящего.

- Ты знаешь меня, Аннунакэ Сор Гаракс.

И преодолевая боль, он сложил имя:

- Капеллан Курта Седд.

Дредноут узнал его. Бык остановил свое шествие. Штурмовая пушка опустилась, не выстрелив.

- Твой урок пропадает здесь зря, - произнес Курта Седд. Он говорил уважительно, но властно. Сор Гаракс балансировал на грани, за которой лежала всеобщая бездумная бойня, и его требовалось унять. Сдержанность его физически было невозможно. За спиной Курты Седда стояла группа Несущих Слово численностью в отделение, державшая наготове оружие. Если Сор Гаракс не остановится добровольно, единственным выходом будет уничтожить его, а эта катастрофа унесет многих легионеров.

Курта Седд не верил, что случится трагедия. Несущие Слово не просто так тащили Сор Гаракса так долго. Боги уберегли Быка и дали Пятой роте возможность использовать его силу. Так они и поступят.

- Мы в подземном мире, - сказал капеллан. - Враг ждет твоего приговора.

Сор Гаракс не отвечал. Его тело уже не втягивало кислород, как до погребения, однако издавало низкий рык в ритме мучительных вдохов.

- Я не прошу тебя быть терпеливым, - произнес Курта Седд. - Я прошу тебя подождать. Подготовь свой гнев. Ты получишь себе противника. Ты понесешь проповедь Ультрадесантникам.

Из вокс-динамиков дредноута послышался сдавленный хрип. Одно-единственное слово.

- Когда?

Чтобы достичь хотя бы такого уровня рассудка, должно было потребоваться чудовищное усилие. Курта Седд воспринял это как свою победу. Ему удастся управлять гневом Сор Гаракса.

- Очень скоро, - ответил он. Теперь он понимал, что достиг поворотной точки. Ритуал, свидетелм

которого он стал, не просто воскресил Быка. Это был критический момент. Оставалось им воспользоваться.

Не все культисты, участвовавшие в церемонии, погибли. В числе уцелевших была Хротис. Она поднялась с того места, куда упала, покрытая кровью своих товарищей. Ее глаза сияли от восторга. Не обращая внимания на пушки дредноута, она выбежала вперед и сложила руки перед Куртой Седдом.

- Вы видели, господин? - спросила она. - Видели тьму?

- Видал.

Отростки теней отступили, но содержащийся в них смысл повис в воздухе. Он почти что мог протянуть руку и прикоснуться к возможности их вернуть.

- Брат-капеллан, - проговорил Каэлок с благоговением. - Мы все видели.

Курта Седд рискнул оторвать взгляд от Быка и оглянуться на братьев. Они продолжали держать оружие наизготовку, но все головы были обращены к нему и кивали. В их числе был и Герак Хакс.

- Вы должны провести для нас службу, - сказал он. В его голосе слышался трепет.

Момент приобрел еще большую важность. Истончившаяся целостность роты восстанавливалась сама собой. Курта Седд мог вернуть ей крепость. От него требовалось лишь исполнить назначенную ему роль.

Несколько мгновений он стоял в молчании. Прикрыв глаза, он давал себе возможность проследить направления и контуры лежавших перед ним возможностей. Потребность спускаться все еще была сильна. Он пока не достиг места назначения. Оно было ближе, чем когда-либо. Сковывало его душу цепями, весившими столько, что они должны были бы утянуть его вниз сквозь пол пещеры. Идти вглубь необходимо.

Однако спуск будет нелегким. Несущие Слово уже и так находились глубже всех участков аркологии, исключая лишь самые нижние. Они проникли в несколько пещер под теми, которые занимали сейчас. Оказалось, что эти подземелья не исследованы обитателями Калта и кончаются тупиками. Должен существовать путь ниже. Он отыщет его даже если придется метр за метром пробиваться сквозь скалу.

Но нынешний момент, столь критичный, столь богатый возможностями, указывал иное направление. Ярость Быка ничего не даст при поисках в пустых туннелях. Ее требовалось устремить обратно наверх. Сор Гараксу нужно было убивать Ультрадесантников.

И еще тьма. Тьма звала его вниз, но она же поднялась наверх. Ответила на зов простых смертных - культистов, не обладавших конкретным опытом встречи с вечным и возвышенным. Он чувствовал, что тьма ждет его. Ждет его приказа.

Однако он не был Эребом. Не обладал силой и выучкой Первого капеллана. Сомнения, изгнанные в пиковый миг ритуала, вновь вернулись. Потянувшись ко тьме, он покажет себя достойным и освободится от пут нерешительности.

Физический спуск пока что зашел в тупик. Но для духовного таковых ограничений не существовало.

Курта Седд посмотрел на залитый кровью зал.

- Нам понадобится больше подношений, - произнес он.

- Наши жизни в вашей власти, лорд-капеллан, - сказала Хротис.

Это бы сошло для начала. Но требовалось гораздо больше. Курта Седд обратился к Сор Гараксу:

- Я вижу путь для твоего мщения, Аннунакэ.

Чтобы спуститься, они должны были идти наверх.

Курта Седд отправил вперед разведывательные отряды. Те разошлись группами по пять легионеров в поисках охотничьих угодий для роты и для Быка. Курта Седд дал волю Сор Гараксу. Дредноут загрохотал по наиболее широким и прямым проходам. Он вполне мог привлечь к себе внимание врага. Если найдет себе цели сам, славно. Если же нет, это сделает одна из партий разведчиков и даст ему направление.

Ток Деренот повел полное отделение следом за Сор Гараксом. На нем лежала не только задача по усилению. Это был искупительный поход.

Курта Седд остался позади, но только на время начального этапа. Ему сообщает о плодородной почве, и тогда он устремится к тому месту. Важное дело предстояло начать в оскверненной складской пещере. Там висел насыщенный смрад недавней смерти. Пространство гудело от голода.

Так что он дал ему пищу.

На службу он вывел двадцать легионеров. Двадцать четыре культиста выступили вперед, дабы накормить тьму. Тяжелые шаги Быка и разлитая повсюду кровь нарушили восьмиконечную звезду. Культисты воссоздали ее в более крупных масштабах чем раньше, лучи тянулись практически до самых стен зала. Наносили фигуру они костным пеплом. Затем они заняли свои места: по человеку на каждой из вершин и еще по одному в точках, где каждая из линий пересекалась с парой концентрических кругов рисунка.

Курта Седд приступил к молитве. Ее слова были на колхидском. Гортанные построения сворачивали язык и гортань, придавая им подобающую церемонии форму. Он произносил строки о поклонении и безумии, и братья примкнули к нему. Их набравшие силу голоса скребли камень стен. Культисты присоединились к восхвалениям и преклонили колени. Они подняли свои клинки. Они принялись резать. Начали они со своих рук, полосая их от плеча к ладони и помазывая углы звезды.

Слова молитвы стали превращаться в нечто такое, что было и выше и ниже простой речи. Они утратили осмысленность человеческого языка. Обратились в действие. В открытие пути.

Направляемые молитвами, культисты нашли в себе волю и силу довести жертвоприношение до идеала. Ножи погружались вглубь плоти. Рассекали сухожилия и выпускали внутренности. Резали, чтобы продлить боль и сделать смерть неизбежной. В воздухе стало сыро. Весь зал пребывал в праведной агонии. Людские тела увечили сами себя. Паства и жертва были едины.

Гимн захватил тело Курты Седда. Он не мог перестать петь, даже если бы пожелал этого. Его разум оседлал скручивающиеся волны молитвы. Одним лишь желанием, не прилагая усилий, он достиг границ материума. Пелена между реальностью и тьмой находилась рядом, и она была непрочна. Снаружи, за пределами системы Веридии, галактику раздирал Гибельный Шторм. Курта Седд впервые ощутил далекое прикосновение столь колоссального явления, что оно не поддавалось постижению. *Мы сделали это*, - подумал он. В нем прибывала жестокая гордость.

В дальних закутках своей души он все еще страшился карающего света, который зачищал Калт. Тот искал его. Его призовут к ответу. Впрочем, здесь, в глубинах, тьма была страшнее света, а она была ему рада. Она не отпускала его прегрешения. Она превозносила их. Она пульсировала и рычала по ту сторону пелены, и Курта Седд встретил ее жажду своей собственной.

Он раздвинул пелену. Он воззвал ко тьме.

Та ответила, исходя слюной. Она вновь поднялась. Поднялась из недр Калта и из ран в реальности. Линии звезды, пепел на которых слипся от крови, почернели. Они начали колебаться. Стали толще, разрослись и сомкнулись. Накрыли тела жертв. Превратились в единую массу мрака. Это была вздымающаяся шепчущая волна, голодная тварь, затаившая свои зубы. Она заполонила зал. Накатилась на Несущих Слово, собирая свою паству. Когда она поглощала Курту Седда, тот возликовал.

Он это сделал.

Он достоин.

Но это не все. Он не был уверен, являлись ли эти слова его мыслями, или же их произнесла тьма. Неважно. Это было только начало. Во тьме и за ее пределами находилось гораздо больше силы. Пока что он не мог реализовать этот потенциал. Не хватало силы. Возможно, он отыщет ее внизу, куда его все равно должно привести странствие.

А осмелишься ли ты? На сей раз это была его мысль. Он отогнал ее вместе с потребностью ответить. Пока что ему было достаточно верить себя чуду ширящейся тьмы.

Та окутала его, и весь свет исчез, однако это не мешало зрению. Он видел зал, руны, культистов и братьев так же легко, как если бы их освещала дюжина сфер. Он видел все, и он видел тьму. Между слепотой и абсолютной ясностью зрения не было никаких противоречий. Его взгляд озаряла вера.

Равно как и взгляды его братьев и культистов. Хротис и прочие, кто присутствовал при ритуале, но не пожертвовал собой, в изумлении оборачивались к нему. Ему они представлялись существами, вычерченными черным и серым хрусталем. Их глаза блестели, словно обсидиан. Несущие Слово были не серыми. Этот цвет они отвергли давным-давно, и тени усиливали багрянец доспехов. Красной была и кровь на полу, все еще лившаяся из тел мучеников. Курту Седда окружал мир пронцаемого взглядом мрака, забрызганного и украшенного красным.

Это было великолепно.

Он повернулся к выходу. Тьма заструилась перед ним, заполняя коридоры. Шагая, он был окружен тенями, которые сам заклинал. Он не мог командовать ими, однако он открыл им путь. Управлял ими он не более, чем мог бы управлять потоком. Но действовал он.

Он погружал всю сеть аркологий в океан мрака.

Охота началась. До настоящего момента война представляла собой череду случайных стычек и обходов. Спуск порой казался бегством. Теперь же, на какое-то время, направление движения изменилось на противоположное. Несущие Слово направились вверх, продвигаясь в распространяющейся тьме.

Голодной тьме.

Ее требовалось накормить.

Первый источник пищи обнаружило отделение Курты Седда, за которым следовали культисты. Второстепенный туннель, отходивший от крупной артерии на некоторое расстояние, вел к анклаву гражданских. Свернуть сюда Курте Седду велел инстинкт. Он почувствовал нетерпение в течении тьмы и последовал за ним. Конец коридора перекрывала противозрывная дверь. Она была не такого класса, как те, что защищали подземный мир Калта от выжигающей поверхность смерти. Чтобы пробить ее, хватило двух мелта-бомб. За ней располагалась маленькая самодостаточная рабочая колония. Крупная центральная пещера служила местом для собраний, столовой и дормиториумом. Высокие стены испещряли ниши, где находились койки. Здесь были гражданские, и они были вооружены, встревожены шумом взрывов и напуганы тем, как померкли их светильники и явилась не знающая преград тьма.

Ультрадесантников здесь не было. Они оказались сильно рассеяны. Аркологии заполнили миллионы обитателей Калта. Немало их здесь было и до начала войны. XIII Легион не мог находиться повсюду. Не мог защитить всех.

Отсутствие врага разочаровало Курту Седда, но он был вознагражден количеством людей. Тысячами душ на корм тьме.

- Разоружить их, - распорядился он. - Но бой свести к минимуму.

Схватка была недолгой. Лазерные винтовки гражданских ничего не могли сделать легионерам. Несущие Слово двинулись в зал, не обращая внимания на встречные выстрелы. Они практически не пользовались болтерами, сделав всего несколько выстрелов, чтобы уложить стрелков, забравшихся в верхние альковы. Вход охранял Герак Хакс. Его было достаточно, чтобы не дать никому из смертных скрыться. Остальные Несущие Слово шагали по помещению, выхватывая оружие и ломая руки. Стычка кончилась за считанные минуты.

После нескольких начальных секунд большинство смертных прекратило свои попытки сражаться и попыталось спастись бегством. Тьма поймала их в ловушку. Они не видели, куда стреляют, и не видели, куда бежать. Курта Седд наблюдал, как в собравшейся толпе распространяется паника, настоящая слепая паника. Бьющиеся паразиты вопили и вцеплялись друг в друга. Тьма кормилась страхом. Она набирала силу даже без ритуала.

Но с ритуалом...

Несущие Слово разошлись к каждому из выходов. Совместно с культистами они согнали гражданских в середину зала. Бойня началась уже всерьез. Это были неторопливые акты жестокости, совершавшиеся исключительно клинками и голыми руками. Они были изобретательны. Еще живые тела скреплялись вместе цепями из мускулов. Курта Седд руководил песнопениями и указывал, как рисовать слова. Кровь лилась сверх всякой меры, и Несущие Слово расписывали стены и пол истиной. Резали плоть, превращая ее в проповедь. Слова богов обретали форму, облекая радость тьмы в крик. Из воздуха разошлась бурлящая чернота. Курта Седд почувствовал, как она рвется в стороны и вверх. Поток явился, и эффект обряда в этом зале ощутило на себе все подземелье.

Он несет свой гнев по туннелям. По этим проходам он спускался беспомощным - неподвижной массой, едва способной шептать проклятия. Но теперь, о, *теперь* он возвращается с громом, *теперь* наполняет эти пещеры своей силой, а перед ним разносится грохот его могучего голоса.

Пусть враги истины слышат. Пусть будут предупреждены. Пусть бегут. Он схватит их. Перебьет их всех.

Тьма повсюду, она мчится и увлекает его вперед. Черный ветер, воплощенный конец надежды. В черноте звучат голоса, шептывания и крики, которые он слышит даже сквозь собственное рычание. Голоса Слова.

Его поступь не остановить, его ярость не сдержать, наконец-то на свободе. Изголодался по треску костей, по свистящему шипению брызжащей крови, по предсмертному хрипу.

Шагающая боевая стена. Завывающий джаггернаут.

А потом, наконец, первая добыча. Отделение солдатиков в синей броне. Верующие в обман. Marionетки лжеца.

В их движениях нет уверенности. Тьма ослепляет их. Они палят на звуки его приближения. В него бьют заряды болтеров. Мало огня, мало взрывов, мало толку.

Просветить их. Штурмовая пушка полыхает смертоносным светом. Мощные удары сшибают мелкие тела наземь. Он ярится среди них, ревет, несет свой ад вселенной обмана. Протягивает силовой кулак. Хватает ближайшую тварь в синем. Давит. Крушит. Чувствует, как что-то сжимается. Тело подается под сминаемым керамитом. Кости в пыль. Органы в кашу.

А потом крик агонии. Крик истины.

С кулака стекает кровавая награда.

Видят ли они истину? Видят ли уже?

Нет. Пусть даже и считают, что видят.

Бык рванулся вперед.

Ярость тьмы явилась за Ультрадесантниками.

8

Голоса во тьме

Между рядами

Пусть Бык идет впереди

Стоило удалиться друг от друга, как вокс становился бесполезен. Они работали эстафетой: одна группа Несущих Слово связывалась с ближайшей к себе, та со следующей, и так далее, пока новости не доходили до Курты Седда. Система была далека от идеала и топорна. Сообщения он выслушивал с раздражающим запозданием. Мешанина избыточных, противоречивых и обрывочных передач делала эффективную координацию практически невозможной.

По крайней мере, за пределами командного узла Ультрадесантникам предстояло иметь дело с аналогичными проблемами. Кроме того, они были слепы. Поступали известия о контактах с врагом. Курте Седду рассказывали о мести. Он был рад. Получая сообщение о каждом успешном нападении, он

задавал один и тот же вопрос:

- Среди них был Эфон?

Нет. Не было. Судьба не давала помешать своей воле. И все-таки Курта Седд продолжал надеяться.

Он шел вверх, через наслоения туннелей и пещер. Направление движения доводило его до безумия – он все сильнее и сильнее удалялся от своей подлинной цели. Он смирился с необходимостью этого. Он поднимался вместе с приливом мрака. Петляя, он все приближался и приближался к битве, и многое бы отдал, лишь бы избежать ее.

Путь вел его кругами. Голодная тьма постоянно вела его к новым скоплениям гражданским. Он подчинялся теням и давал им пищу. Кормил их резней и вдохновенными зверствами. Его братья покоряли вершины жестокости.

Они обнаружили еще одно крупное убежище. Это был медицинский центр. Здешние пациенты получили свои раны не столько на войне, сколько под завалами. Там был всего один легионер Ультрадесанта. Курта Седд предположил, что тот не на посту, а точно так же случайно забрел в центр. Он был слеп. Когда Курта Седд пришел за ним, он в ярости открыл огонь, однако реагировал он не только на шаги капеллана по камню. Его атаквали нашептывания. Курта Седд тоже их слышал, но они были на его стороне. Бесплотные уста несли истину, пусть Ультрадесантник и назвал бы ее ложью. Голоса кричали на легионера, дразня его. За плечами же Курты Седда они хихикали. Когда крозиус Курты Седда погрузился в бедро раненого легионера, бормочущий хор зашелся хохотом. Доспех в том месте уже был пробит, и Курта Седд переломил ногу надвое. Крозиус снова опустил серией ударов, на сей раз по рукам врага. Ультрадесантник осыпал его проклятиями.

- Я дарю тебе просвещение, – нараспев произнес Курта Седд, обездвижив легионера. А затем он начал причинять боль по-настоящему.

Культисты и его отделение неистовствовали в смежных пещерах. Ни одна смерть не приходила в спешке. пытки служили стратегической цели. Худшие из ужасов выпали на долю наиболее уязвимых. Несущие Слово уничтожили медицинские столы. На их месте были сооружены алтари. Строительным материалом стали кости и изломанные тела.

Когда алтари были закончены, они еще дышали. Изо ртов выгнутых, искореженных, истерзанных тел изливались новые реки тьмы.

Мрак стал сильнее, и не только благодаря трудам Курты Седда. Тот чувствовал, что он кормится где-то еще. Сумятица и страх, вызванные его падением на гражданское население, служили для него топливом. Теперь он поддерживал себя сам. Можно было снова обратить внимание на военную сторону кампании.

Это *необходимо* было сделать.

Пользуясь несовершенной эстафетой, он разослал указания.

- Братья, – сказал он, – мы должны пользоваться возможностью. Уничтожьте командный узел. Убейте Эфона. Расчистите путь для нашей главной задачи.

Вслушиваясь в помехи, он слышал, как повторяются его слова.

Он вновь направился наверх, и крики последовали за его отделением в туннели. Он закалял себя для

противостояния, которого не хотел, однако не мог избежать.

Бык оставлял за собой кровавый след. Двигавшемуся позади дредноута Ток Дереноту мало что оставалось дочищать. Сор Гаракс уничтожал любой вражеский отряд, попадавшийся навстречу, и не двигался дальше, пока каждое живое существо в пределах досягаемости не превращалось в не поддающееся опознанию месиво. Иногда некоторым Ультрадесантникам удавалось проскользнуть Быку за спину. Они оказывались между отделением Несущих Слово и похожим на беснующуюся стену Сор Гараксом. Борьба была яростной, но недолгой.

Ток Деренот выдернул свой цепной клинок из груди Ультрадесантника. Сор Гаракс находился в десяти метрах впереди, и вот-вот должен был скрыться за поворотом туннеля. Стены были склизкими от крови. В воздухе пахло фицелином и обгорелой плотью. Мрак трепетал от восторга. Голоса смеялись.

Он уже выдвигался следом, когда до него добрались распоряжения Курты Седда.

- Учитывая нашу позицию, это выпадает нам, - сказал шедший рядом Хужун.

- Согласен.

Именно поэтому ему и хотелось следовать за Сор Гараксом. Дредноут неизбежно двигался бы по крупным проходам. Ток Деренот рассчитывал на путь, который вел обратно к месту его позора. Курта Седд даровал ему прощение. Но сам себя Ток Деренот не простил. Хотя он и верил в изыскания капеллана, но не отвергал важность тактических побед над Ультрадесантом. Он стремился возобновить их, и отделение добралось до уровня, где находился командный узел. Стремительная атака Сор Гаракса по главным коридорам вновь вывела их на дистанцию удара по оплоту Ультрадесантников.

В проходах виднелись следы разлива гиперохладителя. Море отступило, оставив за собой обнаженный растрескавшийся камень и еще больше ослабив некоторые пещеры. Карта аркологической сети изменилась. Ток Деренот искал способ обратить перемены на пользу Несущим Слово. Его поиски были обусловлены не только прагматизмом. Ему хотелось превратить причину победы Ультрадесантников в орудие их поражения. Сейчас он возглавлял отделение Улугар. Сержант Гулун Ваад погиб, он являлся старшим из легионеров, а отделение доукомплектовалось несколькими из прочих выживших, которых подобрала по пути Пятая рота.

- Нам нужно подобраться ближе, - произнес Хужун.

- Знаю, но не в лоб.

Пока что он ничего не нашел. Они еще не наткнулись на основную линию обороны противника, однако это было уже не за горами. В конечном итоге несущийся вперед Сор Гаракс врежется в нее. Несмотря на всю мощь Быка, Ток Дереноту не хотелось, чтобы тот ломился в опорный пункт. Это бы дало Ультрадесанту все возможные преимущества.

Они поспешили нагнать Быка. Свернув за угол вместе с остальным отделением. Они увидели, что Сор Гаракс приближается к большому перекрестку. Ток Деренот узнал его по барельефу на арке. Тот сильно пострадал от потопа, однако рисунок еще можно было разобрать. Сила Жиллимана, олицетворяемая лучами, поднималась в небеса и нисходила в подземелье.

Твоей силе преградили дорогу, - подумал Ток Деренот. Тьма убила свет Жиллимана.

Он ускорил шаг.

- Нам нужно пройти мимо Быка, - сказал он. - Если он свернет направо и двинется дальше, то пойдет по тому же подходу, что и мы раньше.

- Как ты предлагаешь его остановить? - поинтересовался Хужун.

- Я и не предлагаю. Придется попробовать его направить. Повести его тем путем, которым мы уходили.

Ультрадесантники выпустили их в небольшой туннель сбоку от командного узла, правее главного зала и бездонного рва. Коридор шел выше гиперохладителя. Несмотря на узость, он был достаточно широким для Сор Гаракса, но при этом слишком узким, чтобы Ультрадесантники смогли противостоять дредноуту в большом количестве.

- И как мы туда попадем? Не думаешь, что они перекрыли тот вход?

Малый туннель перешел в более крупный, который, судя по всему, огибал узел. Здесь враг мог отреагировать большими силами.

- Мы должны отыскать путь, - произнес Ток Деренот. Это не был ответ на вопрос. И это была истина.

Отделение Улугар догнало Сор Гаракса, когда тот добрался до перекрестка. Как и думал Ток Деренот, он свернул направо. Туннель впереди был пуст. Следующий перекресток, до которого оставалось несколько сотен метров извилистого пути, выводил в зал. Будет чудом, если до этого они не налетят на патруль Ультрадесанта. Ток Деренот побежал еще быстрее, увеличивая дистанцию между собой и Быком, выигрывая еще несколько секунд.

Этот туннель был поврежден еще сильнее. Все осветительные сферы пропали, и даже без прилива мрака здесь царил бы полная темнота. Дарованное Несущим Слово ясное зрение в черноте высвечивало проход перед Ток Деренотом. Он видел прогибающийся свод. Видел, что стены оползают к центральной оси туннеля. Повсюду завалы, каждые несколько метров возможное место для засады. Ток Деренот не сбавлял скорости. Осторожничать не было времени. Он отыщет альтернативный маршрут, или потерпит очередную неудачу. Мрак был только преимуществом. Он не сулил победы.

Вот оно. Справа. Контуры в переливающейся черноте: огромная расщелина в стене. Ток Деренот остановился и заглянул в нее. Она тянулась внутри скалы на много метров, а затем искривлялась и терялась из виду. Это тоже ничего не обещало. Ни что другой конец разлома выходит в периферийный туннель. Ни что другой выход вообще существует.

Абсолютно никаких обещаний. И все же великое обещание.

- Сюда, - велел он отделению и поспешил обратно к Сор Гараксу. На ходу он связался с Вор Реннагом. Руководимое сержантом отделение Гурфуз находилось к нему ближе всего, как раз в радиусе действия вокса.

- Я должен поговорить с капелланом, - произнес он. - Быстро. Сор Гаракса нужно заставить подождать.

Связь была неровной, но похоже, Вор Реннаг понял.

Ток Деренот остановился в нескольких шагах перед Быком. Отступая спиной вперед, он попытался

достучаться хоть до каких-нибудь остатков здравого смысла в разуме Сор Гаракса, пока не придет ответ.

- Аннунакэ, - произнес он. - Прошу тебя, остановись. Ты проявил терпение, когда капеллан воззвал к тебе. Ты должен поступить так еще раз.

Бык продолжал топтать, не меняя скорости.

- Небольшая задержка, Сор Гаракс, - сказал Ток Деренот. - Это не я прошу тебя. Курта Седд просит.

Ложь, которая, согласно его ожиданиям, должна была вот-вот обернуться правдой.

Дредноут шел вперед. Они были уже совсем рядом с расщелиной в стене.

На связь по воксу вновь вышел Вор Реннаг:

- *Никаких гарантий, брат*, - сказал он. А затем передал слова Курты Седда.

- Капеллан говорит от лица богов, - произнес Ток Деренот, повторяя сообщенные сержантом истины. - Ты подождешь и, подождав, утопишь Ультрадесантников в крови. Твой гнев приведет к победе.

Ток Деренот кричал, но рев Быка был громче. Он не знал, слышит ли его вообще Сор Гаракс, не говоря уж о том, поймет ли тот и подчинится.

Дредноут прогрохотал мимо разлома. Ток Деренот выругался. Но тут Сор Гаракс остановился. Развернул свою чудовищную машину. Сквозь изумрудные линзы на шлеме саркофага яростно глядело безумие. Он посмотрел мимо Ток Деренота в недра стены. Возможно, он понял. Вопли стихли, остался только ритмичное взрыкивание, заменявшее ему дыхание.

- Благодарю тебя, Аннунакэ. - сказал Ток Деренот.

Его снова вызвал Вор Реннаг:

- *Тебе удалось?*

- Думаю, да. На время.

- *Капеллан ждет от тебя доклада. Что ты нашел?*

Курта Седд отдал приказ о марш-броске к отделению Улугар. Пятая рота должна была со всей возможной быстротой стянуться на позицию Ток Деренота. Потребуется время, чтобы распоряжения достигли всех подразделений Несущих Слово под его руководством, и еще больше времени, чтобы они добрались до намеченной точки. Даже двигаясь в таком темпе, он придет одним из последних.

Внутри него в равных, борющихся друг с другом долях сочетались раздражение, надежда и облегчение.

Он был раздражен из-за того, сколько времени понадобится, чтобы поддержать Ток Деренота. Если слишком задержаться, Несущие Слово упустят эту возможность. Ток Деренот и его отделение не смогут долго удерживать Сор Гаракса.

- Отделение Улугар, - передал он по вокс-эстафете. - Как только первые наши отделения придут, начинайте атаку. Кто бы первым не добрался до Улугар, выманите Ультрадесант ударом в лоб.

Он надеялся на победу. Это был хороший шанс. Все складывалось в пользу Несущих Слово. Оплот Эфона падет.

Он испытывал облегчение, ведь его отделение находилось дальше всех от позиции Улугар. Он был уверен, что к моменту его прибытия бой уже пройдет критическую отметку. Эфон должен умереть, но убийство совершит не он.

Он чувствовал боль даже когда отдавал приказ:

- Всей Пятой роте - найдите капитана Ультрадесантников и убейте его. Обезглавьте командование.

Его кольнуло, будто от души оторвалась одна из старых цепей.

Этого было мало. Он побежал быстрее, отвергая бремя старой дружбы. Он боролся с узами, устремляясь навстречу своему долгу, который казался преступлением.

9

Слепота и прозрение

Упоение насилием

Подношение

Прибыл Вор Реннаг. Он повел свое отделение вперед, направляясь к основному входу в командный узел. Рычание Быка перерастало в раздраженный вой. Он еще ждал, но это не продлилось бы долго.

- Позволь мне отыскать путь, - сказал ему Ток Деренот. Не дожидаясь признаков, которые указали бы, понял ли Сор Гаракс или нет, он шагнул внутрь стены.

Извиваясь, разлом сужался в нескольких местах. Тем, кому не открыла глаза вера и не помогал поток божественной тьмы, показалось бы, что прохода нет. Ток Деренот протискивался через тесные участки. Он бросал взгляды на потолок. Высоты еще хватало для дредноута, и тот смог бы пробиться через мешающие камни. По большей части это был щебень, быстро минуемое препятствие.

Несколько раз огромная расщелина резко виляла влево-вправо. От нее отходили трещины меньшего размера, которые никуда не вели. В конце, как и надеялся Ток Деренот, она выходила в проход, который с трех сторон огибал командный узел. Напоследок разлом опять сужался, но недостаточно, чтобы предотвратить грядущее.

Ток Деренот услышал за спиной шум тяжелых шагов, дробящих камень, и скрежет металла о скалу. Сор Гаракс больше не ждал. Во мраке гулко разнесся его рев.

Ток Деренот выглянул из расщелины. Вход в проход, который он искал, располагался менее чем в десяти метрах слева. Там стоял караульный пост Ультрадесанта, а его позицию только что миновал патруль. Несущим Слово предстояло возникнуть между двух вражеских отрядов. Риск не выходил за рамки допустимого. Критический момент был прямо сейчас. Если Ультрадесантники засекут приближение Несущих Слово, то смогут заблокировать штурм, пока отделение Улугар еще находится внутри разлома.

Бык шел в атаку громко. Разлетались камни. Туннели заполнил рев. И тьма откликнулась на него эхом. Ультрадесантники двигались неуверенно. На них опустились волны слепящего мрака, душащего нашлемные прожекторы. В коридоре трещали голоса. Они рычали, они смеялись, они дразнили, они восклицали. Большая часть голосов рядилась в людей, словно накинувшие на себя плоть скелеты-ксеносы. Эти обманки были знакомы Ультрадесантикам. Ток Деренот увидел, как воины противника дернулись, среагировав на крики о помощи.

- Это был Никандр, - произнес один из них.

- Нет, - сказал другой. - Я видел, как он пал.

- Ты не видел его мертвым.

Патруль замер на месте. Болтеры крутанулись в одну сторону, затем в другую, выскивая цели в черноте.

Голоса подхватили рев Сор Гаракса. Они отозвались на него эхом и усилили вдвое. Звук превратился в гром лавины. Не было никакой возможности установить, откуда он исходит и издает ли его разумное существо, или же это грохот обваливающихся пещер.

Ультрадесантники утопали во мраке и давящем шуме. Сор Гаракс был всего в нескольких метрах позади Ток Деренота.

По воксу поступила передача от Вор Реннага: *«На позиции»*.

Сейчас, - подумал Ток Деренот.

- Сейчас, - сказал он своему отделению и Вор Реннагу. Он вырвался из разлома и устремился налево. Спустя мгновение стену разворотил Бык. Его злоба, сдерживавшаяся колоссальным, мучительным усилием, изверглась наружу. Ультрадесантники с обеих сторон открыли огонь в массив ярящейся тьмы. Запыхала штурмовая пушка, дульные вспышки которой высветили проблески багряной брони.

Отделение Улугар высыпало из туннеля следом за дредноутом. Братья Ток Деренота догнали его, когда он атаковал караульный пост. Ультрадесантники палили поверх их голов, целясь в колоссальную угрозу, заполнившую собой проход. Ток Деренот расхохотался. В прекрасном мраке он видел перед собой обреченных врагов, неспособных распознать ближайшую к ним опасность.

Он не стрелял, пока отделение не оказалось почти у самой укрепленной точки. А затем дал начало канонаде, которая замолотила по Ультрадесантикам практически в упор. После этого атака достигла цели, и Несущие Слово ударили из тьмы, словно таран. Цепной меч Ток Деренота рассек горжет и шею Ультрадесантника, пока первый из застреленных им воинов еще падал наземь. Внезапность была полной. Отделение Улугар порвало караульных на куски.

Еще раз налево, в туннель меньшего размера, к противозрывной двери, защищающей вражескую территорию. Бык наступал отделению на пятки. Он перебил патруль и нуждался в большем масштабе убийств.

Ток Деренот отступил в сторону, давая чудовищу дорогу. Сор Гаракс устремился вперед, сотрясая пол и стены. Он занес свой силовой кулак и принялся бить в защитную дверь. С каждым ударом, который та выдерживала, ярость дредноута все возрастала. Он ревел настолько громко, что Ток Деренот ощущал вибрацию сквозь броню.

Он ждал, когда преграда падет. До искупления оставались считанные мгновения.

Тактическое отделение Гурфуз мчалось через зону, где Несущие Слово потерпели поражение. После того, как гиперохладитель стек в бездну, Ультрадесантники оставили зал пустовать. Во время потопа большая часть несущих колонн рухнула, увлекая за собой потолок. От первоначальной площади помещения осталось менее четверти, хаотично забитой камнями. Обороняться здесь не было ни нужды, ни практического смысла. Осталась цела только одна из рамп. Через окна командного узла Ультрадесантники могли смести любого противника, рискнувшего пересечь открытое пространство.

Однако лишь в том случае, если бы увидели его.

Задача отделения Гурфуз стояла в том, чтобы отвлечь внимание, но когда Вор Реннаг увидел местность, он решил попробовать достичь большего результата.

- Не стрелять, пока не пойдем, что они нас услышали, - распорядился он.

Враг открыл огонь, когда он поднимался по рампе. Ультрадесантники были слепы, но они приспособивались. Несмотря на отсутствие точности, устроенная болтерами буря наносила ущерб. Вор Реннаг потерял двоих, а затем они уже оказались на внешней площадке командного узла.

- Взрывчатка! - крикнул Аратракс. Ультрадесантники заминировали рампу.

- Нейтрализуй! - заорал Вор Реннаг. Он поверх головы швырнул в окно осколочные гранаты, продолжив очередь из болтера. Из строя вышла ближайшая турель вместе со стрелком.

Он повел отделения по платформе в направлении входа. Несущие Слово полосовали внутреннее пространство снарядами, прикрывая Аратракса, чтобы тот уничтожил подрывные заряды. Если рампа упадет, их отрежут от подкреплений.

Через окна ему был виден зал управления. Ультрадесантники старались дать ответ, но они отставали на удар сердца, поскольку отслеживали звуки, лишившись зрения. Двое навели оружие на дверь, предчувствуя появление противника. Вор Реннаг низко присел и перекатился в дверной проем ниже линии огня. Приподнявшись на одно колено, он всадил очередь зарядов болтера в грудь ближайшему врагу.

В тесноте помещения скапливалась тьма. Она вцеплялась во врагов своими отростками, толстыми, словно сплетенные древесные сучья. Вспышки выстрелов и гранат не могли дать достаточно света. Для Вор Реннага мир был черно-серым, как будто его выписали тушью из самой Книги Лоргара. Он видел, как противники атакуют в слепой ярости. Глаза врага окутывала змеящаяся чернота, еще более непроницаемая, чем густой мрак в комнате.

Уход флота Несущих Слово стал ударом для сержанта. Ему было сложно поверить обещанию Курты Седда, что братья вернутся. Но в этот миг сомнения исчезли. Труд капеллана обращал волну вспять. Он увидел, как Ультрадесантников накрыло слепотой лжи, за которой они следовали, и возликовал.

Он упивался насилием.

Отделение Гурфуз всаживало заряды в одного врага за другим. Перед Ультрадесанниками не было четкой цели, и их ответные действия оказывались рассредоточены. Пока они падали наземь, Вор Реннаг перевел огонь на блоки панелей управления. Зазвучали сирены, но затем они отключились. По всему

помещению заискрило электричество. Вор Реннагу показалось, будто он чувствует, как на всей захваченной Ультрадесантом территории отключаются питание и связь.

В зале управления полыхнуло трепещущее серое пламя. Им завладела цепная реакция разрушения. Обнажившиеся кабели воспламеняли разорванные трубопроводы с охладителем и прометием. Вор Реннаг побежал сквозь огненную бурю к задней двери.

Резко ожил вокс. Прибыли другие отделения Несущих Слово. Он торжествующе вызвал их и поприветствовал, ударом ноги выбив пласталевую дверь из рамы.

Координированный огонь заставил его вернуться. Он метнулся назад и в сторону. Варнак Гаф оказался недостаточно быстрым, и его изрешетило снарядами. Пальба не останавливалась, прямо на месте разнося его доспех и тело на куски.

Пещеру снаружи удерживали большие силы Ультрадесанта, и они приспособились к темноте. Мрак имел там меньше власти, словно его разбавляло свободное пространство, или же отгоняла решимость врагов. За ними располагался еще один бункер. Вор Реннаг выругался. Командный узел был разбит на опорные точки. Падение одной не означало гибели всех.

Появились подкрепления. Несущие Слово ответили собственным массированным обстрелом. Они не могли прорваться. Пещера была крупной Ультрадесантники укрывались за колоннами пользовались свободой перемещения. У Несущих Слово был ограниченный сектор ведения огня, обусловленный необходимостью держаться вне досягаемости града выстрелов из болтеров.

- Нам нужно пройти, - бросил Аратракс.

- Подожди, - велел ему Вор Реннаг. - Мы привлекли внимание врага. В этом и состояла наша задача. Дай Улугар возможность выполнить свою.

Он умолк, и раздался грохот огромного кулака по стали.

А слева на Ультрадесантников вдруг обрушился обстрел. Отделение Держан отыскивало проход через систему вентиляции.

Два вектора атаки, и вот-вот должен был войти Бык.

Его кулак врывается в бронированную дверь. Масса и энергетическое поле объединены яростью. Его вой сулит истину и бойню.

Дверь прогибается. Ее ложь сокрушена.

Еще удар, и дверь разлетается. Металл взрывается, словно стекло.

Он врывается в зал за ней. Повсюду Ультрадесантники, по ним стреляют Несущие Слово слева от Сор Гаракса и с другого конца зала. Они отбиваются, используют для прикрытия колонны и перемещаются вперед, чтобы оттеснить Несущих Слово. Капитан Ультрадесанта ранен, прислонился к колонне.

Рев, ярость во тьме, штурмовая пушка прочесывает зал, разнося колонны и легионеров.

Его кулак тянется к первой жертве.

Во мраке проносится ракета. Сильно бьет. Подпитывает его злобу.

Темнота обогрета кровью. Огнем его правды.

Ток Деренот вошел следом за Быком, стреляя на ходу. Он видел, как искупление расцветает у него на глазах. С каждым мигмом, с каждым нажатием на спуск, с каждой вспышкой и взрывом он чувствовал, как бремя стыда спадает с его плеч. В начале Ультрадесантники имели численный перевес, однако на поле боя прибывали все новые подразделения Пятой роты. Пещера была большой, но ее сузили масштабы противостояния. Враги вели непрерывный огонь в упор. Колонны падали. Весь зал опоясывал настенный фриз, изображавший Улланорский Триумф. Он исчезал, дробимый зарядами болтеров и выжигаемый пламенем. Шальные выстрелы пробивали магистрали в потолке. Прометий лился на пол каскадами текучего огня. Ток Деренот продвигался через круговерть разрушения. Это было потрясающе. Ему захотелось вознести молитву. То же испытывали и его братья. Их пение присоединилось к хору голосов во тьме. Это служило контрапунктом реву Сор Гаракса. Ультрадесантники кричали и сражались, но их подавляли. Улланорский Триумф рушился перед триумфом Хаоса.

Сор Гаракс прорубился через Ультрадесантников возле противозрывной двери. Ток Деренот переключился на тех, кто находился на правом фланге от Быка. Отделение Улугар атаковало их прежде, чем они успели скоординированно ударить по дредноуту. Несущие Слово двинулись по диагонали направо. Ток Деренот вел их бегом, перескакивая через обвалившиеся колонны и уповая на то, что тьма даст им достаточное прикрытие. Заряды болтеров врезались в Ультрадесантников. Некоторые падали в ответ, остальные продолжали атаковать Сор Гаракса. Дредноут находился под обстрелом со всех сторон. Он даже не сознавал этого, однако он не был неуязвим.

Сор Гаракс был огромным и медленным. Ультрадесантники не могли промахнуться по нему даже в темноте. Отделение Улугар было быстрым. Распевая хвалу богам, слагая языком созвучия из бездны, Ток Деренот бросился на врага. Большая часть выпущенных в него снарядов прошла мимо цели. Не все. Он зарычал, когда попавший заряд пробил наплечник и разорвался о правое плечо. Не опуская болтера, он обратил свою боль в гнев.

Он врезался в позицию Ультрадесанта и обрушил цепной меч на подстрелившего его легионера. Лоялист поставил блок своим цепным мечом. Оружие завизжало. Механические зубья скрежетали друг о друга. Шли секунды патовой ситуации. Синий и багряный шлемы глядели друг на друга, оставаясь одинаково бесстрастными, однако взаимная ненависть была столь же очевидна, как если бы воины могли видеть лицо оппонента. Ток Деренот навалился на свой меч, а затем неожиданно сделал шаг назад. Ультрадесантник взмахнул цепным клинком, целясь в шею Ток Деренота. Несущий Слово сделал еще один шаг и начал молотить по противнику зарядами из болтера. Ультрадесантник двинулся навстречу выстрелам. Он уже падал, но еще раз махнул мечом. Его движения были заторможенными. Ток Деренот отшиб клинок в сторону и всадил меч снизу в горжет воина. Зубья раскроили подбородок Ультрадесантника надвое. Ток Деренот тащил оружие вверх, пока череп лоялиста не расколосся напополам.

Пока отделение Улугар убивало остальных противников на этой позиции, в воксе загремел голос Курты Седда.

- Я с вами, братья, - воскликнул капеллан. - Истина с нами!

Тьма вновь нахлынула, набирая силу. Ультрадесантники начали отходить. Защитные двери на дальнем конце зала поднялись вверх на храповых механизмах. За ними Ток Деренот увидел еще более крупное помещение, заполненное сжавшимися смертными. Желание учинить побоище было колоссальным, и он направился к выходу так, словно между ним и обгоревшими подношениями не было ни одного врага.

Зрелище было недолгим. Ультрадесантники отступили, оставив на полу пещеры десятки своих мертвых братьев. Они еще не успели полностью пройти через дверь, как та начала вновь закрываться.

- *Убить их всех!* – скомандовал Курта Седд.

Штурмовые пушки Сор Гаракса не умолкали. Они разносили на части все новых противников. Ток Деренот глянул назад, и увидел, как капеллан крушит своим крозиусом череп сержанта лоялистов. Ток Деренот устремился за отступающими врагами, преследуя их выстрелами, собственной яростью и восторгом от окончания позора.

Двери опустились. Они не выдержат, но выиграют лоялистам немного времени.

Раздавшийся в воксе рев злобы Курты Седда не уступал громкостью Быку.

Они проломились через дверь. Силовой кулак Сор Гаракса и мелта-бомба быстро управились с преградой. Однако этой быстроты не хватило. Несущие Слово обнаружили в громадной пещере с той стороны отставших гражданских. Еще больше их оказалось в коридорах. Но затем эти коридоры обрушились. Ультрадесантники подорвали достаточное количество зарядов, чтобы навеки запечатать путь, которым отступили.

Курта Седд стоял перед дымящимися остатками фриза с Улланором. Было слышно, как вдалеке Сор Гаракс молотит по завалам. Дредноут пытался проломиться сквозь скалу. Это было тщетно. Ультрадесантники сохранили как десятки тысяч гражданских, так и целостность своей боевой группировки.

И Эфон выжил.

Курта Седд ударил по фризу. Изображение Императора, и без того лишившееся головы из-за отверстия от снаряда, разлетелось на осколки под его кулаком.

Глупо с его стороны было полагать, будто можно возложить свой долг на Быка. Эфон должен умереть от его руки. Ни один иной вариант не допустим. Он должен разорвать все узы, должен пойти наперекор правосудию, в которое больше не верил, но которого до сих пор ожидал.

А потом?

Он не знал.

Получит ли он, наконец, находящийся внизу ключ?

Путь вниз прегражден. Победа над Ультрадесанниками – немногим более чем полумера. Его направляли, но каждый ход оказывался тупиковым.

Он отошел от фриза и вошел в огромную пещеру. Ее изначальное назначение оставалось неясным. Судя по увиденному, он предположил в ней загон для гражданских, хотя и знал, что Ультрадесантники и не

стали бы рассматривать помещение в таких категориях. Сейчас тут было громадное нагромождение запасов. Вдоль стен располагались высокие и глубокие штабеля ящиков. Нагнавшие Пятую роту культисты потрошили контейнеры, собирая пищу, боеприпасы и взрывчатку.

Большой военной значимости это не имело, однако тут имелось и нечто существеннее. Это было хранилище тех следов культуры Калта, которые его обитатели смогли спасти при бегстве с поверхности. Принадлежавшие гражданским контейнеры были завалены горами свитков и произведений искусства. Здесь присутствовали шедевры скульптуры и живописи, а также искусно сработанные предметы, имевшие чисто личную значимость. Курта Седд вперил взгляд в этот второй архив. Какие планы были у людей на эти сокровища? Они считали, будто когда-то увидят их снова? Тысячам предметов, беспорядочно утрамбованных вместе, суждено было быть брошенными ради более нужного оружия.

Возможно, смертные знали об этом. Возможно, им было достаточно знать, что эти вещи спасены. С каждой из них было связано конкретное воспоминание. Собираясь второпях, эти воспоминания отбирали в горячке отчаяния, чтобы они пережили конец света. Так и вышло, но ненадолго. Курта Седд предал огню официальную память о Ланшире. Теперь он поступит так же с остатками его духа.

Физическое, интеллектуальное, духовное – все стороны цивилизации Калта сгорят.

– Это место принадлежит богам, – выкрикнул Курта Седд. – Отметьте его! Сделайте нашим! А потом отправьте в бездну!

Он надрывался от злости. Эфон ушел. Бремя с души было невозможно снять. Оно цеплялось за него цепями и когтями. Назначенная ему задача так и продолжала ждать, а сбрасывание бремени само по себе оказалось бременем. Он был в ярости от терзавших его парадоксов и противоречий. В ярости от препятствий на пути.

Осквернение и разрушение, которые он распорядился учинить, имели смысл. Однако их было мало.

Несущие Слово и культисты разошлись по пещерам и туннелям, отбитым у Ультрадесанта. Они собрали артефакты Ланшира и тех гражданских, кто не спасся бегством, и вновь соорудили алтари. Скульптуры и кости, холст и плоть, память и кровь – все пошло в ход, дабы вознести почести боли и безумию. Курта Седд переходил с места на место, наблюдая, как на стены наносят кровавые руны, а из середины алтарей, сделанных из позвончиков и книг, тянутся конвульсивно дергающиеся руки. Увечья наносились как декоративные росчерки. Работа делалась быстро, но умело. Алтари исторгали вопли. Голоса во тьме отзывались свистящим смехом.

Курта Седд щерился в ответ на крики. Он прохаживался, ожидая отделения, которые направил завершить работу на нижних уровнях. В ящиках хранилось немалое количество взрывчатки. Часть была армейской, часть – промышленной, используемой для сооружения новых туннелей и расширения пещер.

– Используйте все, – велел Курта Седд.

У него под ногами шла работа. Соты аркологии минировались.

Тьма поднялась, – подумал он. Теперь этот мир должен погрузиться во тьму.

Погрузиться. Все должны погрузиться. Он тоже. Необходимо было продолжать путь.

Однако веления судьбы становились запутанными.

Его раздумья нарушил вокс.

- *Заряды готовы, капеллан*, - сказал Ток Деренот.

- Хорошо. Отходите в безопасное место. Ждите моего сигнала.

Он напоследок обошел захваченную территорию и отдал приказ об эвакуации из всех пещер и туннелей. Каждую зону он покидал последним, озирая славный труд. Для Ультрадесантников здесь ничего не осталось. В свои последние мгновения эти помещения стали царством Хаоса. Тьма пульсировала и бормотала. Стены корчились. Вопли алтарей стали громче. Смертные умирали, но не могли умереть. Их страдания продолжались. Тьма поддерживала в них жизнь и продлевала свою трапезу.

Курта Седд прошел через дымящиеся руины командного узла. На середине рампы он остановился и поглядел в бездну. Тяга была так сильна, что он боролся с желанием прыгнуть.

Я стремлюсь исполнить твою волю, - подумал он. - *Почему же ты срываешь мои попытки? Что я должен сделать, чтобы показать себя достойным?*

Он пересек разлом, вошел в развалины обвалившегося зала и вновь остановился, пока фасад узла еще не исчез за рухнувшими камнями. Он посмотрел на путь, которым пришел. Остальная рота уже отступила дальше. Ему это было не нужно. Он знал, что его путь не окончится здесь.

- Давай, - произнес он.

Пол содрогнулся. Взрывы были слышны как длинная череда приглушенных ударов - низкий, отзывающийся в груди гром «Крум-кр-крум-кр-кр-крумкрумкрум». Тряска усиливалась. По поверхности стен командного узла пошли трещины. А затем все обрушилось. Курта Седд видел это величественное движение, колоссальное проседание вниз, когда туннели и залы разом осыпались, проваливаясь на нижние уровни и увлекая те еще глубже. Потолок над принесенными в жертву пещерами остался цел, а у его ног возникла громадная яма. Расселина превратилась в каньон. Руины и святотатства падали во мрак, и казалось, будто сами камни кричат от боли.

Тени приняли подношение. Они поглотили пыль. Когда грохот разрушения, наконец, смолк, Курта Седд глядел на зияющую пустоту. За пределами досягаемости зрения он чувствовал движение. За границами слуха раздавалось еще более тихое бормотание - голоса сил, куда более могущественных, чем терзавшие врагов глумливые твари.

Великое погружение. Великий дар.

- Довольно ли этого? - воззвал Курта Седд. - Хватит? Достоин ли я теперь? Укажете ли вы мне путь?

Ответа не было.

10

Варианты

Варп-склянка

Две правды

В коридорах за огромным провалом туда-сюда метался беснующийся Бык, а рота ждала. Когда пришел Курта Седд, никто не произнес ни слова. Но он чувствовал вопросы.

- Великая победа, братья, - сказал он. - Просвещение пустило лоялистам кровь.

Он демонстрировал благодушие, которого не ощущал. Уверенность внутри него боролась с неуверенностью. Однако он должен быть лидером и должен знать, как вести за собой.

- Что теперь, капеллан? - спросил Каэлок.

- Конечно же, мы будем преследовать врагов? - произнес Ток Деренот.

- Будем? - в голосе Вор Реннага отчетливо слышался сектицизм. - Мы потеряли темп. Они были готовы к такому итогу и укрепят следующие линии обороны. Мы...

Его прервал рокочущий треск. Туннель содрогнулся. С потолка посыпалась пыль. По нему разошлась паутина трещин. Курта Седд задался вопросом, последствие ли это колоссального обвала. Но камень продолжал стелать, звук становился ниже и распространялся, словно это стонала вся планета. Это было вызвано чем-то более мощным, чем любое количество подрывных зарядов.

Спустя минуту громкость грохота понизилась, а тряска поутихла. Однако полностью все не прекратилось. В туннеле продолжали появляться все новые трещины.

Вор Реннаг продолжил свою речь.

- С точки зрения стратегии, - сказал он, - мы ничего не выиграли.

Он бросил взгляд на стены и потолок, как бы говоря, что предпочитает не распространяться дальше.

- Хочешь сказать, что Ультрадесантники выиграли? - с нажимом спросил Каэлок. Он был очень близок к нарушению субординации, выходя за пределы свободы мнений, разрешенной Куртой Седдом. - Мы нанесли им сильный удар. Вырезали их. Захватили большую часть того, что они раньше заняли.

- Это все еще их мир, - тихо произнес Вор Реннаг.

- Их ли? - поинтересовался Курта Седд. Он сделал жест рукой, и мрак, как будто взвихрился вокруг его перчатки. За поворотом туннеля что-то зашептало сильные и губительные для понимания слова. - Брат-сержант, я не думаю, что это еще их мир. В этих туннелях больше тьмы, чем света, не так ли?

Прежде чем Вор Реннаг успел ответить, по скале опять пошел низкий гул. Незримая волна потревожила подземное царство.

- Не знаю, значит ли это, что этот мир наш, капеллан, - сказал Вор Реннаг.

- Но мы пойдем следом, так ведь? - упорствовал Ток Деренот.

- Наш долг истреблять лоялистов, - произнес Курта Седд. - Вопрос в том, каким путем нам суждено достичь этого результата. Нас звали в глубины, и оттуда мы принесли тьму богов. Нас все еще призывают вниз, братья. Мы не окончили спуск, - он сделал паузу. - Отдохните и помолитесь. Позвольте мне поступить так же. Наш выбор прояснится.

И опять он говорил с большей уверенностью, чем имел на самом деле. Устроенное Пятой ротой разрушение позволило ему скрыть свое разочарование. Теперь, чтобы отыскать путь дальше,

требовалось некоторое время. Время на то, чтобы подавить сомнения.

Он оставил братьев. Пригнувшись в проеме, он вошел туда, где раньше располагался входной вестибюль командного узла. Потолок трескался и прогибался, но еще держался. Курта Седд подошел к яме. Он будет искать ответы в бездне.

Позади слышались шаги. Он ждал, не оборачиваясь. Он и так знал, кто это.

- В чем дело, сержант? - произнес он.

- Что-то дестабилизирует сеть.

- Похоже на то.

- Если сотрясения будут достаточно сильными, мы можем потерять все.

- Такая возможность есть. Не думаю, что это случится.

- Вы уверены?

- Да, - сказал он и понял, что одновременно говорит и правду, и ложь. Нельзя было обещать, что остальная рота уцелеет. Но он оставался убежден в собственном выживании.

- Не думаю, что вы можете быть уверены, - проговорил Вор Реннаг. - Я в это не верю.

- Ясно. Так что? Ради чего ты здесь?

Вор Реннаг вздохнул.

- От нашего флота до сих пор никаких вестей.

- И? Даже будь они на орбите, мы их не услышим. Вокс еле работает.

- Капеллан, я знаю, что у вас есть иные средства.

Курта Седд посмотрел на Вор Реннага. Он промолчал. Ожидая, пока собеседник заговорит вновь, он задумался, не придется ли убить сержанта. К своему удивлению, он рассматривал эту мысль всерьез. Вопрос был настоящим. И разве это не тот урок, что он усваивает? Что бремя верности мешает исполнить долг и реализовать свою судьбу?

- В архиве, - сказал Вор Реннаг, - вы говорили нам, что флот ушел на время. Говорили, что братья вернуться за нами. Я решил поверить вам.

Курта Седд подался навстречу сержанту.

- Я дал тебе повод усомниться во мне? - слова давались нелегко из-за поднимавшегося в груди яростного рыка. - После этой победы? После того, как тьма ответила на мой зов?

- Я не сомневаюсь в богах. Моя вера нерушима. Капеллан, я не уверен на ваш счет, потому что вижу вашу собственную неуверенность.

У Курты Седда поплыло в глазах от бешенства. Пальцы буквально зудели от желания схватиться за крозиус и размазать голову Вор Реннага в кашу. Он сдержался. Быть может, он и убьет Вор Реннага. Но не сейчас. Сержант будет полезен. Не может быть, что он единственный в роте, у кого подобные

сомнения. Вопросы, которые задавал Ток Деренот, указывали, что тот тоже, возможно, колеблется. Если Курта Седд обеспечит доверие Вор Реннага, то убьет всякую возможность раскола внутри роты.

Вместо того чтобы нанести удар, он проглотил свою злость с таким усилием, что горлу стало больно.

- Моего внимания требует выбор верного пути, - произнес он.

- Как и наша эвакуация.

Курта Седд шипяще выдохнул.

- Я выясню, что смогу.

Вор Реннаг кивнул.

- Благодарю вас, - сказал он.

Курта Седд что-то проворчал и зашагал прочь.

- Охранять вход в этот зал, - бросил он через плечо. - Если кто-нибудь потревожит меня в следующие несколько минут, то умрет.

Хрустя сапогами по разбитым камням, Вор Реннаг направился обратно ко входу. Курта Седд приблизился к краю громадного провала. Он подождал, пока не удостоверился, что сержант ушел. Затем опустился на колени и вывел в пыли на полу октаграмму.

Неуверенность. *Неуверенность!* Как смеют его последователи произносить подобное вслух?

Они не лишат его предначертанной судьбы.

- Не будет этого, - прорычал он. - Все, за что я боролся, не может кончиться смутой и грязью.

Пока он трудился, пещеру потряхивало. Пыль сыпалась непрерывным дождем. Он слышал, как она просыпается сквозь камни и расползается по ним - словно бесконечный вздох. В вибрации пола были пики и спады, однако она не прекращалась. Множились более глубокие и тяжкие стенания камня, который боролся сам с собой. Курте Седду казалось, что они доносится с огромного расстояния, как будто вся сеть аркологии плачет.

Вор Реннаг был прав. Нестабильность могла приобрести катастрофический характер. Веру Курты Седда изнутри снедало сомнение. Как мог он верить в неотвратимость своей судьбы, если кажется, что все вот-вот кончится.

Он извлек свою варп-склянку, поместил ее в центре октаграммы и вынул пробку. Внутри сосуда из стекла и проволоки ждало нечто серое - бездеятельное, но полное голодной силы.

Курта Седд колебался. До настоящего момента он противился этой мере. Ему не хотелось выказывать слабость. Кроме того, как признался он самому себе, он не желал узнать правду, которую деятельно подавлял. Однако теперь у него была победа. Он мог продемонстрировать, чего стоит как командир. А еще он нуждался в указаниях. Развилка на пути предполагала два равно неочевидных варианта, столь же раздражающих, сколь и многообещающих.

И уже сотрясались сами пещеры. Поворотная точка уже была достигнута.

Он стянул левую перчатку и снял с пояса кинжал. У того был темный змеящийся клинок. Казалось,

будто выгравированные руны движутся. Он вытянул руку и глубоко полоснул по запястью. Кровь полилась в октаграмму и внутрь варп-склянки. Жизненная влага потекла по канавкам в пыли. Октаграмма заблестела красным. Варп-склянка наполнилась, и тварь в ее недрах задержалась. Она свивала и развивала кольца, кормясь кровью и обретая бытие, которое ранило реальность.

Курта Седд отложил кинжал и снова надел перчатку. Он опустился на колени перед октаграммой и склянкой. Воздух перед ним затрепетал. Забурлил. Реальность истончалась, существо в склянке пожирало ее скрепы. Имматериум протянул вокруг свои ищущие отростки. Курта Седд запел, и воздух начал корчиться, страдая от слов. Время и расстояние таяли в воронке, дававшей темные возможности.

Вокруг октаграммы собирался шепчущий мрак. Он эхом отзывался на пение. Курта Седд вновь ощутил, насколько тонка пелена в подземном мире Калта. Он чувствовал, что мог бы проделать в ней разрыв шире. Мог бы обратить ритуал связи в цепную реакцию. Он устоял перед искушением. Ему было бы не совладать с выпущенными на волю силами. Он обладал достаточным опытом, чтобы понимать пределы своих умений.

Он сосредоточился на своей задаче. Сосредоточился на имени. В воздухе складывались фигуры, ожидавшие своей формы и названия.

- Кор Фаэрон, - продекламировал он, - ответь на мой зов. Кор Фаэрон, услышь мой голос. Говори со мной. Я нуждаюсь в твоём наставлении, Магистр Веры.

Воздух замерцал. Фигуры завертелись. Багряные и серые клубы сливались воедино, затем расходились, образуя призрачные тени других легионеров XVII-го, стоявшие в вершинах октаграммы. Их мертвые глаза слабо светились во мраке.

Но Первый капитан Несущих Слово не появлялся.

- Кор Фаэрон, - еще раз воззвал Курта Седд.

Он повторял имя со все возрастающим нетерпением. Воздух сотрясали все более мощные конвульсии. Однако ответа не было.

- Заклинаю тебя. Направь мой путь. Неужто не отзовешься мне? - взмолился он. - Кор Фаэрон! Ты послал нас сюда! Бросишь ли ты нас в нашей...

Ему ответили.

Реальность разорвалась, расколов склянку и разойдясь до самого потолка. Голоса мрака возопили в унисон, разом издав потрясенное «аххх». Истерзанное пространство в один миг обрело форму. Оно взорвалось золотым сиянием. Не фальшивым золотом Императора - это было золото истины в последней инстанции. Золото застывших гробниц. Золото лика, взиравшего на Курту Седда.

В глазах, глубоко сидящих под густыми бровями, пылала темная мудрость. Обнаженный скальп и все лицо покрывали начертания веры и истины. Сюда явился величайший из носителей слова.

Курта Седд судорожно вздохнул. Его качнуло назад. *Аврелиан.*

Он едва был в силах сложить слова. Он позорил себя.

- Мой владыка Лоргар.

+Кор Фаэрона нет, дитя мое,+ произнес Лорггар. Голос примарха был насыщенным, безмятежным, звучным. Так звучала сама истина. **+Он не ответит. Флот ушел. Бежал в пустоту. Подкреплений не будет.+**

И все же...

+Император смотрит на вас.+

Но это не так.

Мучительные мысли исчезли, когда слова Лорггара усвоились, и Курта Седд осмелился поднять глаза на примарха.

- Лорда Аврелиан, я знаю, что флот был вынужден покинуть систему, но...

+Он не вернется.+ сказал Лорггар.

В груди Курты Седда разверзлась пустота. В ее бездонных глубинах шевелилось нечто такое, чему он не смел дать названия. Он поник головой.

- Тогда нас тоже предали. Легион бросает кампанию на Калте.

+Вы все еще сражаетесь?+ В голосе примарха не слышалось злости. Его спокойствие давило, словно мрамор.

- Да, мой повелитель.

+Тогда кампания не брошена. Твои силы и есть эта кампания, пока я несу войну остальному Ультрамару.+

Пещера сотряслась с такой силой, что от потолка отвалились большие фрагменты. Наверху незримо продолжала бушевать звезда Веридии.

- Поверхность Калта несет смерть, - произнес Курта Седд. Внутри него поднимались разочарование и гнев. - Подземный мир нестабилен. Как нам повергнуть лоялистов без подкреплений, мой лорд-примарх? Как, по-вашему, одержать победу на Калте?

+Без подкреплений?+ Губы Лорггара дернулись в намеке на улыбку. **+А что же тогда тьма, которую ты призываешь, капеллан?+**

- Но если туннели обвалятся...

+Ах да. Разрушение. Развал. Хаос. Неужто ты настолько зашорен, Курта Седд?

- Хаос.

+Ты и вправду веришь, будто это совпадение: что нестабильность следует за твоими действиями? Взгляни на тьму. Посмотри, как она гложет скрепы материума. Ты призвал само разрушение, сын мой. Используй его как следует. Ты не брошен. Ты избран.+

- Избран... - повторил Курта Седд.

Лорггар с улыбкой наклонил голову.

+Тебе не нужно руководство, капеллан. Лишь вера.+

- Мой повелитель...

+Хаос повсюду вокруг тебя, Курта Седд. Обуздай его.+

Золото схлопнулось, с визгом нанося мирозданию еще одну рану, и Лоргар исчез. Воронка не-реальности рассеялась. В воздухе перед ослепленными глазами Курты Седда кружилась пыль. Над его кровью поднимался дымок.

Он повалился вперед. Стоя на четвереньках, он судорожно хватал воздух. Каждый вдох срывался, уходя в пустоту внутри груди. В мыслях царил беспорядок, разрозненные фрагменты которого сотрясались при каждом содрогании земли. Его приводило в восторг знание, что дрожь - результат его действий. Она доказывала его силу.

Я это сделал.

Кроме того, его приводило в отчаяние понимание, что гибель неизбежна. Надвигалась катастрофа, и даже если Пятая рота переживет ее - что потом? У Несущих Слово не было средств, чтобы взять верх в войне на истощение.

Две эти реальности сталкивались у него в душе, но он не мог осмыслить их связным образом. Вместо этого они приняли форму сопутствующих им эмоций. В нем бушевали восторг и отчаяние.

Он дышал мраком и пылью.

Сложился рефрен. Он состоял из двух повторяющихся слов. Это были противоречащие друг другу состояния. В них содержались противоположные судьбы. И все же оба они были истинны.

Избран.

Брошен.

Избран.

Брошен.

Он был польщен. Ему оказали честь. Перед ним явился Лоргар. Примарх поручил ему вести эту Подземную Войну. Как мог он назвать себя брошенным, обретя такую славу?

Он был разъярен. Его предали. Не будет никакой эвакуации, никаких подкреплений. Легион избавился от него.

Избран.

Брошен.

Избран.

Брошен.

Повтор за повтором, рефрен превращался в огненную бурю в его сознании и душе. Решения быть не могло. Две правды уничтожат друг друга, а вместе с ними сгорит и он. Лоргар раскрыл обе правды. Их нельзя было подделать. Их нельзя было примирить.

Разве что...

Он перевел дух.

«Император смотрит на вас».

Но это не так. Лоргар говорит неправду.

Это откровение посетило его на Хуре, но тогда он отверг его. Даже сейчас какая-то часть его сопротивлялась. Часть его все еще ждала правосудия Императора. Вырежет ли он когда-либо эту раковую опухоль из своей души? Неужто так никогда и не сбросит это бремя вины, последнее нагноившееся звено былой преданности? Он должен, ибо ложь стала явной. Не будет никакого правосудия.

Лоргар говорит неправду.

Курта Седд застонал от боли, и вместе с ним застонали стены пещеры. Он силился не допустить откровение к себе, но то было слишком сильным. Он пробивалось сквозь его защиту. И когда ему удалось, с ним пришло и решение. Две правды примирились. Его бросили и его избрали.

Его бросил Легион.

Его избрали боги.

Это примирение не принесло покоя. Его дыхание стало легче, но лишь настолько, чтобы внутри тела собралась ярость. Мысли стали отчетливее. Как и сомнения. Как и боль. Он набрал воздуха в легкие и взревел. Его гнев бросился на стены зала. Он поднял кулак и принялся раз за разом опускать его на разбитые остатки варп-склянки. Стекло превращалось в порошок. Проволока сгибалась. Корчащаяся тварь внутри была мертва. По линиям октаграммы растекалась кровь. Руна сохраняла свою форму. Удары не оставляли следов на рисунке в пыли, словно тот был высечен в скале. Она засияла багряным огнем, даруя ему ответ.

Курта Седд поднялся на ноги. Выпрямился с гордостью и злостью.

Он умрет на Калте.

Но не сейчас.

Его бросили. Но он силен.

Небытию не взять его легко. Он окончит свои дни, исполняя великую задачу. Он завершит свой труд, даже если это означает спуск к самому расплавленному ядру планеты.

Он отступил от края бездны. Октаграмма продолжала сиять, но все следы варп-склянки исчезли под падающей пылью. Те, кто бросил его, освободили его от уз верности. Это бремя спало с его плеч. Он вздохнул с новообретенной свободой. Остальные оковы оставались на месте. Они не отпустят его без борьбы. Они цеплялись за него посредством мыслей. Чтобы разбить их, ему придется совершить ужасное.

Он направился обратно к туннелю, где его ждала Пятая рота. Его душа обливалась кровью. Боль, гордость, злоба, сомнение, честь, решимость – все это терзало его. Казалось, будто избавление от одного бремени увеличило вес других.

Земля дрожала у него под ногами. *Это сделал я*, – подумал он. *Я сотряс этот мир*.

Пришло время совершить куда худшее.

11

Предвидение

Трубопровод

Мои груди

Тряска не прекращалась. Пики интенсивности становились все чаще и мощнее. Ослабленные проходы рушились. Повсюду расходились трещины. На стенах, полу и потолках появлялись все более частые и глубокие разломы. Сеть пещер менялась. Обвалы перекрывали прежние маршруты. В подземелье открывались новые проходы. Путь через аркологии стал даже менее предсказуемым, чем был раньше. Лабиринт преображался.

После того, как поднялась тьма, дорога для Курты Седда была очевиднее. Спускаться или преследовать? Ответ заключался не в выборе.

Лоргар сказал ему обуздать Хаос. Да, так он и сделает. Он сотворит вихрь, и из того родится путь вперед.

Он двигался вместе с Пятой ротой по маршруту в обход громадной ямы.

- Братья, – произнес он, – мы оттеснили лоялистов. Теперь мы их похороним.

К нему подошел Вор Реннаг.

- Нам мало что известно об их обороне, – тихо сказал сержант.

- Я знаю, где она.

Вор Реннаг помедлил с ответом.

- Как такое возможно?

- Мне явили это.

Пока культисты пели, он слился с тьмой. Его восприятие вышло за пределы материального мира. Он мог безупречно изобразить весь этот район аркологии. Он знал, где находится зал с трубопроводом. Знал, что Ультрадесантники там. Тьма прикоснулась к ним, а вместе с ней и его дух. Он не мог сказать, сколько их. Но мрак оплел их кольцами и говорил с ним.

- Я бы чувствовал себя спокойнее... – начал было сержант.

- Будь твоя вера крепче, – огрызнулся Курта Седд. – Мне открылось местонахождение врагов. Не сомневайся в этом.

Вокруг его плеч заскользили нити тьмы. Они вздыбились и зашипели на Вор

Реннага.

Сержант отступил на шаг.

- Я не сомневаюсь в истине, капеллан, - произнес он.

Глаза Курты Седда сузились в ответ на эту словесную увертку. Он оставил ее без последствий. Уже довольно скоро Вор Реннаг будет просвещен. Он узрит истину.

- А их силы? - спросил Вор Реннаг, не унявшись. - Они вам известны?

Произошел мощный толчок. Потолок раскололся. Проходящие в скале магистрали лопнули. Заискрилось электричество. Вспыхнул прометий. На Несущих Слово полился дождь огня.

Курта Седд рассмеялся. Он протянул руку, ловя капли пламени.

- А какова сила нашей атаки, брат-сержант? - поинтересовался он и переключил вокс на ротный канал. - Имейте веру, братья, и мы уничтожим лоялистов в их же собственных стенах.

В ответ зазвучали признания в преданности. Кружащие вокруг роты культисты запели. Они устремились вперед, добровольно принося себя в жертву, если за следующим поворотом окажется враг. Они сгрудились вокруг тяжеловесных ног Быка, и их молитвы, казалось, дали безумному воину если и не облегчение, то некоторую сосредоточенность. Он зашагал навстречу новой обещанной резне.

К пению присоединились и многие из Несущих Слово. Одним из наиболее пылких был Каэлок. Курта Седд слышал, как его голос поднимается над остальными, экстатически восхваляя богов Хаоса. Вера легионера была чиста и свирепа. Он следовал за капелланом, не задавая вопросов. В абсолютной преданности наставнику он не уступал культистам и он был не одинок.

Насколько Курта Седд завидовал Каэлоку, настолько же он ненавидел Вор Реннага. Он не разделял сомнений сержанта, однако когда Вор Реннаг озвучил их, собственная неуверенность Курты Седда уязвила его еще сильнее. Он полностью верил богам. Полностью же верил он и полученным откровениям. Сомневался он в том, достоин ли сам. Теперь он понимал, что силится выглядеть достойным своих полномочий в собственных глазах. Преуспеть в этом ему еще только предстояло. До тех пор его вера не станет чистой. Он не сможет стать тем посредником, которого требуют боги, если так и будет ждать правосудия за свои преступления. Не сможет вести войну, которая от него нужна, если не верит в свои способности.

Тьма и голоса звали его вперед. Искушали потянуться в имматериум. Своей очереди получить свободу ждало еще гораздо большее. Все, что от него требовалось - идти по лежащему перед ним пути.

Ухватись за пелену. Почувствуй, насколько она тонка. Разорви ее. Открой проход.

Ему было известно об опасностях варпа. Лишь глупец верит, будто поклонение делает тебя неприкосновенным. Он не был глупцом.

Туннель снова встряхнуло с достаточной силой, чтобы сбить культистов с ног. *Позови, -* шепнула тьма. *Давай разрушим основы этого мира.*

Обещания власти были неодолимы. Ему казалось, будто одного лишь его прикосновения хватит, чтобы расколоть Калт надвое. Однако разрушение приближалось как с его помощью, так и без нее. В этом присутствовал его вклад, но также и вклад войны на поверхности и палящих выбросов Веридии. Исполни

он предлагаемое тьмой, свободу получит то, в сравнении с чем он – карлик. Он не сможет это контролировать.

И все же выбора не было. Его сердце сжималось от ужаса оказаться недостойным, в это же время ликуя в предвкушении грядущего безумия. Он едва не расхохотался в ответ на отговорки Вор Реннага. Ну разумеется, у них не было никаких данных разведки о диспозиции Ультрадесанта. Разумеется, с точки зрения стратегии руководимая им атака представляла собой дурную блажь. План нападения был примитивным, а его цели – неопределенными: *Разрушить оборону, утопив ее в горящем топливе. Выманить Эфона наружу.*

И что потом? Если Эфон придет, найдет ли он в себе волю сделать то, что должно? Важна была не уязвимость плана, а именно этот вопрос. Он был полон решимости действовать. Его страшила неудача. Он жаждал грядущих смертей. Несущие Слово, Ультрадесантники – каждая капля крови станет актом почести богам. Теперь его долг выходил за пределы верности Легиону. Тот бросил его. Боги же – нет.

Отряд продвигался сквозь вереницу руин. В этом районе не было никакой жизни. В такой близости от собрания сил Эфона гражданских уводили в тыл порядков Ультрадесанта. Эти пещеры были покинуты и очищены от всех полезных ресурсов. Порой под упавшими колоннами попадались тела: беженцы, угодившие под предыдущие обвалы. Наиболее сильные повреждения получили пещеры вблизи от ямы, поглотившей командный узел. Однако с каждым сотрясением разверзались все новые разломы. Аркологии рушились в небытие, и с каждым часом их падение ускорялось.

Курта Седд гадал, не окажется ли их цель уже уничтоженной.

Зал с трубопроводами располагался на существенном расстоянии от командного узла. Кроме того, он находился достаточно далеко от крупных обитаемых зон, чтобы попасть на самый край обороняемого периметра. Ультрадесантники захотят удержать его, но не смогут сделать центром обороняемой территории, не пожертвовав тем остальным, что в первую очередь делало этот район заслуживающим защиты. Несущие Слово приближались к залу с уровня под ним. Пока они поднимались по спиральной каменной лестнице к туннелям, обозначавшим финальный отрезок пути, недра Калта с воплем затряслись смертной дрожью.

Добравшись до верха лестницы, Курта Седд, пошатываясь, прошел через арку в коридор. Пол накренился и просел, отбросив его на противоположную стену. Куски потолка ливнем посыпались вниз с гулким стуком, словно кулаки, размеров которых хватило бы, чтобы раздавить простого человека. Вой землетрясения становился все громче. Следом с лестницы вышла остальная часть роты. Когда появился Сор Гаракс, снизу раздался рев и взметнулся громадный фонтан пыли. Лестница рухнула в глубины, прихватив с собой множество культивистов.

- Вперед! – закричал Курта Седд. *- Вперед до конца!*

Пол вздыбился. Туннель искривился. Несущие Слово рванулись сквозь молотящие по ним падающие камни. Разломы в скале над головой расходились все шире и поднимались вверх. В дырах появлялись новые уровни туннели. И теперь стены наверху распадались, словно землю рвали на части чьи-то гигантские руки.

Мрак забурился. Голоса издали ликующий яростный рык.

Мир перед глазами Курты Седда все так же был погружен в проницаемую ночь. Но он содрогался и преображался, пытался швырнуть в воздух или сбросить в расходящиеся по полу расщелины, единство

нарушилось. Капеллан больше не бежал по соединенным друг с другом пещерам. Он пробивался сквозь круговерть камней.

Хаос. Обуздай его как следует.

Культисты не переставали петь. Даже оставленные умирающие выкрикивали восхваления. Направляя губительные слова гимнов, Курта Седд осмелился потянуться во тьму.

Вход в зал с трубопроводами ждал их за следующим поворотом направо. Курта Седд приготовился к обороне Ультрадесантников. Тьма была с ним и в нем. Он чувствовал, насколько хрупка пелена в когтях его воли. Она разорвалась. Тьма хлынула наружу нежданным потоком. Подземная ночь обернулась крушащим валом. Это было колоссально, и как мог он, нечистый, быть достоин чего-то столь великого? Курта Седд отвел свою волю. Он отпустил пелену.

Но тьма не отпустила его. Она не собиралась этого делать, как не хотел этого и он сам. Она подстегивала его. Он был ее кулаком и ее учеником. Конец здравому смыслу, конец стабильности.

Мрак въелся в реальность пещер. Туннель затрясся, расплываясь. Потолок перед поворотом провалился, преграждая проход тоннами камней. Правее разверзлась огромная расщелина. Она тянулась примерно параллельно туннелю. Под треск и грохот раскалывающейся скалы она ширилась, словно раскрывающаяся пасть. Она поглотила стену. Громадные плиты рухнули в пустоту, исчезая в еще более могучей клубящейся тьме глубин.

Курта Седд остановился. Он находился на краю обрыва. Бездна звала его и, глянув вниз, он увидел, что мрак туннелей лишь жалкое эхо того, что ожидало ниже. Великая сила была голодна. Он даст ей пищу. Он освободит ее, если окажется достоин совершить это. Но пока что она набросилась на структуру пещер и открыла путь. Много путей.

Она открыла путь в зал с трубопроводами.

Стены между Несущими Слово и их целью исчезли. Пещера находилась на другой стороне стеноящего разлома. Она была огромной. Высота потолка составляла пятьдесят метров. Его подпирали колонны толщиной с «Носорог». Вниз, словно гигантские подсвечники, свисали сталактиты. Большую часть дальней стены занимала колоссальная мозаика, изображавшая устройство аркологий. К массовому труду добавился замысел Жиллимана.

В центре зала располагались трубопроводы. Каждый из них имел такой же огромный диаметр, как и колонны. Это были чудовищные сооружения из черного железа. Всего их было шесть, плотно собранных в параллель. Слева они ныряли вниз, к громадным резервуарам с прометием в недрах планеты. Справа – разветвлялись на магистрали меньшего размера, уходившие в скалу во всех направлениях и разносившие топливо по всему этому району аркологий.

Ультрадесантники выстроили в зале оборону, держа входы под контролем. Однако левый из них был перекрыт, уничтожен обвалом. Теперь появился новый вход, размером со всю боковину зала.

Мир сотрясаясь и ревел. Разлом делался все шире. Еще несколько секунд, и его будет уже не преодолеть.

- Раскайтесь в своей лжи! - крикнул Курта Седд Ультрадесанникам. *- Просвещение пришло!*

Вскинув крозиус, он прыгнул. Тьма потянулась к нему. Казалось, она придает ему сил для полета. Он

приземлился на другой стороне. Братья следовали сразу за ним. Когда прыгали последние из них, разлом стал еще шире. Культисты упали вниз. Как и двое Несущих Слово. Курта Седд моргнул, отключая мигающие на тактическом дисплее руны. Имена не имели значения. Теперь они что-то значили лишь как пища для голода внизу.

Сор Гаракс остался на той стороне. Воя от разочарования, он накрыл правую позицию Ультрадесантников пушечными снарядами. Край зала исчез в буйстве взрывов.

Курта Седд повел Пятую роту единой группой вдоль трубопроводов. Ширина скального выступа между топливными магистралями и расщелиной не превышала пяти метров. Узко, хороший огневой коридор для врага. Однако Бык продолжал бить по Ультрадесантикам, а пещера тряслась, словно «Химера» в руке титана. Опасно было даже идти. Стрелять сколько-либо точно – невозможно. Так что две силы сближались для прямого столкновения.

Вниз падали сталактиты, каменные копыта метровой ширины. Они давили смертных и пронзали космических десантников. Крупные фрагменты потолка отламывались и, словно метеориты, обрушивались на сражающихся. Некоторые из них пробивали трубы. Из дыр фонтанами хлестал прометий. Он растекался по полу зала, нетерпеливо стремясь встретиться с огнем.

Выстрелы Сор Гаракса воспламенили топливо как раз в тот момент, когда гиганты в багряном и синем сшиблись друг с другом. Два отряда столкнулись под ветвящимися трубами. На трясущемся полу пещеры развернулась схватка. Курта Седд сцепился с лоялистом. Он отбил цепной меч своим крозиусом и всей массой врезался в противника. А затем все полыхнуло непрекращающимся взрывом. Сенсоры доспеха предупреждали о высокой температуре и нарастающих повреждениях. Он не обращал внимания, забывшись в бою и экстазе от тотального разрушения.

Это мои деяния, – подумал он, отбрасывая Ультрадесантника назад. *Это мой Хаос*. Легионер поднял болтер. Курта Седд сломал ему правую руку, раздробив броню и кость. Ультрадесантник перекинул оружие в левую руку. Курта Седд ушел вправо, выстрелив из плазменного пистолета. Он расплавил врагу бок. Ультрадесантник согнулся, но нетвердо двинулся вперед, разъяренный болью. Огромный поток пылающего прометия упал на него, окутывая, заливая, сжигая. Ультрадесантник рухнул. Курта Седд развернулся, и ему в грудь ударили болтерные заряды.

Удары раскололи доспех и опрокинули его на пол. Он погрузился в жидкий огонь, и мир исчез. Издавая рев непокорства и веры, он поднялся. По нему текло пламя. Он был ходячим факелом. Боль являлась для него оскорблением, на которое он оплатил вражеской кровью. Стреляя в ответ, он устремился вперед и опустил крозиус на череп сержанта, увидев, как на синем фоне воющего прометиевого пламени брызнуло темно-красное.

Хаос. Буря. Безумие. В огне виднелись силуэты борющихся фигур. Битва шла беспорядочно. Просто отчаянное побоище, удары по смутно различимым, искаженным очертаниям. Враги и братья вырывались из вихря, а затем снова исчезали в нем. Курта Седд бросился в направлении теней. При ближайшем рассмотрении те оказались врагами, и он поверг их, снова и снова круша крозиусом, снова и снова круша силой истины.

Мир сотрясся сильнее, а затем еще сильнее. Перевернулся вверх ногами. Курта Седд покатился среди бьющих по нему камней и хлещущего металла. Скрежет скал душил пламя и грохот штурмовой пушки. Пол проседал, вздымался и колотился из стороны в сторону. Его рассекала широкая трещина. В неровном разломе под раскаленной синевой возникла глубокая ночь. Открывалась еще одна пасть – больше и

шире первой расщелины.

А терзающий, скрежещущий визг подземного мира все продолжался и продолжался. Он был повсюду, разрушение носило колоссальные масштабы. А затем сверху резанул свет, свет столь же ужасный, как и тьма, свет великого и последнего огня. Он ударил с силой лучевого орудия. Курта Седд не мог его проигнорировать. Он сощурил глаза. Авточувства закрылись от света солнца, явившегося сжечь собственных детей. Капеллан пошатнулся. Бежать было некуда. Землетрясение вскрыло поверхность Калта. Ярость Веридии вонзалась в самое сердце аркологий.

Правосудие.

Нет. Нет, он отринул страх. Свет уничтожал Ультрадесантников наравне с Несущими Слово. Гибель пришла ко всем.

Вот труды мои.

Он перевел авточувства на ручное управление. Открыл заслонки. Чтобы двигаться, он должен был видеть. Быть свидетелем. Свет полоснул по глазам, но он видел, насколько величественно уничтожение. Пол расступался и проваливался. Колонны падали, разрушая трубопроводы своими громадами и стирая с лица земли сражающихся внизу воинов. Потолок исчез, но сверху в пасть катаклизма каскадами сыпались валуны. Обломки природного и искусственного происхождения летели вниз и подсакивали вверх. Не было ничего, кроме разрушения, ничего, кроме бури, но война продолжалась – за пределами здравого смысла, за пределами надежды.

Вот труды мои.

Самый страшный толчок из всех швырнул Курту Седда в воздух, и пол пропал. Камень и пламя, тьма и свет, боль и ярость – все слилось воедино. Не осталось ничего, кроме круговерти. Он завис в воздухе. В этот миг у него не было ничего, кроме веры.

И в этот миг, и только на этот миг, бремя оставило его.

Он не ждал ничего иного, кроме как смерти.

Но даже сейчас, когда ему пришел конец, покоя не было. Он не исполнил свой долг. Тьма все еще звала его.

Смерть означала провал, и он закричал:

- Мой труд не окончен!

Мгновение прошло. Он упал в свет, а затем в темноту.

Часть 3. Бремя плоти

12

До костей

Октет

Великое Дело

Он был один в святой тьме. Он шел. Он не знал, сколько уже находится в сознании. Он не мог вспомнить ни как закончилось падение, ни как он очнулся. Он не знал, насколько глубоко провалился. Сервоприводы доспеха повизгивали. Броня растрескалась и покрылась рубцами, слова из «Книги Лоргара» стерлись и исказились. Из-за некоторых повреждений возникли новые слова. Он знал это, хоть и не мог их прочесть.

Тело отяжелело от боли. На некоторых движениях доспех запаздывал, а в другие вкладывал слишком много энергии. Его перемещения представляли собой быструю череду рывков. Мышцы сразу же начали компенсировать это, сглаживая шаг, но эффект остался. Каждое действие напоминало ему об ограничениях и неизбежности телесности.

Землетрясение прекратилось. Земля была незыблема и спокойна, словно смерть. Он двигался сквозь черноту трупа Калта. Он шел еще до того, как к нему вернулось сознание. Так что он продолжил идти. Он не знал, куда направляется. Не знал, где находится. Он шел без цели. Он никогда еще не сталкивался со столь глубоким мраком. Его не одарили ранее пережитой ясностью зрения. Нашлемный прожектор высвечивал лишь следующий шаг. Он переключался в ультрафиолетовый и инфракрасный диапазон. Тьма не изменилась. Она не хотела, чтобы он видел.

Он принял свою кару. Горе давило на него еще сильнее. Он потерпел неудачу. Он недостойн.

Однако пока он шел, делая шаг за шагом по неровному камню, горе уходило. Его задача не завершена, и коль скоро он жив, значит ему и исполнять этот долг. Шаг за шагом, привыкая к новым движениям тела, шаг за шагом, и его разум прояснился. Окруженный чешуйчатой тьмой, видя только следующий шаг, а за ним следующий, он начал понимать. Начал видеть по-настоящему.

Последнее, что он помнил до забытья в падении: свобода от бремени. Миг божественной милости посреди абсолютного хаоса. Совершенство внутри совершенства. Совпадение этих двух состояний было не случайно, а необходимо. Одно вело к другому.

Он бы перебил всю Галактику, лишь бы вновь сбросить бремя.

Он пошел быстрее, шаги стали поспешнее и беспокойнее. Он шагал, чтобы отыскать избавление. Он достигнет его, исполняя свой долг, совершив высший акт веры. Отыщет где-то во тьме впереди свой истинный долг.

Под ногами что-то хрустнуло. Он остановился и посмотрел вниз. Это был осколок багряной брони. Он двинулся дальше и увидел еще больше кусков – и синих, и красных. Возможно, он и впрямь был один. Возможно, разлом поглотил всех, и он единственный выживший из XVII и XIII Легионов на Калте. Гражданские тоже бы погибли. Он мог быть единственным живым существом на планете, одиноким червем, ползущим сквозь гниющий труп мира.

В этой мысли была своя привлекательность. Это стало бы своего рода победой. Возможность того, что братья из Несущих Слово мертвы, не смущала его. Все жизни – расходный материал для служения богам. Если им суждено было сгинуть в великом спазме, так тому и быть. Курта Седд являлся частью Легиона, однако в первую очередь он имел долг перед богами. Легион бросил его. Обманул его. Участь Легиона не могла его тревожить. Он был Несущим Слово в самом глубоком смысле. Благодаря недостатку сочувствия к низшим братьям он понесет слова веры более праведно.

Куда их нести? Кому свидетельствовать?

Ответа не было. Но он пошел быстрее, обретая силу и контроль над своими движениями. Все быстрее, пока не побежал.

Зов завладел им. Источник находился поблизости. Сперва он не понял, что тот все еще притягивает его, поскольку полностью был погружен в эту силу. Но теперь он осознавал ее и отвечал полностью осмысленным действием. Он мчался вперед через абсолютный мрак, не думая о провалах и преградах. Грудь вздымалась от восторга. Губы растянулись в благоговейном оскале – в его молитве содержалось столько хвалы и жестокости, что ее нельзя было выразить словами. Он прошел назначенным путем, и теперь праздновал триумф. Он поднялся вверх, чтобы спуститься вниз, и его унесло славное падение. Он пробился на самые нижние глубины.

Он благодарил богов. Благодарность обрела форму яростного шипения. Он побежал быстрее, рывком преодолевая последние метры между собой и своей незримой судьбой. Он принадлежал тьме и струился вместе с ней. Все его тело ощущало груз брони и боль. И в то же время он был не из плоти. Казалось, будто та вновь отступила от него, став чем-то на заднем плане, незначительной заботой, которую он преодолел.

Этот момент важен. Запомни его.

Мысль прозвучала мощно, словно громадный колокол. Ее высказал полный силы голос. Он не знал, принадлежал ли этот голос ему. Неважно. Это была истина. Он восславил ее.

Быстрее. *Быстрее.* Через боль и камни, во тьме и с тьмой, не видя направления. Вокруг ничего не было. Лишь чернота и зов.

Лишь святость и истина.

А затем он замер. Остановка была внезапной, без его воли, и настолько резкой, будто его полет прервала рука божества. Он стоял неподвижно, хватая ртом воздух и впервые ощущая, как срастаются его ребра. Он не знал, почему остановился. Тело отказывалось сделать еще шаг.

То, что он видел, понемногу менялось. Его глаза приспособивались к мраку. Нет, все было не так. Это мрак преобразался. Он частично отводил свою силу, переставая быть вездесущим. Он больше не заполнял собой пещеру. Он отступал, словно волна, оставляя за собой естественную темноту. Фотолинзы Курты Седда снова работали. Он различал два вида тьмы. Видел, как щупальца ночи варпа перетекают по полу пещеры, а потом падают в чудо.

Перед ним находился еще один спуск. Величайший из всех.

Он стоял на краю бездны. Подземное ущелье было глубоким и широким. Поперечник составлял по меньшей мере сто метров, а дальний край представлял собой отвесную стену, уходящую вертикально вниз от потолка, который едва позволяла разглядеть его высота. Были здесь и сталактиты. Во мраке они казались серыми когтями, тянущимися к разлому, словно камень пытался ответить на могучий зов.

Глубина бездны была необозрима. Впрочем, бесконечной она не была. Величие провала никак не было связано с его размерами. Причина величия располагалась на его дне.

Дыхание Курты Седды сбилось на благоговейный всхлип.

Он глядел во мрак, и мрак не пустовал. Его ожидало видение. Он практически мог его рассмотреть. Там

отсутствовал свет. Видение состояло из настолько глубокой тьмы, что, будучи невидимым, оно при этом было настолько заметным, что обжигало глаза.

Это была фигура, но Курта Седд не мог различить, какая именно. Она была слишком огромна. Контуры лежали за границами восприятия. И все же его долгом было узреть ее. Долгом, чтобы...

Чтобы...

Чтобы сделать что?

Он покачнулся, зашатавшись на краю обрыва. Потянулся вперед, как будто руки могли ухватить его цель. Полное откровение оставалось сразу за пределами досягаемости. Скользило по краю его души.

- Помоги мне, - взмолился он. - Уризен. Услышь меня, Уризен. Направь меня, Уризен. Я избран. Я принимаю эту истину. Укажи мне путь. Укажи, что я призван сделать. Уризен, научи меня.

Уризен. Он именовал Лоргара его титулом. Имя примарха не покидало его уст. Он не представлял себе то лицо, на которое смотрел всего несколько часов назад. *Уризен.* Не сам Лоргар, а тот, кем Лоргар должен быть. Голос истины, неизменной. Непогрешимой. В сознании Курты Седда очертания Лоргара и Уризена накладывались друг на друга, совпадая почти безупречно, но лишь почти. Лоргар мог ошибаться. Уризен был непогрешим.

Курта Седд был избран. Так провозгласил Уризен. И именно Уризен мог наделить его зрением, чтобы наконец увидеть окончательную правду.

Руки протянуты вперед, тело наклонилось до пределов равновесия, балансируя над пустотой.

- Направь меня, - и шепот падает во тьму.

Так мало нужно, чтобы упасть вместе со словами.

Так мало, чтобы цепи навеки ослабли, чтобы бремени пришел конец.

Плоть снова стала чем-то несущественным, очень далеким. Его душа была свободна, повиснув в черноте. Однако и душа также являлась бременем. Она была причиной каждого бременя - проклятием, добровольно оплетавшим себя цепями.

Полностью освободиться от бременя означало освободиться от своей души.

И теперь он узрел. Узрел, какую форму имеет видение.

Он узрел Октет.

Там, в самой глубине сети пещер Калта, в скале была высечена суть. Линии и изгибы туннелей, перекрестки и выходы залов - все это сошлось воедино, образовав символ. Восьмеричная руна многокилометровой длины ждала, когда ей дадут волю. Она не была завершена. Проходы обрушились. Другие были фрагментарны, они тянулись сойтись и завершиться, но обрывались на полпути. Октет вторгся в бытие и корчился в заточении нереализованной возможности.

Великое дело.

Курта Седд увидел то, что было, увидел то, чем это могло стать, и увидел, что должен совершить.

А затем, пусть Октет и существовал лишь частично, а его истинной силе еще только предстояло стать

явной, но он раскрыл великую правду. Он взял боль жизни Курты Седда. Взял бремя. Взял противоречия, ложь, предательства и кровь, и придал им смысл. Как туннели сформировали его контуры, так и он взял отличительные черты страданий и явил их форму. Их фигуральные очертания. Они сложились в руну и донесли слова. Жизнь Курты Седда подошла к тому моменту, когда он смог понять откровение. Ему необходимо было сознавать бремя бытия, ощущать все его острия, детально знать этот груз, чтобы постичь ожидающий его переход.

Каждое бремя должно быть сброшено.

Прошлое, настоящее, само материальное тело.

А затем плоть сольется с варпом.

Великое дело.

Он был невесом. Освободившись от бремени, он шагнул вперед.

Рука схватила его за запястье.

Ток Деренот перехватил Курту Седда, когда тот уже собирался шагнуть в бездну. Мольбы капеллана направить его эхом разнеслись по пещерам и отразились от стен расщелины, куда провалились Ток Деренот и часть его боевых братьев. Ток Деренот последовал за звуком и отступающей тьмой до этого места. Еще секунда – и капеллан бы сгинул.

Ток Деренот потянул Курту Седда за правую руку, отведя его от пустоты и развернув.

- Капеллан, – сказал он. – Вы меня понимаете? Вы в порядке?

Он боялся узнать, что Курта Седд обезумел. Потеря предводителя роты вкупе с недавними потерями стала бы тяжким ударом. Усугубилась бы разница между более прагматичными и более набожными Несущими Слово. В отсутствие ясной цели рана, нанесенная уходом Легиона с Калта, начнет гноиться.

Мгновение Курта Седд молча глядел на него. Затем он выдернул руку из хватки Ток Деренота и снял шлем. Ток Деренот отступил на шаг назад. Глаза капеллана пылали. Они были широко раскрыты от полученного откровения, и в них сияло отраженное величие черного пламени. За десятки лет, прошедшие после Монархии, Ток Деренот нечасто видел лицо Курты Седда. Это была изможденная и измученная маска смерти, кожу на которой снова и снова умерщвляли накладывающимися друг на друга узорами рунических шрамов. Плоть покрывали глубокие раны от ритуалов. Их он наносил себе сам, как будто боль тела отвлекала его от боли в душе. Они вновь кровоточили, все они – как недавние, так и те, которым было уже более сорока лет. Голову Курты Седда покрывала густая пленка крови, а глаза глядели из своих гнезд с пугающей радостью. Капеллан переменялся так же разительно, как после событий на Хуре. Поверх горечи и мучительной ярости, свойственных ему с тех пор, теперь появилась свирепая вера – решимость, которая могла сокрушать миры.

Ток Деренот чувствовал, как взгляд Курты Седда пронзает самую его суть и видит не то, кем он является, но то, кем он должен стать. Спустя несколько секунд глаза капеллана сфокусировались на нем и на настоящем.

- Брат, – произнес Курта Седд. В его голосе ясно слышалось едва сдерживаемое нетерпение. – Ты жив. Ты один?

- Нет. Есть и другие. Не уверен, сколько именно. Нас раскидало при падении.

- Отыщи их. Собери их. Приведи их сюда, - он указал на яму позади себя. - У нас есть работа. Боги ждут нас. Грядут чудеса.

Он толкнул Ток Деренота назад.

- Отыщи их, - сказал он. - *Отыщи их!*

Ток Деренот никогда еще не послушался капеллана. Но сейчас мощь приказа заставила его пошатнуться. Сейчас ничто не смогло бы послушаться Курту Седда. Сама скала пошла бы по его повелению. Ток Деренот развернулся и побежал обратно во мрак, вызывая по воксу своих братьев. Перед ним разносился голос Курты Седда. Теперь он уже не молил. Он проповедовал.

- Братья! - выкрикивал Курта Седд. - *Перед нами конец! Конец врагам! Конец их надежде! Конец всей лжи! Здесь свершится переход! МЫ ОВЛАДЕЕМ ПОБЕДОЙ ВО ПЛОТИ!*

Его голос гремел, словно землетрясение, определяя судьбу Пятой роты.

Это был рев истины.

13

Незавершенная обязанность

Абсолют

Поднимитесь

Видение понемногу покидало разум Курты Седда. Ему было все труднее и труднее удерживать контуры Октета перед глазами. Средства совершить переход утратили определенность. Он знал, что может потянуться в варп. Однако он больше не был уверен, что знает, как именно. Той безупречной ясности, пришедшей, когда он повис над пустотой, у него уже не было. Когда братья собрались возле него, он неистовствовал в молитвах и проповедях. Разделял с ними истину. Разделял чудо Октета. Похоже было, что при передаче откровение теряло насыщенность.

Но такого быть не могло. Его обязанностью было распространять Слово. В этом состояла его роль капеллана. Боги не могли явить ему истину, ограничив ее так, что он не сумел бы обратить реальность им в услужение. Но несмотря на силу убеждения и праведный фанатизм, который он распространял, разжигая своим голосом, уверенность в собственных умениях и способности завершить назначенное дело уменьшалась.

Время вновь оплетало его цепями. Что-то оттягивало его от переходной черты. Что-то заточало его в ловушку былых страданий.

Это не могли быть его братья.

Эфон, понял он.

Это дело оставалось незавершенным. Он не убил этот отголосок своего прошлого. Память о прежней

дружбе, старый друг, все еще был жив. Как бы широко не простиралось учиненное землетрясением опустошение, но Курта Седд знал – Эфон выжил. Судьбу не обмануть. Испытание, сильнее всего страшившее Курту Седда, по этой же самой причине являлось самым важным. Он не доказал свою веру. Не разбил цепи этого бремени.

Он сделал паузу в проповеди. Принял правду. Дал ей усвоиться.

Пока Курта Седд не убьет Эфона, его труд не будет заверченным. *Он не будет заверченным.*

Его скальп и лицо все еще покрывала кровь. Он стер ее с глаз, снова надел шлем и посмотрел на свою паству. Несущие Слово и культисты собрались перед ним полукругом. Смертные превратились в изодранные мешки из плоти. Из рук и плеч торчали кости. Некоторые приползли сюда, будучи не в силах идти на переломанных ногах. Сейчас Курте Седду уже хватало ума не удивляться, как кто-либо из них пережил падение. Для богов они являлись полезными орудиями, а их вера была непоколебима. Столь же несокрушима, как у верующих Хура. Но у тех, пусть в этом и не было их вины, она имела ложный объект, и он смог уничтожить ее, лишь уничтожив их самих. Тогда он поступил правильно. Несгибаемая вера – это сила, даже когда это вера в ложь.

Но вера в истину. Ах, это еще более великая сила.

Культисты служили богам. Служили истине. Они будут продолжать свое служение, пока от их тел ничего не останется.

Это время грядет.

Оно наступит, когда он убьет Эфона. Не раньше.

Он извлек свой крозиус. Кровь стекала по лицу и скапливалась внутри ворота.

– Нас ждут война и откровение, – возвестил он. Повернувшись к пастве спиной, он подошел к краю бездны и раскинул руки. – У нас есть работа.

Как и у него.

Он должен был закрыть рану, нанесенную его великому замыслу.

– Капеллан много говорит о плоти, – произнес Вор Реннаг.

– Да, – ответил Ток Деренот, сохраняя нейтральную интонацию. Ему хотелось понять, к чему клонит свою мысль сержант.

Они стояли у края обрыва на левой стороне пещеры. Курта Седд ненадолго прервал свою проповедь. Он раздавал указания касательно создания рабочих команд и расположения обороны.

– Ты знаешь, что он имеет в виду? – спросил Вор Реннаг.

– Нет.

Вор Реннаг нахмурился.

– Ты очень осторожен в ответах, брат.

- Возможно.

- Что ты думаешь насчет слов Курты Седда?

- А что тут думать? Я не могу сомневаться в его правоте.

Он и не сомневался. Однако он уклонялся от вопроса Вор Реннага. Проповедь заставляла его задуматься. Она разожгла в нем веру. Но также она его тревожила.

- Я не понимаю, в чем будет состоять преобразование плоти, - сказал Вор Реннаг.

- Скоро пойдем.

- Пойдем ли?

Ток Деренот не ответил.

Вор Реннаг вздохнул.

- Брат, не пойми меня неправильно. Я не сомневаюсь в вере капеллана или в том, что его избрали сами боги. Я верю, что они говорят с ним.

- Ты гадаешь, правильно ли он толкует их слова, - произнес Ток Деренот

- Одной веры недостаточно. Важны выучка и опыт. Среди капелланов не просто так существует иерархия.

- Курта Седд не новичок.

- Нет. Но он и не Эреб, - Вор Реннаг бросил взгляд вниз, в темноту. - То, что по словам Курты Седда, находится внизу, должно быть невероятно могучим. По сравнению с ним уже высвобожденные силы покажутся ничтожными. Они навредят нам так же, как и врагам. А сейчас мы должны спуститься вниз и начать масштабные раскопки. Наша позиция уязвима.

- Ты обеспокоен стратегией.

- А ты нет? У тебя теперь свое отделение, брат. Подходящий ли теперь момент для подобного проекта? Следует ли нам разделять свои силы?

- С чего тебе знать, что мы их разделяем? - Каэлок подошел к ним сзади и подал голос прежде, чем Ток Деренот успел ответить. Даже искаженный решеткой вокса, его голос звучал насмешливо. А еще зло.

Вор Реннаг посмотрел на него.

- Тебе есть, что сказать, легионер?

- Что тебе опасно не хватает веры, *сержант*.

Вор Реннаг шагнул к нему.

- А еще, - продолжил Каэлок, - что тебя зовет Курта Седд.

Вор Реннаг что-то проворчал. Он разжал стиснутый кулак и направился к капеллану.

- Тебя тоже, брат, - сказал Каэлок.

Ток Деренот кивнул. Вместе с Каэлоком он двинулся следом за Вор Реннагом.

- Как он может сомневаться? - спросил Каэлок.

- Это опасения касательно стратегии, - произнес Ток Деренот. - Только и всего.

- Да? Он готов принять преобразование плоти?

- А ты?

- О да, - прошипел Каэлок с религиозной экзальтацией. - Я жажду его.

Но что же это? - гадал Ток Деренот.

Впереди них Вор Реннаг подошел к Курте Седду и заговорил с ним:

- Капеллан, я не ставлю под сомнение важность Октета. Но следует ли нам разделять наши силы до того, как...

Курта Седд ударил его крозиусом. Внезапный взмах обрушился на правое плечо

Вор Реннага. Шипы восьмиконечной звезды распорили край лица до кости. Вор Реннаг пошатнулся. Он поскользнулся на краю пропасти. Упал, хватая землю. Зацепился за камень и начал вылезать обратно. Курта Седд ударил его ногой по голове.

- Не двигайся, - ощерился он.

Ток Деренот застыл, как будто приказ был адресован ему. То же самое сделал и Каэлок. По всей пещере никто не шевелился.

Вор Реннаг сползал. У него соскальзывал хват. Над обрывом оставалась лишь его голова.

- Разве я дурак? - поинтересовался Курта Седд. - Ты считаешь, что для меня военная победа не имеет ценности?

Он нагнулся к Вор Реннагу.

- Чего не хватает, так это твоего понимания, сержант, - произнес он. - Между тактическим и духовным нет разницы. Мне не должно быть нужды объяснять это Несущему Слово.

Он выпрямился и молитвенно развел руки над бездной.

- Мы потрудимся для богов. Выполним задачу, завершение которой лишит Ульградесант планеты вернее, чем любое вторжение. Сам Калт обратится против них. Он станет един с Хаосом. Как и мы. На нас не будет бремени. Мы обретем плоть из варпа.

Он опустил руки и вновь повернулся к Несущим Слово.

- Однако сперва у нас есть другое дело. Мы должны пригласить наших врагов навстречу их гибели.

Затем он заговорил шепотом. Он обращался к Вор Реннагу, не глядя на того. Шепот хлестнул по всей пещере. Ток Деренот вздрогнул.

- Больше никаких вопросов. Мы отыскали истину. Время сомневаться прошло. Тот, кто сомневается, лишен веры. Других предупреждений не будет, сержант. В следующий раз ты упадешь.

Он зашагал прочь от сержанта. Несущие Слово и культисты последовали за ним. Ток Деренот наблюдал, как Вор Реннаг выбирается наверх. Он пошел дальше вместе с Каэлоком. Выбора не было.

Вопросов больше быть не могло. И все же они оставались. *Плоть из варпа*. Он ломал над этим голову. Смысл фразы был загадочен. Это вызывало у него тревогу.

Он будет делать то, что скажет капеллан. Но он будет наблюдать.

Он не мог отделать от впечатления, что его права на саму свою сущность стали зыбкими.

Помазание Сор Гаракса началось.

Бык стоял в центре пещеры. Культисты удерживали его внимание своими песнопениями. Они совершали подношения его ярости, и он принимал их, круша тела своим силовым кулаком. Курта Седд был удовлетворен тем, что дредноут сдерживает свою ярость, пока ее не призовут. Пока же культисты готовили Сор Гаракса к священной войне. Хротис, сломанная рука которой была вывернута за спину, руководила ритуалом. Смертные брали осколки костей жертв, макали их в кровь и наносили на саркофаг руны поклонения. На Сор Гараксе становилось все больше символов излишества, мора, войны и преобразования. Кровь не покрывала выгравированные слова, а как будто переплеталась с ними. При помощи веревок, сплетенных из волос и ткани, культисты развешивали на руках Быка конечности и черепа.

Курта Седд наблюдал за трансформацией и одобрял ее. Он не считал, что Сор Гаракс будет подвержен грядущему слиянию. И все же Бык становился существом, присвоившим чужую плоть. Это подходило.

Курта Седд обходил пещеру по периметру. Несущие Слово шли за ним по пятам и занимали позиции, где он указывал. С этой стороны от громадного разлома в пещеру вело два туннеля. Их входы были слишком велики. Чтобы как следует их оборонять, пришлось бы выделить всю роту.

Бессмысленно. Цель состояла не в том, чтобы не впустить Ультрадесантников внутрь. Цель состояла в том, чтобы уничтожить их. Чтобы Эфон умер.

Хотя бы засаду. Зону поражения, через которую придется идти врагам. Что-нибудь, чтобы замедлить Ультрадесантников. Ему может понадобиться чуть больше времени.

- Организуйте перекрестный огонь, - сказал он. - Охватите оба входа одной засадой.

Он поднял руку, упреждая возражения, которые никто не решался высказать вслух.

- Не идеально, знаю. Но мы вгрыземся в них с флангов. Этого будет достаточно. Кроме того, там есть, где укрыться.

По всей пещере к потолку поднимались огромные колонны. Они были настолько древними, что их покрывала корка известковых отложений. Курта Седд задумался, помнят ли вообще Ультрадесантники о существовании этого района пещер. Колонны возвели люди, однако их коснулось время и злоба сил внизу. С тактической точки зрения они были полезны. Они помогут нарушить сплоченность атаки.

- Они придут, капеллан? - спросил Каэлок.

Курта Седд кивнул. Подобные вопросы, задаваемые с почтением и благоговением, были допустимы.

Каэлок не бросал ему вызов. Он искал просвещения.

- Придут. Они покинут свои убежища. Мы позаботимся об этом.

Он не оставит Ультрадесантникам выбора. Условия войны вот-вот должны были измениться. Раньше Несущие Слово бросались на опорные пункты XIII Легиона и перемещались по территории, хорошо известной Эфону. Хватит. Эта пещера и открытые в ней глубины принадлежали Несущим Слово. На сей раз никаких поисков Ультрадесантников. Это они будут искать и обнаружат ожидающий их рок.

Это проповедовал Курта Седд. В это он должен был верить.

Погибель ли я Эфона? Это моя задача. Это моя судьба.

Да.

Эти вопросы снова и снова возвращались к нему. Его ответ оставался неизменным. Равно как и его сомнения.

Закончив с распределением, Курта Седд вернулся к краю бездны. Он встал возле колонны, основание которой выступало над пустотой. Его позицию защищали два полукруга из Несущих Слово и культистов. Остальная часть Пятой роты ждала возле входов и за сталагмитами. Они были готовы.

Он был готов.

- Братья, - воскликнул он, и его голос наполнил пещеру, - ныне начинается наша истинная работа.

Он начал петь. Произносить слова, которым придавал форму Октет. Это были злые звуки, разъедавшие реальное. Его дух потянулся вглубь бездны. Он воззвал к тьме. Прикоснулся к пелене. Воззвал к сущностям за ней.

Он не прекращал пения, однако сделал паузу перед тем, как напрячь волю и разорвать пелену. Действительно ли он достоин? Он утратил абсолютную ясность видения. Он знал, что должен сделать, но не то, как это сделать. Варп и плоть должны стать едины. Это было ему известно. Однако между задачей и ее решением пролегла тень незнания.

Эфон не был мертв. Он надеялся, что ясность вернется к нему, когда это дело будет завершено. Но чтобы завершить дело, сперва требовалось разорвать пелену.

Рвать было так просто. Истерзанная Октетом пелена столь истончилась, что хватило легчайшего усилия воли, чтобы создать брешь в реальности. Он расширил разлом, открывая путь. По пещере разнеслось стенание потустороннего ветра. В нем слышались пустота, ржавчина, боль от клинков и зубов. Это была буря, сотворенная из ночных кошмаров.

Теперь началась подлинная проверка мастерства Курты Седда. На него нахлынули сомнения. Он отринул их. Произнес новые слова - те, которым предстояло не просто рвать реальность. Это были слова призыва.

Первой ответила тьма. Как и прежде, она поднялась, ее цепкие отростки стремительно начали расползаться по пещере: по полу, стенам и потолку. Отростки становились толще, увлекая за собой все больше тьмы. Хватающая рука превратилась в волну, а волна превратилась в потоп. Пещеру заполнила безумная ночь. Она бормотала и причитала. Голоса звучали громче, чем раньше. Сильнее. Они были голодны. Им не терпелось завладеть миром.

Их было недостаточно. Мысленно Курта Седд встал перед разломом. На той стороне находились некие существа. Он видел, как они перемещаются с неспешной размеренностью удавов и электризованными рывками. Их очертаний ему было не разобрать. Казалось, будто они перетекают и изменяются, оставаясь сразу за чертой досягаемости зрения. Он призвал их явиться. Растянул разрыв еще шире.

- Войдите, - произнес он. - Войдите и пируйте.

Что-то потянулось через барьер. Оно начало обретать форму.

Восприятие Курты Седда изменилось. Он вновь глядел собственными материальными глазами. Капеллан посмотрел вниз, за кромку пола. Тьма под ним извивалась, сплетая завитки и узлы напряженности. Она заколыхалась и вздулась. Вздутия лопнули. Из пузырей ночи появились существа. Они поползли вверх по скале.

Крики, шепот и смех стали интенсивнее. Голоса кружили возле него, а затем пускались по пещере в погоню за себе подобными. Они праздновали. Они угрожали.

Существа лезли вверх. Курта Седд видел стены пропасти в мельчайших подробностях. Чем выше поднимались твари, тем отчетливее он мог их разглядеть. И все же их черты никак не поддавались определению. Очертания оставались текучими. Это были груды преобразующейся плоти. Цвета пульсировали, смешивались, изменялись. Кожа, розовая, как обнаженные мускулы, приобретала синеву разложения, затем болезненную зелень, затем краснела от гнева. Чешуя обращалась в волосы, волосы обращались в когти, когти обращались в глаза. Покрытые зубцами конечности вонзались в камень, подтягивая тела вверх, но лишь для того, чтобы слиться с более крупной массой, раскинуть щупальца, с хлопаньем разъедающие скалу, и ухватиться снова. Твари тянулись друг к другу и сливались в кошмар больших масштабов. На глазах Курты Седда формировалось чудовище. На несколько секунд проступил силуэт огромной туши. Рога на ее голове были размером с человека. Челюсти разошлись, обнажая зубы, искривленные и вывернутые во все стороны. Из глотки на Курту Седда уставился немигающий глаз с двум белыми зрачками.

Пасть открывалась все шире и шире. Угол между челюстями стал больше ста восьмидесяти градусов. Голова разорвалась. Разрыв пошел по горлу, по груди. Создание распалось надвое. Его тело растворялось в переплетении мясистых прядей ночи. А затем оно исчезло.

Курта Седд зарычал от разочарования. Схема повторялась снова и снова. Твари лезли вверх, сливались, росли и распадалась. Мрак в пропасти бурлил от несовершенного творения. Пузыри нереализованных возможностей надувались и лопались. Плоть, дым, магма - вопящая, тяжело движущаяся масса поднималась все выше и выше, но и она замедлялась. Поверхности демонического океана все еще оставалось много метров до верха разлома. Не образовывалось ничего цельного.

Сотни конечностей с мольбой тянулись к Курте Седду. Зияли пасти. Они вопили его имя, ведь собственного у них не было. Они не могли существовать.

Курта Седд выкрикивал молитвы. Он взывал к богам.

- Уризен! - взывал он. - Направь мои усилия!

Этого было недостаточно, чтобы открыть путь. Пересекавшим барьер существам требовалась пища в материуме. Им нужно было переделать реальность в ее антитезу. Капеллан выступал в роли проводника. Становление завершалось при помощи его колдовства. Все зависело от его силы и мастерства.

Он терпел неудачу.

Призванное им сонмище не могло сохранять связь с материумом. Оно карабкалось на утес бытия лишь для того, чтобы упасть.

- *Поднимитесь!* - приказал Курта Седд. - *Поднимитесь! Возьмите мир как свою добычу!*

Чудовища взметнулись вверх и опали обратно.

Ему не хватало силы.

- Аннунакэ! - позвал Курта Седд. - Ты нужен!

Сор Гаракс, покачиваясь, двинулся к краю скалы. Бык был безумен, но Бык был мудр. Десятилетие за десятилетием он переживал бесконечную смерть тела. Его безумие остро пронзало суть вещей. Теперь же, украшенный кровью и рунами, он представлял собой воплощенное разрушение и ходячий алтарь. Воин-жрец, замурованный в своем храме. Курта Седд бросил взгляд на овеществленные молитвы, текущие и корчащиеся на керамите. Он воздел руки для восхваления. Сосредоточился на конкретном воплощении Хаоса сражающегося. Суть Сор Гаракса была несокрушима. Курта Седд использовал ее, чтобы направлять собственную силу. Он взял чудовищный образ дредноута. Зафиксировал его в качестве модели и призвал находящееся внизу возможное обрести форму.

Когти, рога и змеиные изгибы забурлили и поднялись. Тела обозначили свои границы. Остались стабильны. Захотали. Полезли вверх.

А потом опять рухнули обратно и растворились в пенящейся тьме.

Недостаточно. Недостаточно. Голос охрип от песнопений. Слова истины резали реальность и резали его гортань. Из ран на голове беспрепятственно текла кровь. Внутри шлема не осталось ничего, кроме ее вкуса и запаха. Из ниоткуда на преображающийся кошмар лился дождь жизненной влаги. Чтобы пить ее, образовались губы многометровой ширины. Мешанина колышущихся мускулов длиной и шириной с провал поднялась так, что Курта Седд мог ее коснуться. От него требовалось лишь опуститься на колени и протянуть руку. Так он и сделал. Пальцы погладили плоть. Сквозь перчатку он ощутил зловонное тепло и влагу. Мышцы из тугих стали податливыми и пристали к его руке.

Плоть сольется с варпом.

Громада сотряслась. Она сгустилась в сотни бьющихся, борющихся тел. Они были отчетливо видны. Реальны. А затем они снова растворились. Тьма взвыла от разочарования, и от ее ярости треснул потолок. Сталактиты посыпались в пропасть. Масса варпа поглотила их.

Плоть сольется с варпом.

Истина рефреном стучала у него в сознании. Жизненно важная толика видения, все еще оставшаяся с ним, являлась ключом к полноценному воплощению служителей богов. Призыв положил начало. Успех будет достигнут посредством слияния.

Но он не знал, каким образом.

Досада и отчаяние давили на плечи со всей тяжестью скалы наверху. Он не мог остановиться. Лишь силой воли и веры он выполнит свою задачу. Приведет армию, которая истребит лоялистов.

Но старое бремя все еще оставалось на месте, вытягивая его силы, подтачивая уверенность.

Курта Седд взревел, и полу-сформированная, полу-реальная пасть взревела в ответ. Он взывал к ним, и они взывали к нему, а его не пускали его цепи.

Сквозь сосредоточение прорвался громовой перестук огня болтеров.

Нет, - подумал он. Не сейчас. Рано.

Испытание пришло. И он не был готов.

14

Недостоин

Последняя атака

Освободившиеся

Я недостоин.

Правда разила насмерть, словно атам. Правда, давно подозреваемая, давно избегаемая, теперь была в цель.

Курта Седд обернулся. Он пел, он взывал к богам Хаоса, однако его молитвы утратили силу, которую им придавала концентрация. На его глазах за ним явилась судьба, а с ней явилось и ужасное подозрение, что он ошибался. Курта Седд еще не видел этого, но он знал, что его немезида здесь.

Эфон был здесь. Так Курта Седд и провозглашал. Новая волна сомнения перевешивала исход встречи.

Два кольца Несущих Слово, защищавших его позицию, открыли огонь по надвигающимся фалангам Ультрадесантников. Лоялисты появились из обоих входов двумя большими формациями. Они развернулись к порядкам засады слева и справа, подавив те градом снарядов и огнеметами. Посередине между одним из входов и оборонительной позицией частично обрушилась примитивная наружная баррикада. На другой стороне от нее находился очередной вход. Оттуда вырвался Эфон, ведущий за собой еще одно отделение.

Засада нанесла лоялистам ущерб. Некоторые из них упали, однако две фаланги препятствовали фланговому обстрелу. Они задавили засады числом и расправились с ними. Несущие Слово ударили из-под прикрытия колонн, но их было недостаточно, чтобы сдержать наступление. Три отряда Ультрадесанта сходились к ключевой позиции вокруг Курты Седда. Они поливали пещеру перед собой градом снарядов. Их было не остановить.

Разве не этого ты хотел? - подумал Курта Седд. Разве не это уготовано судьбой?

Так и было. Однако вид Эфона подстегнул сомнения. Курта Седд не встречался с ним со времен Монархии, или, по крайней мере, не знал об этом. Его тут же захлестнули злость и горе от предательства. Войны имели общую причину. Сейчас он должен был отнять жизнь, которую когда-то спас, и он не знал, сможет ли сделать это. Если бы Курту Седда послушался один из братьев, он бы убил

этого Несущего Слово без раздумий и сожаления. Вор Реннага он пощадил исключительно ради того, чтоб сделать последнее предупреждение. Однако Эфон воплощал собой каждое бремя из прошлого. Все то, во что Курта Седд когда-то верил, ради чего покорял миры, не ушло без следа после Монархии. Неотступное ожидание кары свидетельствовало об этом.

Я недостойн, – подумал он вновь.

У него за спиной имманентная плоть издала вздох и опала вниз, оставив за собой лишь мрак пустоты.

В центре пещеры, бросая вызов Ультрадесантникам, взревел Сор Гаракс.

Лжецы явились на казнь в его руках.

Он рвется вперед, его поступь сотрясает землю.

Культисты по обе стороны, преданные паразиты бегут вместе с ним, от их гимнов резонирует его саркофаг.

Он бьет по вражеским фалангам из пушки, а потом врывается в строй. Силовой кулак обрушивается налево и направо, давя врагов в кровь.

Вспышка света и жара, три Ультрадесантника с ракетницами. Мощный удар в правую часть фронтальной брони останавливает его на месте.

Он разворачивается в ярости, рука с пушкой полыхает смертью. Первый из нападающих взрывается, за несколько секунд в него бьют десятки зарядов.

Терминаторы. Замах, удар. На железном кулаке трещит кровь.

Еще один терминатор. Капитан.

Руку с пушкой сбивают, Он шатается. Спотыкается.

Враги повсюду вокруг него.

Сквозь туман злобы прорывается двойной лязг по бокам. Магнитные фиксаторы на саркофаге.

Мелта-бомбы.

Он взмахивает кулаком вправо, переламывая Ультрадесантника, но уже слишком поздно, слишком поздно.

Взрыв. Жар солнца обращает броню в жидкость. Сенсоры воют, затем умирают. Останки тела поражает новая боль, обдирающая чувства до слепящей белизны. Перегрузка информацией, каскадный отказ систем, саркофаг отказывается. Два тела умирают одновременно.

Наползает тьма.

Двигайся. Причини им боль. Забери их в черноту. Забери их в истину.

Кренясь, он разворачивается, левая нога гораздо медленнее правой, руки размахивают из стороны в сторону, силовой кулак сжимается и разжимается в конвульсиях. Штурмовая пушка палит мимо и

беспорядочно. Боль в сердце, словно пригоршня бритвенных лезвий.

Он движется к бездне. Его окутывают дым и пламя.

Загнанный Бык, кровавый метеор.

Неудержимый.

Грохот шагов и пушечных выстрелов, хруст и крики раздавленных врагов, братьев и смертных. Он пробивает и выжигает полосу всеобъемлющей смерти.

Левую ногу заклинивает. Он падает вперед. Тьма на расстоянии вытянутой руки.

Удар. Он продолжает двигаться. Под ним смутно различаются тела.

А затем невесомость.

Падение.

И даже тогда – новая боль.

Сор Гаракс проломился сквозь окружавших его Ультрадесантников. Шатаясь, он напоследок прошелся по полю боя, словно осадный щит «Поборника». Атака сметала Ультрадесантников, Несущих Слово и культистов. Он снес порядки нападающих и обороняющихся. Пробил колонну, обрушивая вниз вертящиеся каменные монолиты. Он являл собой чудовище из истерзанного металла. Было темным чудом, что ему вообще еще удавалось идти. Курта Седд увидел в жутком рывке Быка волю богов.

Его падение наземь сотрясло пещеру. Скрежет фронтальной плоскости по камню прозвучал замогильным воплем. А затем дреднот перевалился через край, увлекая перед собой бьющихся легионеров.

После падения Быка организованность боя развалилась. Формации Ультрадесантников и Несущих Слово оказались раздроблены. В сознание Курты Седда пробрались остатки стратегии. Его братья пытались поддерживать периметр вокруг его позиции. Ультрадесантники пытались сохранить три острия атаки. Однако центр пещеры теперь представлял собой котел. По полу были разбросаны тела в синей и багряной броне, часть обгорела, часть расстреляна, часть раздавлена до неузнаваемости. Сражающиеся стреляли в упор. Сшибалось оружие ближнего боя. Укрытия были переменчивой иллюзией. Из-за одной колонны Несущие Слово стреляли по группе Ультрадесантников. Лоялисты из другого отряда обошли их с фланга и захватили позицию. Затем подошедшие с тыла Несущие Слово окатили эту зону пламенем и крак-гранатами. Внезапно полыхнула синяя вспышка, возвещающая о телепортационном переходе свежих терминаторов Ультрадесанта в громоздкой броне катафрактивов.

В воксе бушевала буря. Слух Курты Седда заполняли выкрикиваемые команды, рычание боли, всплески помех разрывающейся связи. Его внимание разделилось. Он видел общую картину схватки, но отмечал и детали. Он не управлял ей. Решения на поле боя принимали Вор Реннаг и Ток Деренот. Он продолжал петь, отчаянно пытаясь восстановить контроль над имматериумом. Волна катилась против Несущих Слово. Силы Хаоса все сильнее и сильнее отдалялись от бытия. А Эфон был рядом, прокладывая себе дорогу вперед.

Судьба приближалась. Его настигало правосудие и ложных и подлинных богов.

Канонада Ультрадесантников пробила периметр. Удары снарядов отбросили двух братьев назад. Они упали в бездну. По всему краю утеса Несущие Слово и Ультрадесантники сошлись врукопашную. Гиганты в керамике столкнулись. Они набрасывались друг на друга с яростью, вызванной ненавистью. Во мраке разносился шум вспышек боя и рык существ, некогда бывших людьми, а ныне ставшими колоссальными воплощениями войны. Курту Седда окружал хаос, но он не мог обуздать его.

Он перестал петь.

Эфон отбросил Каэлока в сторону ударом цепного кулака. Несущий Слово повалился на четвереньки, его шлем был расколот. Эфон приближался к Курте Седду. Лицо капитана искажала ненависть. Курта Седд едва узнал его. Эта ярость была всепоглощающей, и Курта Седд ощутил прилив извращенной надежды. Если Эфон мог настолько раствориться в гневе, то был ли он так уж далек от истины? Могла ли сила эмпиреев на столь близком расстоянии вырвать Ультрадесантника из догматичного мировоззрения его отца?

- Стелок, истина Хаоса повсюду вокруг нас, - крикнул Курта Седд. - Отдайся ей!

Эфон продолжал идти вперед. Капеллан встряхнул плечами и отступил на шаг назад.

- Сила Октета здесь велика. Пламя тьмы поглотит вас всех.

Кипящая ненависть Ультрадесантника выплеснулась через край.

- Заткнись, предатель! - взревел он, бросившись вперед.

Надежду породило прошлое Курты Седда. Она была бременем, но он понял это слишком поздно. Она замедляла рефлексы - надежда, сожаление и сомнение сдерживали его. Он поднял плазменный пистолет левой рукой и выстрелил. У Эфона было более чем достаточно времени, чтобы нырнуть вправо от капеллана, и выстрел прошел мимо.

- Не будет никакой капитуляции ни для кого из нас, — прорычал Ультрадесантник. — У тебя был шанс на почетную смерть.

Его цепной кулак разнес колонну. Пыль и осколки камня полетели Курте Седду в лицо, ослепляя его. Капеллан качнулся назад, уклоняясь от удара, которого не видел. Он махнул крозиусом налево. Руку сотряс удар - он разбил комби-оружие противника на куски.

Он вынудил капитана отклониться на заднюю ногу и развил успех, сделав еще один выстрел с близкого расстояния. Под ногами Эфона захрустели камни - он увернулся и возобновил собственный натиск. Бездна тянулась к ним обоим.

Зубья цепного кулака Эфона зацепили плазменный пистолет Курты Седда, прежде чем тот успел выстрелить снова, и выдернули оружие из его руки. Какое-то мгновение два воина боролись на краю обрыва. Курте Седду нужно было лишь податься вперед, и они оба бы свалились. Небытие манило его, суля положить конец всякому бременю...

Нет. Не так.

Он уперся в землю и отвел крозиус назад, напрягая руку для взмаха. Эфон ударил первым, врезав цепным кулаком по вытянутой руке Курты Седда с такой силой, что от сотрясения ослабла хватка на рукояти крозиуса, а затем нанес еще один удар в грудь. Клинок рассек доспех капеллана. Полетели осколки керамики, а за ними кровь. Он почувствовал, как алмазиевые зубья погружаются в панцирь.

Эфон удерживал его левую руку отведенной вверх, не давая эффективно ее использовать. Крозиус болтался в перчатке.

Было совершенно очевидно, что Курта Седд умрет. Он стал почти безмятежен в своем отчаянии. Он не исполнил свой долг и недостоин судьбы.

От безысходности он отклонился назад и ударил Эфона по наплечнику так сильно, как только мог.

Мощь удара заставила Ультрадесантника пошатнуться. У него под ногами скала осыпалась и падала во тьму.

Курта Седд не стал дожидаться, пока враг оправится. Его правая рука потянулась к поясу. Движение было быстрым, плавным, бездумным. Оно вышло настолько же естественным, насколько неуклюжим оказался выстрел из пистолета. Он схватил свой ритуальный кинжал. Когда Эфон развернулся, он направил острие под руку огромного воина, притягивая его к себе.

Оно попало в стык брони. Пластины разошлись. Клинок прошел сквозь панцирь, мышцу и ребра.

И еще глубже.

Рука Эфона обмякла. В глазах мелькнуло предсмертное ошеломление. Он начал оседать. Из уголка рта побежала темная кровь.

Долгая тишина. Война смолкла. На краю зрения Курты Седда с неспешностью ледника перемещались смутно различимые фигуры. Звезды рождались и умирали, и он наконец-то понял, что сделал.

Впервые после Монархии и в последний раз в своей жизни Курта Седд испытал ужас.

- Эфон, - выговорил он. - Прости меня.

Несомненно, теперь-то кара придет. Если нет, значит она не придет уже никогда. Он убил свое прошлое. Не осталось таких преступлений, которые он мог бы еще совершить. Он просил прощения от имени того легионера, которым когда-то был, голосом последней искры тех убеждений, за которые когда-то готов был умереть - тех убеждений, что никак не желали выпускать его из своей неотступной хватки.

Он просил прощения, и прежде чем он успел получить ответ, с ним свершилось преобразование. Ответ уже не был ему нужен. Последние остатки прежнего Курты Седда умерли еще до того, как Эфон успел заговорить.

А Эфон так и не заговорил.

Курта Седд всадил кинжал в основное сердце. Глаза Ультрадесантника погасли. Курта Седд толкнул его.

Эфон упал.

Курта Седд смотрел.

Ты знаешь, что сделал?

Да.

Голова Эфона ударилась о выступ. Его тело падало. Прошло немало времени, прежде чем оно исчезло. На глазах у Курты Седда оно становилось все меньше. Сокращалось до несущественных размеров, просто очередной кружащийся обломок.

Эфон падал.

И вместе с ним падали оковы Курты Седда.

15

Свобода проклятия

Плоть варпа

Озирая труды

Курта Седд сбросил свое бремя. Стряхнул его, словно отмершую и плохо подходящую кожу. Он приветственно раскинул руки. Он наслаждался всей полнотой проклятия. Теперь все сгнуло. Все прошлое, все узы. Он был свободен. Он не чувствовал никакого сожаления. После этого великого разрыва жалеть было больше не о чем.

К нему вернулась ясность зрения. Он вновь видел очертания Октета. Видел путь впереди и грядущие дела. Он освободился, и теперь для него стало возможным все.

А плоть? Что с бременем плоти?

Его плоть все еще была ему нужна. Пока что. Но уже близился, хищно надвигался тот момент, когда и это бремя окажется сброшено. Если и не им, то другими.

Плоть сольется с варпом.

Он узнает, как именно. В этом он не сомневался.

Сомнений больше не было. Последние пали вместе с Эфоном. Новые же были невозможны.

Тьма приняла его жертву. Она поднялась к нему. Он принял ее покорность как должное.

Курта Седд отвернулся от бездны и вновь посмотрел на поле боя. Его взгляд прошелся по борющимся фигурам. Он озирая Несущих Слово, Ультрадесантников и культистов с позиции бога. Война представляла для него интерес. Сражающиеся имели свое применение. Они представляли собой различные виды жертв. Там были добровольные и недобровольные. Примитивные и величественные подношения, а также и полезные орудия. Сырье для трансформации.

Неподалеку, одолевая боль горем и злостью, поднялся на ноги сержант Ультрадесанта в поврежденном доспехе катафрактия.

— На этой планете тебе некуда пойти, чтобы мы тебя не нашли, предатель, — выплюнул он, заноса молниевые когти.

Курта Седд помедлил. Ему было почти больно видеть невежество воина.

— На этой планете некуда *идти*, — ответил он, блаженно улыбаясь под визором и отворачиваясь прочь. — Лишь вглубь преисподней...

Он видел, как гибнут все новые Несущие Слово. Разъяренные смертью своего капитана, Ультрадесантники набросились на Пятую роту с удвоенной злобой. Они жаждали мести и получали ее. Волна поднималась все выше над братьями Курты Седда.

Его это не тревожило. За его спиной была тьма, и он скользнул в нее столь же легко, как если бы шагнул за кулисы.

Извращенные слова древнего наречия Колхиды обрели новый смысл и новую силу. Он воззвал к потенциалу во мраке. Широко разорвал пелену. На фоне трескучей дробы битвы он услышал, как по стенам пропасти скребут когти. Звук не прерывался. Не растворялся в клокотании плоти. Он приближался.

Курта Седд взвесил в руке крозиус арканум и воздел его вверх. Война требовала от него среагировать: еще один мстительный Ультрадесантник прорвался и бросился к нему с полыхающим болтером. Курта Седд снова скользнул в струи тьмы. Казалось, что Ультрадесантник замедлился, словно двигался глубоко под водой. Курта Седд позволил стремительному потоку мрака увлечь себя. Никто еще не успел заметить, что он переместился, а он уже оказался рядом с лоялистом. Капеллан обрушил крозиус на загривок Ультрадесантника. Удар, и тьма отпустила его. Курта Седд вернулся обратно во время материума, а шлем и хребет Ультрадесантника разлетелись на части. Лоялист рухнул. Курта Седд пинком толкнул тело в бездну.

Скрежет когтей напоминал бурю с градом. Их было так много. А еще там теперь были и голоса, смеющиеся, булькающие и шепчущие о своих непристойных вождениях.

- *Добро пожаловать!* - выкрикнул Курта Седд.

Из-за края пропасти вырвался вал чудовищ. Их были сотни.

- Демоны, - прошептал Курта Седд.

Он посмаковал это слово.

- Демоны, - повторил он, громче. На Ультрадесантников обрушилось то, что противоречило всем учениям Императора, и оно явилось по его приказу.

- Демоны! - взвыл Курта Седд. Слово означало реальность, а реальность означала триумф.

Тела демонов имели топорные очертания. Они все еще были незавершенными, пусть и обладали своего рода цельностью. Там были вздымающиеся нагромождения язв. Были багряные твари, вышагивавшие вперед на ногах с копытами. Верхние половины их тел представляли собой бесформенное скопление конечностей и рогов. Другие монстры состояли одновременно из плоти и из пламени. Это были когтистые продолговатые силуэты, которые извивались, словно сладострастные насекомые. Были там и существа, не имевшие формы вовсе - бормочущие массы щупалец, пастей, глаз и лезвий, скользившие, прыгавшие и сгорбленно шедшие к своей добыче.

Орда мертвящей плоти нахлынула на сражавшихся и разлилась среди них. Схватка мгновенно изменилась. Демоны кишели вокруг Ультрадесантников, оттесняя тех обратно вглубь пещеры. Они пытались задушить лоялистов, утопить их в своей гнойной массе. Когти, похожие на мечи, били в броню, выискивая слабые места.

Демоны не обладали силой. Заряды болтеров быстро справлялись с их оболочками. Сильные удары

разрывали тела. Они взрывались дымкой плоти. По отдельности демоны не являлись для легионера серьезной угрозой. Но во множестве они были смертоносны.

- Уничтожьте предавших Слово! - скомандовал Курта Седд. Он устремился в свалку, указывая крозиусом, и с обеих сторон от него хлынули демоны - бесконечная армия под его началом.

Так он думал сперва.

А потом он увидел, что демоны прыгают и на Несущих Слово, вскрывая доспехи и жадно завывая. Один из них застал врасплох Вор Реннага. Сержант рассек своим цепным мечом горжет и горло лоялиста, обезглавив того. Пока он выдергивал клинок из трупа, ему на голову вскочила пестрая розово-синяя мерзость. Она запрокинула ему голову и, словно жала, вонзила свои конечности в рот и глаза. Воин судорожно замахал цепным мечом. Прежде чем он смог поразить демона, тот как будто схлопнулся. Тело втянулось в жала и ушло в череп Вор Реннага.

Сержант зашатался. Вцепился в собственное лицо. Он выкрикивал имя Курты Седда, умоляя и проклиная его. Потом он застыл. Его голова пульсировала. Пульсировал и его доспех. Он завопил, его голос вдруг стал хором из двух. Броня, кости и плоть сливались воедино и преображались. Он крутанулся вокруг своей оси, еще раз, а затем его тело взорвалось вовне. Он превратился в мешанину конечностей и крыльев. Курта Седд увидел намек на нечто более величественное - тень воина из-за пелены, но тут все очертания пропали. Вор Реннаг исчез, став живой клоакой. Органическое и неорганическое обратились в одну жижу.

Смерть Вор Реннага означала как перспективы, так и неудачу. И теперь Курта Седд знал, что зашел слишком далеко.

Пещера превратилась в круговерть смерти. Несущие Слово и Ультрадесантники продолжали сражаться друг с другом. Не было ни дистанции между отрядами, ни порядка, ни стратегии, лишь хаос ближнего боя. Зубья цепных клинков с визгом терлись друг о друга, болтеры стреляли по целям на расстоянии вытянутой руки. Демоны были повсюду, а из ямы лезли все новые. Они сосредотачивались на Ультрадесанниках, атакуя их с яростью, какую приберегают для ненавистного врага. Они прыгали на Несущих Слово, по-хозяйски хватая их. Гранаты и огнеметы уничтожали плоть всех видов - смертную, генетически улучшенную, сплетенную из варпа. Бушующая буря пламени, мускулов, зубов и брони.

Битва сама стала монстром, которого не контролировал ни один из Легионов. Курта Седд неистовствовал от уязвленной гордыни. Он призвал сущности варпа, а они были слабы и не подчинялись ему. Все должно было быть не так. Не в этом его судьба.

В том, что на его глазах произошло с Вор Реннагом, крылся урок. Однако постигать его не оставалось времени.

До сих пор демоны проносились мимо Курты Седда, привлеченные изобилием добычи за ним. Теперь же один из них обернулся к нему. Существо было длинным и угловатым. На узкой голове угадывался клюв. Из плеч росли лишённые перьев, бесполезные крылья. Оно прыгнуло к нему, протягивая руки длиной со все тело. Когти схватили его за плечи. Он вскинул крозиус, блокируя щелкающий клюв. В его сознание незаметно, словно черви, стали вползать мысли:

Впусти меня. Стань мной.

В них чувствовалось сильное желание. Воля Курты Седда тоже была сильна. *Нет*, - подумал он и отшвырнул демона назад при помощи приданного судьбой могущества.

Не сейчас.

Чудовище зашипело на него. Глаза лукаво блеснули. А затем оно развернулось и с клетком устремилось в свалку.

Курта Седд последовал за ним. Он набросился на Ультрадесантника, который боролся с тремя демонами, и выстрелил из своего плазменного пистолета в силовой ранец лоялиста. Полыхнуло слепящее пламя. Ультрадесантник упал. Демоны оторвали ему голову и кинулись на останки.

Капеллан уходил вглубь хаоса битвы. Он метался от одного противника к другому, нанося удары со все большей злобой, ведь вокруг него все разваливалось. Да, пока что задавленные числом Ультрадесантники гибли, но что дальше? Утонуть в море недоделанного и неуправляемого? Его служение богам должно быть более величественным. Октет должен быть завершен. Калт должен быть отдан Хаосу. Но это, победа ли это?

Это ли судьба?

Ответом ему стал ракетный залп. Скопление демонов взорвалось фонтаном конечностей и фрагментов тел, которые через мгновение растворились. Через главные входы в пещеру велся непрерывный, систематический обстрел. Демонов рвало в пар. Несущие Слово падали, их доспехи были изрешечены десятками болтерных снарядов.

Нет, - подумал Курта Седд.

Подкрепления Ультрадесанта методично и неотступно продвигались вперед. Метр за метром они возвращали себе пещеру. С собой они несли порядок. Они оттесняли Хаос, разрывая его ткань, развеивая суть демонов. Раненая тьма начала отступать.

НЕТ.

Вокс хором возвещал о поражении.

- *Отходим!* - слышался один голос.

- *Куда?* - раздалось ему в ответ.

Слева к Курте Седду нетвердо подошел Рефаз Кванн. Его доспех был вспорот попаданиями снарядов и бороздами от когтей.

- Капеллан, - произнес он. - Мы должны...

Рефаз Кванн еще не успел закончить фразу, как гранаты испарили демонов перед ними. Они были на прицеле у отделения Ультрадесантников. Курта Седд примагнитил пистолет на боку, схватил Рефаз Кванна за плечо и выдернул Несущего Слово перед собой. Лоялисты открыли огонь. Рефаз Кванн задержался, принимая на себя всю тяжесть обстрела.

- Никаких тебе «должны», - ощерился Курта Седд на умирающего легионера. Он попятился, продолжая удерживать того в качестве щита. В пространство между ними и Ультрадесанниками хлынули демоны.

Больше времени, - подумал Курта Седд. Он сорвал с пояса подрывной заряд. Это была рад-граната. Он метнул ее поверх демонов, в середину между Ультрадесанниками. За гулом взрыва последовали сдавленные булькающие звуки. Отходя, Курта Седд мельком увидел эффект от беспощадной радиации.

Оказавшиеся поблизости демоны утрачивали форму – их материальные тела атаковали сами себя. Сержант Ультрадесанта стоял на коленях. Его лицо представляло собой изъеденную язвами массу, сползающую с черепа.

Ультрадесантники снова запустили ракеты, на сей раз – от бокового входа, где Эфон прорвался через баррикаду. Они обрушили на открытое пространство тонны камней. Из пещеры было не выбраться. Единственным выходом оставалась бездна.

Нет!

Курта Седд отступал вместе с тьмой. Демоны перестали появляться из провала. Они все еще атаковали Ультрадесантников, однако лоялисты уже просчитали их. Непрерывная канонада уничтожала чудовищ издалека. Тех, кто подбирался вплотную, сжигали из огнеметов. Синяя стена надвигалась неостановимо, словно сама судьба.

Нет. Не моя судьба. Не когда еще столько всего не сделано.

Курта Седд добрался до пропасти. Он посмотрел вниз. Тьма варпа еще заполняла пустоту, и в ней все было ясно видно. По пути к левой стене примерно в четырех метрах ниже находился выступ. Его ширины как раз хватало, чтобы на него встать. Середина выступа проходила мимо разлома на поверхности скалы.

Выход.

Путь вперед для него еще продолжался.

- За мной, братья, - позвал Курта Седд.

Ток Деренот начал оборачиваться, и по его нагруднику застрочили снаряды. Они пробиты броню. За ними последовали и другие, массорреактивные заряды которых сдетонировали внутри грудной клетки. Попадания отбросили Ток Деренота на несколько метров назад. Он упал. Его ребра свободно двигались. Он попробовал пошевелиться. Тело реагировало медленно. Оно пыталось прекратить кровотечение. Пыталось не дать ему умереть. На конечности сил не оставалось.

А затем на грудь навалилась огромная масса.

Впусти меня.

В его сознание вгрызся зубастый разум.

Впусти меня.

Над ним присел демон. Черты существа были трудноразличимы, однако оно улыбалось, и эта улыбка была шириной с руку Ток Деренота. Лицо начало перестраиваться. Оно стало выглядеть, как его собственное.

Никогда. Он будет сражаться сам, а не как марионетка чужой сущности.

Ток Деренот приподнялся в сидячее положение, отбросив демона. Тот вцепился в него. Его волю вновь сдавила воля твари. Он нанес удар цепным мечом. Клинок прошел насквозь, выбросив мерзкий фонтан.

Он не мог встать. Ноги не отзывались. Он повернулся и увидел, как Курта Седд падает за край ямы. Сразу за ним следовал Каэлок. Остальные Несущие Слово отступали к тому же месту. Их оставалось так мало, ошметки Пятой роты.

Ток Деренот потащил себя вперед. Он полз по крови и растворяющейся трясине из варп-плоти и изуродованных трупов. Отдалялся от криков, взрывов и размеренного, систематического истребления Хаоса.

Когда он добрался до провала, то вспомнил о том моменте, когда висел на рампе перед командным узлом, и задумался, стоило ли что-то на самом деле той жертвы, которую он был готов принести.

Идти было некуда, только вперед.

Он подтянулся и свалился на выступ внизу. Контролировать свое падение он не мог. В груди что-то хрустнуло. Он начал сползать с выступа. Рядом с ним спустился Хужун и потащил его в узкий туннель в скале.

Пока Хужун волок его по проходу, Ток Деренот то терял сознание, то приходил в себя. Ему в ухо нашептывали голоса, похожие на шуршание старых костей, требовавшие впустить их. Он отказывался, отказывался и снова отказывался.

Движение прекратилось. Боль стала ровной, в глазах прояснилось. Он и его выжившие братья находились в небольшой пещере. Хужун оставил его, прислонив к стене. Рота была малочисленной, потрепанной, истекающей кровью. Присутствовало там и несколько культистов. Среди них была Хротис. В ней едва можно было признать человека. Казалось, будто она наслаждается своими ранами. Ее глаза сияли. Она не чувствовала себя проигравшей.

В центре пещеры, над присевшим на корточки Каэлоком стоял Курта Седд. Легионер рычал. Звук был текучим и металлическим, словно его одновременно издавали две гортани.

Голос в ухе и в сознании.

Впусти меня.

- Нет, - прошептал Ток Деренот.

Курта Седд обернулся и посмотрел на него.

- Да, - произнес он.

Демоническая плоть не выдержала. Ее больше не было, но тьма оставалась в пропасти, скрывая отступление Несущих Слово от Ультрадесантников. У Курты Седда имелось необходимое ему время. И он понял урок, преподанный смертью Вор Реннага.

Плоть сольется с варпом.

Во время отхода Каэлок плохо понимал, что происходит, и он стал финальным ключом. Освободившись на всех уровнях, кроме телесного, Курта Седд не колебался относительно принесения в жертву других Несущих Слово.

Каэлок находился в середине процесса получения дара. Его вера была абсолютна. Его повиновение было

незамутненным. Он приветствовал свое возвышение.

- Брат, ты слышишь приказ, не так ли? - спросил капеллан Ток Деренота.

- Да.

- Хаос избрал тебя, брат. Как я был избран, дабы вести нас, так и ты был избран, дабы совершить переход до меня. Мое время еще не пришло.

- Переход... - повторил Ток Деренот. Его голос звучал слабо из-за ран и горько из-за неприятия.

Хротис начала рисовать вокруг Ток Деренота круг, используя собственную кровь.

- Ты веришь богам и Слову? - спросил Курта Седд.

- Верю, - ответил Ток Деренот.

- Тогда повинуйся. Это не капитуляция, брат. Это победа. Ты станешь Освободившимся. Одним из сосудов нашей победы. Через Освободившихся Калт будет посвящен Хаосу.

- Я... - начал было Ток Деренот.

Курта Седд погрузил кулак в огромную рану на груди легионера. Ток Деренот судорожно вдохнул. Его тело оцепенело.

- Отпусти свое бремя, - велел Курта Седд. - *Вознесись!*

Воля Ток Деренота рухнула, и возвышение началось. Его тело затряслось, а затем дернулось вверх. Крик сменился двухголосым триумфальным рыком.

Курта Седд отступил назад. Культисты вопили от восторга. Легионеры Пятой роты Третьей Руки преклонили колени перед чудом. Ток Деренот и Каэлок увеличивались в размерах, их броня выворачивалась и срасталась с сухожилиями. На спинах и конечностях выступили рога и шипы. Шлемы стали одним целым с черепами. Керамит треснул и потек, а затем раззявился слюнявыми пастями.

Освободившиеся завывали. Теперь Хаос получил обличье, и это обличье было могучим. В вое слышались голод, угроза и торжество, и от злобы этого торжества содрогался подземный мир Калта.

Курта Седд озирает происходящее перед ним чудо и признавал труд своих рук. Его губы скривились при мысли о грядущих кровавых делах, о собственном окончательном возвышении и о катаклизме, который произойдет, когда Октет будет завершён. Когда тоже освободится от всех укрытий.

Курта Седд подумал о каре и рассмеялся. Страх больше не было. Было нетерпение.

Теперь он будет вершить кару.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Освободившиеся_/_The_Unburdened_\(новелла\)&oldid=9047](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Освободившиеся_/_The_Unburdened_(новелла)&oldid=9047)

Эта страница в последний раз была отредактирована 1 декабря 2019 в 14:25.